

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Научный журнал

*Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год*

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

Главный редактор

МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора

НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь

ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Размещено на сайте 13.02.2023

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founder and Publisher:

Founded in 2023
Published 4 times a year

10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

Chief Editor

Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor

Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary

Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Editorial address:

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Published on 13.02.2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕВА Екатерина Викторовна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна	канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГАЙНУТДИНОВА Дарья Александровна	магистр, ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГРИГОРЬЕВА Юлия Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна	доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КИСЕЛЕВА Мария Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОХАН Ирина Николаевна	канд. филол. наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА Ирина Владимировна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА Надежда Семеновна	канд. филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ Александр Николаевич	канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СТАРОДУМОВА Елена Алексеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА Елена Сергеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АЙ Хуэйжун	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)
АНДРОСОВА Светлана Викторовна	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор ист. наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария).
КИРЕЕВА Наталья Владимировна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филол. наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицян	канд. филол. наук, доцент Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филол. наук, доцент кафедры литературы Северо-восточного государственного университета (Магадан, Россия)
САЙ На	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филол. наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
ХАЧАТРЯН Наталья Михайловна	доктор филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)
ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна	доктор филол. наук профессор, заведующая кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

EDITORIAL TEAM

Ekaterina V. BONDAREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tatyana I. BRESLAVETS	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Daria A. GAINUTDINOVA	Master, Senior Lecturer at the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Yuliya S. GRIGORYEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Maria S. KISELEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Olga N. ALEXANDROVA-OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana E. AUTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusova (Yerevan, Armenia)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan, Russia)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Николаева О.В.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ПОЛИНЕЗИЙСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ	3
<i>Пивоварова Е.В.</i> ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ – «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» ПЕРЕВОДЧИКА)	13
<i>Маношкина А.В., Морева Н.С.</i> КУЛЬТУРНАЯ АПРОПРИАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ «ФУА-ГРА» В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	20
<i>Михеева И.В.</i> СИСТЕМАТИКА ЛЕКСЕМ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИГОРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ФАИЗЫ ГЕН «DU REVE POUR LES OUFIS»)	29
<i>Корнилова Л., Нурзет Ч. С.-Б.</i> СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РАМКАХ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	40
<i>Королева П.Э., Пивоварова Е.В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА «ВОСТОК-ЗАПАД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГДР И ФРГ	49
<i>Бояркина А.В.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР	58
<i>Павлова Ю.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ЛИНГВОКРЕТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)	65
<i>Григорьева Ю.С.</i> АНГЛОСАКСОНСКАЯ КАРТИНА МИРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ГЕРОИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ К ХРИСТИАНСКОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «ЮЛИАНА»)	68

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Первушина Е.А.</i> ПЕРЕВОДНОЙ ШЕКСПИР В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА: АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВ (К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА)	78
<i>Киселева М.А., Козачёк А.В.</i> ОТРАЖЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРАЗЕ КОТА/КОШКИ ИЗ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ XIX–XX ВВ.	87
<i>Червякова Д.Ю.</i> «НАВЕДУ ЛИ Я В ЗЕМЛЯХ МОИХ ПОРЯДОК?»: АЛЛЮЗИИ НА ПОЭМУ Т. С. ЭЛИОТА «БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «ДЭНИЕЛ МАРТИН»	95

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА. ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ

<i>Бреславец Т.И., Красюченко И.А., Пантелеева М.В.</i> АНТОЛОГИЯ ТАКАМУРА КОТАРО И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	109
<i>Корнилова Л.Е.</i> «ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЛАДИВОСТОК»: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕТРА УНТЕРБЕРГЕРА (Перевод с немецкого языка с комментариями переводчика)	121

Научная статья
УДК 811.111

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ПОЛИНЕЗИЙСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ

Ольга Васильевна Николаева

доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии,
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические компоненты семантики полинезийских этнических паремий. Постулируется общность глубинной аксиологии народов Полинезии, обусловленная общностью происхождения и ранней истории полинезийских культур. Глубинная аксиология определяет закономерности типологического сходства семантики полинезийских паремий. Определены культурно-исторические факторы сложения паремиологического фонда полинезийских языков; установлены аксиологические доминанты, выраженные в значениях и актуальных смыслах паремий, а также конституирующих образах и внутренней форме полинезийских пословиц и поговорок. Методика исследования опирается на лингвоаксиологический анализ. Материал включает 475 пословиц и поговорок из полинезийских языков: маори, тонганского и самоанского.

Ключевые слова: лингвоаксиология, аксиологический потенциал, аксиологическая доминанта, поремиология, этническая паремия, пословица, поговорка, полинезийские культуры, восточно-полинезийский язык маори.

Для цитирования: Николаева О.В. Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 3–12.

Original article

AXIOLOGICAL ASPECTS OF THE POLYNESIAN PAROEMIA SEMANTICS

Olga V. Nikolaeva,

Doctor of Philology, Head of the Department of Romano-Germanic Philology,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. The article discusses the axiological components of the semantics of Polynesian ethnic paroemias. Shared axiology of the Polynesian cultures was postulated, due to the common origin and early history of Polynesian peoples. Deep axiology determines the patterns of typological similarity of the Polynesian paroemia semantics. The cultural and historical factors in the evolution

of Polynesian paroemiological funds were determined; axiological principles were established, expressed in the semantics and actual meanings of the paroemias, as well as in the constitutive images and the inner form of Polynesian proverbs and sayings. The research methodology was based on linguo-axiological analysis. The material included 475 proverbs and sayings from Polynesian languages: Maori, Tongan and Samoan.

Key words: linguoaxiology, axiological potential, axiological principle, paroemiology, ethnic paroemia, proverb, saying, Polynesian cultures, East Polynesian Maori language.

For citation: Nikolaeva O.V. Axiological Aspects of the Polynesian Paroemia Semantics // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 3–12. (In Russ.)

Настоящее исследование посвящено изучению аксиологических аспектов семантики этнических паремий полинезийских языков.

Актуальность исследования состоит в теоретическом осмыслении аксиологии миграционных полинезийских сообществ, особенностей их восприятия мира, специфики фиксации общественного опыта посредством пословиц и поговорок. История расселения народов на острова Полинезии позволяет проследить развитие типологически-значимых аксиологических принципов, получивших закрепление в семантике паремий. Изучение полинезийских паремий является средством доступа к сознанию народов, аксиологически-обусловленному отражению ими окружающего мира.

Целью настоящего исследования является выявление способов актуализации ценностных доминант в пословичных фондах полинезийских языков.

Материалом для исследования послужили паремии полинезийских языков общим объемом 475 пословиц и поговорок. В качестве источников материала исследования выступают паремиологические сборники языков Королевства Тонга, Самоа, восточно-полинезийского языка маори; мифы и легенды Полинезии; стихи и художественные произведения полинезийских авторов, в том числе на английском языке.

Задачи исследования включают:

- определение культурно-исторических факторов сложения паремиологических фондов полинезийских языков;
- выявление системы конституирующих образов этнических паремий Полинезии;
- выявление эксплицитной и имплицитной модальности полинезийских паремий;
- установление аксиологических доминант, актуализованных в семантике пословиц и поговорок Полинезии.

Основной методикой исследования является лингвоаксиологический анализ, позволяющий извлекать ценностно-значимые компоненты из языковых единиц и структур, частными приемами в настоящей работе служат концептуальный анализ, анализ словарных дефиниций и контекстный анализ.

Теоретическая база исследования основана на интеграции подходов лингвистической аксиологии [1; 2; 3] и лингвистической типологии, примененных к анализу паремий. Теория лингвистической типологии постулирует структурные и семантические сходства пословиц в языках мира или языковых типах: формального построения пословичных структур, модальности, значения пословиц.

Лингвистическая аксиология сосредоточена на выявлении языковых особенностей, возникающих по причине ценностно-обусловленного восприятия мира. В то же время, как отмечает И.В. Шалина, лингвоаксиологическая интерпретация предполагает «извлечение из речевого континуума ценностных суждений, которые позволяют выявить представления о том, что является для коммуникантов должным, правильным, социально и личностно желанным, реконструировать презумпции и установки, которыми руководствуется человек или социальная группа» [3, с. 122].

Соединение двух подходов может выявить сходства и различия ценностных доминант и способов их актуализации в пословичных фондах генетически связанных языков Полинезии.

Картины мира полинезийских этносов исторически сформировались как миграционные. Сложение когнитивной идентичности мигрантов определяет общая аксиологическая доминанта – ценность исторической родины, проявляющаяся системно как воспроизводство прежних концептуальных систем, ментальных моделей, аксиоматики и аксиологии.

Так, паремиологический фонд восточно-полинезийского языка маори изобилует паремиями, указывающими на актуализацию ценности *исторической родины*. В мифах, легендах и паремиях далекая родина запечатлена под именем *Hawaiki*. Предположительно, из центральной части Океании мигранты отправились на острова восточной Полинезии. Центральная часть Океании, возможно, является той самой родиной *Hawaiki* для непосредственных предков маори [5, р. 32]. Согласно другим теориям, далекой родиной маори могли быть и острова западной и северной Полинезии, вследствие чего *Hawaiki* является больше символическим именем, означающим пункт отправления [9, р. 81].

Пословицы и поговорки маори упоминают также название острова Рангиатеа (*Rangiatea*): *E kore e ngaro te kakano i ruia mai i Rangiatea* – Никогда не исчезнет жизнь, возникшая из семени, разбросанного из *Рангиатеа* (*I shall never be lost; the seed which was sown from Rangiatea*).

Это высказывание приписывается племенам одного из первых каноэ (*Aotea waka*), на котором полинезийские мигранты прибыли в Новую Зеландию. При этом *Ra'iatea* является одним из *Островов Общества* (*The Society Group*). Интерпретация этой поговорки в паремиологических сборниках указывает, что остров *Rangiatea* для этих племен и был исторической родиной Хавайки: *The source of life derived from far off Rangiatea (in anscient Hawaiki) will never die* [6]. Эта поговорка в языке маори известна и в сокращенной форме: *He kakano ahau, ruia mai i Rangiatea* – Я семя, разбросанное из *Рангиатеа* (*I am a seed, scattered from Rangiatea*) [14]. Историческая память через пословицы и поговорки сохранила образ этого острова как земли предков.

Возможно, что остров Рангиатеа получил отражение в поговорках вследствие того, что это имя было известно в полинезийских культурах как имя самого высокого уровня Небес (*Rangi* – Небеса). Кроме того, это слово было названием места, где впервые возникло учение духовного наследия предков, для передачи другим поколениям, здесь появилась первая школа знаний о богах и истории племен. Для бесписьменной культуры Полинезии это имело непреходящее значение [9, р. 155].

В пословицах и поговорках маори образ *родины Хавайки* связывается, прежде всего, с *далекой родиной* и в переносном смысле используется для передачи *отдаленности* и, вследствие этого, особой *ценности*.

Например, актуализация образа *далекой Хавайки* содержится в поговорке *Kai Hawaiki poa atu ahau e noho atu* – Я сижу далеко на Хавайки (*I am sitting far away at Hawaiki*) [4].

Предположительно эти слова произнес маори, который отказался пересечь поближе к огню. В этой поговорке явным смыслом является *отдаленность* места, а скрытым обертоном – особая *ценность* этого места, а само высказывание пронизано чувством гордости и достоинства.

Образ *Хавайки* стал *ментальной моделью* для восприятия дальнего расстояния, отдаленности, крайнего рубежа в прямом и переносном смыслах. Так, поговорка *Ka ko tia te taitaru ki Hawaiki* метафорически передает ситуацию, зашедшую слишком далеко, когда назад уже пути нет (The road, to *Hawaiki* is cut off). Расстояние до *Хавайки* служит *ментальным эталоном* определения конечного рубежа, за которым все может быть иначе.

В другой поговорке образ родины символизирует *горстка земли из Хавайки*. С горсткой земли имплицитно ассоциируется и еда, добытая великой ценой. Одновременно акцентируется *ценность родины* как *ценность еды*. Еда в руке передается как *горстка земли из Хавайки в руке*: *Te iti oneone I kapunga mai I Hawaiki* – A little bit of earth from *Hawaiki* in the hollow of the hand [4]. Маори чувствовали, что именно родине они обязаны плодородием культур. Плодородие подчеркивалось, например, при помощи образа *хлебного дерева*, привезенного из *Хавайки*: *He poporo tu kit e hamuti* (A fruiting tree grows well on a dunghill), где *poporo* – *breadfruit tree of Hawaiki* [4].

Наиболее значимые для жизни растительные культуры были завезены из Полинезии. Тематические группы фитонимов содержат указание на полинезийское происхождение растений: хлебное дерево *poporo*, сладкий картофель *kumara*, таро *taro* [5, p. 32]. Так, известно, что сладкий картофель *kumara* (попавший в Полинезию, вероятно, из Центральной или Южной Америки) был привезен в Аотеароа мигрантами из *Хавайки*, а возможно, им пришлось даже и возвращаться назад за этой культурой: “It was brought from *Hawaiki*, and in some traditions may even have been the cause of a special return voyage to collect it” [9, p. 101]. Для маори кумара стал самым культивируемым растением.

Значимость картофеля была очень велика, что способствовало его персонификации. В традиционном фольклоре маори сладкий картофель воспевается, ему приписывается *божественное* происхождение. Образ сладкого картофеля послужил источником метафорических переосмыслений. Например, в поговорке *Kaore te kumara e korero mo tona mangaro* – Кумара не говорит, как он сладок (The *kumara* doesn't say how sweet it is) [4] говорится о скромности и порицается хвастовство.

Таким образом, образ *kumara* функционировал в традиционной картине мира маори как *ментальный эталон*, приписываемые ему свойства служили мерилем и человеческих качеств. Ментальная связь образа сладкого картофеля *kumara* с родиной имплицитно и в другой поговорке: *Mara kumara a Ngatoro-i-rangi* – картофельные плантации жреца одной из первых каное *Ngatoro-i-rangi* (The *kumara* plantations of *Ngatoro-i-rangi* (priest of *Te Arawa* canoe)) [4].

Если картофельный клубень был поврежден, то чтобы спасти урожай, в ту же лунку сажали еще один, что стало аналогом общественных отношений, когда племя можно было спасти, женившись на дочери победителя: “Ultimate defeat may be avoided if a man contrives to marry the daughter of the man who overcame him. The *analogy* probably comes from the *planting* of *kumara*” [4, p. 35].

Сладкий картофель ассоциировался с *мирной жизнью, миром*, что также демонстрирует и следующий пример: *He pukai to Tu, he pukai to Rongo* – куча (мертвых тел) бога войны *Tu* и куча (сладкого картофеля) бога мира *Ронго*, иначе: война и мир (A heap of *Tu*, a heap of *Rongo*) [4, p. 106]. Здесь образ *kumara* проявляет свойства концепта-символа: *символа мира*.

Начальный период миграции характеризуется стремлением воссоздать образ прежней родины. Другое растение таро *taro*, широко известное в Океании, также стало значимым источником пищи, подобно сладкому картофелю. В поговорках образ таро служит, например, для выражения несокрушимости племени, которое невозможно уничтожить, как и множество корней таро: *He puia taro nui, he ngata taniwha rau, e kore e ngaro* (Many taro roots in a clump, and hundreds of taniwha – these cannot be destroyed) [4, p. 78]. Пример свидетельствует о функции ментального эталона образа *taro*: множество корней таро служило мерилom непобедимости собравшихся вместе людей.

В картине мира маори *Хавайки* функционирует как образ-мифологема. В устной традиции маори запечатлен образ *Hawaiki-nui* или *Hawaiki-rangi* как огромного дома на горе на далекой родине Хавайки. Этот дом был промежуточной остановкой на пути душ умерших, которые отправлялись на север Северного острова (Рыбы Мауи *Te Ika a Maui*) к мысу Реинга, где срывались в волны и путешествовали к месту заката солнца. Само название *Reinga*, или иначе *Te Wairua-rerenga* означало *the leaping place of spirits* / «место прыжка духов» [9, p. 149]. Затем души попадали в дом *Hawaiki-nui*, в котором было четыре входных двери, но только два выхода, один в подземное царство, другой – на небеса [9, p. 82]. Души умерших отправлялись назад на родину, через которую они и попадали в рай или в ад.

Таким образом, для миграционной картины мира маори ценность исторической родины Хавайки имеет особую значимость. Легенды о путешествии душ умерших назад к родине свидетельствуют о коллективной памяти и общественном осознании самого факта миграции и прибытия на новые острова и, в какой-то степени, временности своего пребывания на этой новой земле. Исследование показало, что образ *Hawaiki* функционировал в традиционной картине мира маори сразу в нескольких ипостасях: 1. как *аксиологический*, 2. как *аксиоматический* (мифологема), 3. как *ментальный эталон, когнитивная модель*.

Ценностный ориентир исторической родины отразился и на развитии концептосферы «социальные отношения», вследствие чего ключевые принципы межплеменных и межличностных отношений *mana* / сила, уважение, *utu* / взаимность, *tapu* / табу были также унаследованы из полинезийской картины мира.

Так, например, одним из важнейших в картине мира маори является образ *mana*, который является основополагающим для Полинезии в целом. Во всех полинезийских языках определение лексемы *mana* имплицировало присущий этому образу принцип *энергетической силы* в разных проявлениях (достоинство, уважение, престиж, авторитет, власть, сила, честь и честность), который был свойственен людям, племени, богам. В полинезийских языках у этой лексемы существуют нижеследующие определения. В Самоа: *mana* – supernatural power; Таити: *mana* – power, might, influence; to be in power; honour; в гавайском языке: *mana* – supernatural power, such as was supposed to be the attribute of the gods; power, strength, might; strong, powerful; в языке Королевства Тонга: *mana* – a miracle [12].

В следующих словах вождя, ставших впоследствии поговоркой, подчеркивается, что без *мана* культура маори не могла бы существовать: *Toi te kupu toi te mana, toi te whenua* – всегда будет язык, достоинство (мана) и земля [12; 4].

В сознании маори человек рождался с *мана*, и в течение жизни он мог преумножить или уменьшить ее своими поступками. Люди старались оберегать *мана*, часто прибегая к другому основополагающему принципу – мести или сатисфакции (*utu*) даже за малые или воображаемые посягательства на *мана* [9, p. 194]. Энергетическая сила *мана* поддерживалась при помощи

принципа священности, защиты, даруемой богами (*tapu*). Все три принципа взаимосвязаны и составляют ценностные ориентиры полинезийской когнитивной идентичности, отраженной в традиционной концептуальной картине мира маори.

Еще одним наследием исторической родины Хавайки явился глубинный принцип коллективного бессознательного полинезийцев – обожествление сил природы как способ объяснения окружающего мира. Все природные сообщества объединяют принципы единства материального и духовного, физического и метафизического, естественного и мифического, но форма реализации этих принципов в разных картинах мира своя.

В концептуальной картине мира полинезийцев нашли свое отражение божества, обожествленные герои, многочисленные сверхъестественные существа, духи и персонифицированные фигуры: их образы неотделимы от образов реальности, живут среди людей, помогают им объяснить окружающий мир.

Из полинезийской картины мира была унаследована значимая концептосфера «*божества и духи*», которая в языке маори отразилась в тематических группах *теонимов* (имен богов) и *мифонимов* (обозначений мифических персонажей). В данные тематические группы входят следующие онимы: 1. имена богов, отвечающих за силы природы; 2. имена многочисленных (70) детей Земли и Неба; 3. имена персонификаций предметов; 4. названия божества племени и войны [9, p. 76].

Пословицы, поговорки и традиционные песни маори изобилуют такими именами. В фольклоре эти существа наделяются человеческими и сверхчеловеческими качествами и служат для передачи разнообразных явлений жизни, часто акцентируют божественное происхождение целых племен. Выгравированная фигура Пайкеа на крыше Дома собраний племен маори (meeting houses *Te Kani, Ko Rangi, Whitireia*) является символом, напоминающим, что предки племен, а значит, и сами племена имеют божественное происхождение. Боги и люди в сознании маори были неразделимы, мифическое переплеталось с реальным.

Одним из наиболее почитаемых в Полинезии был бог Ту. В Новой Зеландии Ту был богом войны. Его знали под несколькими именами, самое известное из которых *Tu-mata-uenga*. По легендам, он посоветовал своим братьям уничтожить своих родителей *Rangi* (Heaven / Небо) and *Papa* (Earth / Земля), но те послушались бога *Tane* (Бога лесов) и только развели их, пустив в мир солнечный свет [12].

Таким образом, практически в каждом произведении традиционного фольклора маори упоминается *божество или персонифицированный герой*, к которому люди взывали о помощи. В ситуациях повседневной жизни маори вели себя так, как если бы духи предков постоянно находились рядом с людьми. В мифическом прошлом своих предков полинезийцы и маори, в том числе, искали и находили для себя модели поведения, цели, устремления [8, p. 122]. Признание неразрывной связи между жизнью людей и высшими силами помогало объяснять происходящее, служило источником энергетической силы мана.

Духовное наследие Полинезии послужило общим каркасом для восприятия всего окружающего мира первыми поколениями мигрантов. Однако каждая волна миграции способствовала большей концептуальной модификации и специализации. Постепенно ценность исторической родины вступила в противоречие с новым ценностным рядом, к людям пришло понимание, что новая окружающая среда не хуже, а может быть и лучше прежней.

Символично вся ситуация передана в поговорке маори при помощи образа *похутукавы* (дерева *rohutukawa*). Красные цветы похутукавы первоначально разочаровали прибывших из

Хавайки маори: увидев цветы издали, они хотели использовать их для украшений на голове вместо привезенных с собой красных дорогих перьев, они выбросив перья в воду, а после обнаружили, что красивые цветы быстро вяли на солнце. Разочарованию, однако, подверглись не все, и один из вождов решил, что цветов здесь больше, чем дорогих красных перьев на *Хавайки*: E kua nui ake te kura o tenei kainga i te kura o Hawaiki, ka panga hoki ahau i aku kura ki te wai – See there, red ornaments for the head are much more plentiful in *this country* than in *Hawaiki*, so I'll throw my red head-ornaments into the water [4, p. 25]. Тот факт, что поговорка стала крылатым выражением, позволяет образно обобщить всю ситуацию познания новой окружающей среды: признание преимуществ новой родины происходило постепенно, не всеми и не сразу, противоречия ценностных рядов вызывали разочарования и конфликты, разрешение которых и приводило к смене жизненных ориентиров.

Именно на уровне локальной когнитивной идентичности приобретают завершающие содержательные штрихи все *общие ценностные ориентиры* (природных сообществ и региональные полинезийские). Многие маорийские ценности демонстрируют их сохранение, но проявляют гораздо большее *содержательное отличие*, что является результатом изоляции в новых природных и климатических условиях на длительное время. Так, например, для маори имело значение появление Плеяд до восхода солнца, а в Полинезии – на закате солнца, соответственно, начало нового года у маори приходилось на май-июнь, тогда как в Полинезии – на декабрь.

Ценностный ориентир whakapapa (*родословная*) является одним из базовых полинезийских. Для маори родословная становится *многоступенчатой* категорией. Так, к генеалогии маори относятся мифические представления о *происхождении со времен сотворения*. Согласно многочисленным легендам, мать – Земля (*Papa-tū-ā-nuku*) и отец – Небо (*Rangi-nui*) находились в тесном объятии, их шесть сыновей (Tānemahuta, Tāwhirimātea, Tangaroa, Tūmatauenga, Haumiatikitiki and Rongomātāne), замкнутые внутри в узком, темном пространстве, задумали разделить отца и мать и пустить в мир свет. От этих мифических персонажей, согласно мифологии маори, и началось все живое, в том числе и люди [13, p. 11–14].

Следующая ступень в генеалогии маори отражает представление о происхождении племени от предка, жившего на Хавайки, который, в свою очередь, является потомком божественного предка (см. выше *Paikea* – мифический предок племени Ngāti Porou, герой, сын бога Uenuku).

Последние ступени определяются собственно локальным типом идентичности маори: *происхождение от экипажа одной из первых каноэ (waka)*, прибывших на острова Новой Зеландии и родословная от общего предка племени на земле Аотеароа. Концепт *waka* передает древнюю ступень развития маорийского общества: каждое из первых каноэ, которых было всего от восьми до десяти, образовало группу близкородственных племен. Они могли соперничать между собой, но объединялись перед лицом угрозы выходцев из других первых каноэ *waka*. Родословная священна, и маори знают, от какого каноэ предков ведет начало их род.

Родословная как базовая ценность, пронизывает всю картину мира, является следствием глубинного принципа в коллективном бессознательном полинезийцев *человек – природа – общество*. С одной стороны, этот ценностный ориентир воплощает в себе неразрывную связь человека с обществом (через его принадлежность к семье, племени, одной из первых каноэ, происхождение от мифического божественного предка), с другой – единство человека с природой, и, прежде всего, с землей.

Например, в тонганском языке неразрывная (пуповинная) связь человека со своей родословной и с землей отражена в поговорке Kunkombokombo nkukwanu (where you buried your umbilical cord will always be your home) [7]. В языке Самоа в поговорках подчеркивается связь с семьей: E leai se mea e sili atu i lo lo'u aiga. Семантика слова *aiga* (семья) в языке Самоа указывает на родословную, включение в состав семьи нескольких поколений прямых и побочных родственных связей: O le tagata ma lona aiga, o le tagata ma lona fa'asinomaga (Every person belongs to a family and every family belongs to a person).

В языке маори слово *whakapapa* (родословная) может рассматриваться как состоящее из двух компонентов: каузативного префикса *whaka* – a prefixed causative; generally, it has the sense of “to cause,” “to make to do” [Tregear, 1891] и компонента *papa* от мифологического имени Матери-земли *Papa-tū-ā-nuku* – *Earth mother* [11]. Таким образом, родословная связана с землей, и шире, маори связаны с землей через свою родословную: “the origin of Māori attachment to land is the belief in *Papatūānuku*, *Mother Earth*, which all Māori genealogically link to through their *whakapapa*” [13, p. 70].

Связь родословной и земли выражена в пословице маори: *Noku te whenua*, o oku *tupuna* – моя земля, земля моих предков (The land is mine, inherited from my ancestors) [6]. Следовательно, для маори ценность *whakapapa* ингерентно содержит признак *земля*, который, в свою очередь, стал одной из основных ценностей маори. Таким образом, ценность *whenua* (земля) является порождением локального типа когнитивной идентичности маори. Переселившись на острова Новой Зеландии, маори стали *tangata whenua* (люди земли).

В пословицах и поговорках маори образ земли занимает особое место. Прежде всего, народная мудрость подчеркивает первостепенность земли, ее вечность по сравнению с жизнью человека: *Toitu he whenua (kainga)*, *whatu nga-rongaro he tangata* – земля останется, человек исчезнет (Land is permanent, man disappears) [4, p. 82]. Эта же идея выражена и в других поговорках: *He kura tangata e kore e rokohanga*, *he kura whenua ka rokohanga* – богатство человека неечно, богатство земли навсегда (The treasured possessions of men are intangible; the treasures of the land are tangible) [4, p. 82]. Сочетание лексем *kura whenua*, где *kura* означает ценность, свидетельствует об отношении маори к земле.

С образом земли связана идея и о самой жизни человека: *Te toto o te tangata, he kai; te oranga o te tangata, he whenua* – пища питает кровь человека, а от земли зависит его жизнь (Food supplies the blood of man; his welfare depends on the land) [4, p. 82]. В данной поговорке ситуация передана при помощи таких значимых концептов, как *кровь*, *пища*, *человек*, *земля*, *жизнь* (*oranga* – life [10]), таким образом, земля поставлена в один ряд с важнейшими для человека сущностями, без которых невозможна жизнь.

Маорийские пословицы и поговорки о земле как вышеприведенные, так и многие другие (ср. *haha te whenua*, *haha te tangata* – на опустевшей земле и человек покинут [4, p. 38]; *haha te whenua*, *kahore he tangata* – на опустевшей земле и человека нет [15]) показали совместную встречаемость лексем *whenua* и *tangata*, что подчеркивает взаимосвязь и единство концептов *человек* и *земля* в сознании маори. В традиционной картине мира маори ядро концепта *tangata* составлял признак *human person*, который ингерентно имплицировал многочисленные признаки, связанные с наследственностью, родословной и землей.

В поговорках маори замечена вариативность лексем *whenua* (*land / земля*) и *kainga* (*village, home, house / деревня, дом, домашний очаг*): *He kura whenua (kainga) e hokia*; *he kura tangata e kore e hokia*, целостное значение поговорки при этом не изменяется – богатство

человека не вечно, богатство земли навсегда [4, р. 83]. Такая взаимозаменяемость при передаче тождественной ситуации свидетельствует, что концепт *whenua* (земля) включал в себя и признак *kainga* (домашний очаг, дом, деревня). Маори идентифицируют себя не с землей вообще, а только с той землей, где их место рождения, могилы предков их семьи (*whanau*) и племени (*iwi, hapu*).

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что в полинезийских паремиях зафиксирована ценностная доминанта исторической родины. Образ Хавайки является конституирующим, а также проявляется дисперсно, в виде аксиологических маркеров (ценностных концептуальных признаков) в многочисленных концептуальных структурах. Ценности *родословная* и *земля* воплотились в возникновении особых типов локальной когнитивной идентичности полинезийцев. В паремиях маори выражен концепт *whenua*, имплицитно идентифицирующий с землей предков, наследственность, родословную. Именно под влиянием локальной когнитивной идентичности *tangata whenua* (люди земли) возникли содержательные отличия картины мира маори от полинезийской, а весь ценностный комплекс получил уникальное своеобразие.

Список литературы

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
2. Старостина Ю.С. Роль заглавий в формировании лингвоаксиологической специфики англоязычного драматургического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 165–175.
3. Шалина И.В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 121–132.
4. Brougham A.E. Book of Maori Proverbs / A.E. Brougham, A.W. Reed. Auckland: Reed Publishing (NZ) Ltd., 2007. 188 p.
5. King M. The Penguin History of New Zealand. Auckland: Penguin Books, 2003. 570 p.
6. Maori Proverbs [Электронный ресурс] // Maori Proverbs with their English Translation. Whakatauki. URL: <https://www.maori.cl/Proverbs.htm> (дата обращения: 26.09.2022)
7. Mumpane I. Tonga proverbs. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mumpane.net/tonga-culture/262-tonga-proverbs-by-isaac-mumpane?showall=1> (дата обращения: 26.09.2022)
8. Patterson J. Exploring Maori Values. Palmerston North: Dunmore Press, 1992. 191 p.
9. Reed A.W. Taonga Tuku Iho: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life / A.W. Reed. Auckland: New Holland Publishers, 2002. 208 p.
10. Reed Essential Maori Dictionary (The) / Ross Calman & Margaret Sinclair. Auckland : Reed Books, 2003. 147 p.
11. Te Aka Maori-English, English Māori Dictionary and Index. Longman/Pearson Education New Zealand, 2005. 376 p. URL: <http://www.maoridictionary.co.nz/> (дата обращения: 26.09.2022)
12. Tregear Ed. Maori-Polynesian Comparative Dictionary / revised in 2005 by Colin Doig. Wellington, New Zealand: Lyon and Blair Printers, 1891. 675 p.

13. *Walker R.* Struggle Without End: Ka Whawhai Tonu Mātou. Auckland: Penguin, 1990. 163 p.
14. Whakatauki [Электронный ресурс] // Ko te reo (Language) / Main Maori Site on the Net. URL: <http://www.maori.org.nz/kotereao/> (дата обращения: 26.09.2022).
15. *Williams H.* Williams Maori Dictionary / H. Williams. Wellington: R.E. Owen, Government Printers, 6th edition, 1957. 499 p.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 81.373.47

ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ – «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» ПЕРЕВОДЧИКА)

Екатерина Владимировна Пивоварова

кандидат филологических наук, доцент,

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,

pivovarova_kate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Аннотация. Фразеологизмы – «ложные друзья» переводчика, занимающие особое место в лингвистике и переводе в силу своего формального сходства в двух языках при одновременном семантическом неравенстве, рассматриваются с позиции творческого подхода к их употреблению представителями русской и немецкой культур. Креативное использование фразеологизмов в целом и «ложных друзей» переводчика в частности становится предпосылкой для изменения и обновления фразеологического фонда языков и способно стать причиной переводческих ошибок. В связи с этим настоящее исследование ставит своей целью выявление особенностей лингвокреативности на семантическом и морфосинтаксическом уровнях у фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика, для чего автор прибегает к анализу их действительного современного употребления в корпусах немецкого и русского языков.

Ключевые слова: «ложный друг» переводчика, фразеология, лингвокреативность, корпусный анализ.

Для цитирования. Пивоварова Е.В. Языковое творчество во фразеологии немецкого и русского языков (на примере фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 13–19.

Original article

LINGUISTIC CREATIVITY IN GERMAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGY (BASED ON CORPORA-ANALYSIS OF “FALSE FRIENDS” PHRASEMES)

Ekaterina V. Pivovarova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University,

Vladivostok, Russia, pivovarova_kate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Abstract: The article deals with “false friends” phrasemes relating their creative usage in German and Russian. The phenomenon of set expressions, that seem to coincide in their actual meanings in two languages due to their similar morphosyntactic structures or similar inner images, is of great interest in linguistics and translation theory. Creative usage of such expressions by native

speakers can add to the problem of right perception and real meaning decoding by non-native speakers. The article aims to identify creative potential of German and Russian “false friends” phrasemes on semantic and morphosyntactic levels, which could contribute to their proper usage and help to avoid mistakes. Contrastive analysis of lexicographic sources and modern corpora data helps to verify changes occurred with “false friends” phrasemes.

Key words: “false friend” phraseme, phraseology, linguistic creativity, corpora analysis.

For citation: Pivovarova E.V. Linguistic Creativity in German and Russian Phraseology (Based on Corpora-Analysis of “False Friends” Phrasemes) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 13–19. (In Russ.)

Языковое творчество, являющееся неотъемлемой частью развития любого языка, представляет собой сложное, многогранное и многоуровневое явление. Оно может затрагивать как речь отдельного индивида, так и изменение языка в целом, лишь относительно зависящее от сообщества, говорящего на нем. Согласно О.С. Ахмановой, языковое творчество может быть результатом самопроизвольного развития языковой системы, внешнего по отношению к коллективу, пользующегося этим языком [1, с. 536]. Кроме того, креативное обращение с языком проявляется на разных уровнях. Лингвокреативность на лексемном уровне подразумевает словотворчество как процесс создания новых слов путем сочетания существующих словарных элементов или путем изобретения новых звуко сочетаний [1, с. 415]. Лингвокреативность на фразеологическом уровне затрагивает целые последовательности слов. По нашему мнению, сам факт существования фразеологических единиц (ФЕ) свидетельствует о творческом обращении с языком, когда культурное своеобразие социума, его жизненные уклады, окружающая действительность «застывают» в образах и метафорах и вербализуются в устойчивых выражениях. Дальнейшее проявление языкового творчества можно наблюдать в изменении существующих фразеологизмов: их морфосинтаксисе, компонентном составе, семантике. В данной работе мы проанализируем изменения некоторых фразеологизмов в немецком и русском языках с позиции проявления лингвокреативности немецкой и русской наций. Материалом исследования послужили фразеологизмы – «ложные друзья» переводчика (ФЕ-ЛДП), которые сами по себе вызывают трудности в понимании носителями языка, а с учетом изменений, происходящих с ними, проблема правильного понимания их значения и дальнейшего употребления на иностранном языке становится еще актуальнее. Для выявления особенностей изменений, произошедших с ФЕ-ЛДП в немецком и русском языках, мы обратились к мангеймскому корпусу современного письменного немецкого языка DeReKo и Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), которые на данный момент являются самыми крупными электронными собраниями печатных текстов.

В данном исследовании под фразеологизмами – «ложными друзьями» переводчика понимаются устойчивые выражения в двух или более языках, которые обладают различными актуальными значениями, но могут вызвать ложные ассоциации из-за сходства морфосинтаксических структур и/или сходства отдельных компонентов внутри выражения и/или аналогии внутренних форм (образных картин) и/или разницы в количестве или объеме актуальных значений и/или разницы в стиле и частотности употребления. Термин актуальное значение мы используем вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [2, с. 1] и понимаем под ним действительное контекстуальное значение, в котором употребляется фразеологизм в речи

носителей языка. Это значение может расходиться со значением, указанным в лексикографических источниках. Одним из примеров ФЕ-ЛДП является пара «*sich auf die Hinterbeine setzen/stellen*» (дословно с нем. «садиться/ вставать на задние лапы») и русск. «стоять на задних лапках». Морфосинтаксические структуры указанных выражений очень близки, они обладают сходными на первый взгляд образными картинками, но при этом они полностью расходятся по актуальным значениям. Так, немецкий фразеологизм имеет 2 значения: '*стараться, прилагать усилия*' и '*противиться, не подчиняться*' [8, с. 340]. Русское выражение имеет значение '*заискивать, угодничать*' [3, с. 331]. Причиной расхождения значений являются разная этимология и разные образы. В основе немецкого фразеологизма лежит образ защитной или атакующей стойки, характерной для четвероногих животных (например, лошадей или медведей). Русский фразеологизм был впервые придуман И.А. Крыловым и употреблен в басне «Две собаки». Одна из собак, Жужа, была все время ласкова по отношению к своему хозяину, заискивала перед ним, в результате чего получала больше ответной любви. Остававшийся верным годами сторожевой пес Барбос, исправно несший свою службу, не был удостоен должным вниманием хозяина. Согласно русскому фразеологизму, лебезя и заискивая, можно извлечь собственную выгоду.

Приведенный пример демонстрирует, с одной стороны, то, как языковые сообщества творчески отразили метафору о поведении животных во фразеологизме, а с другой – то, как языковое творчество конкретного писателя закрепилось во фразеологическом фонде русского языка.

Фразеологизмы, несущие информацию о культуре, быте и менталитете определенной нации, являются «живыми» единицами и способны реагировать на изменения, происходящие в социуме. Это позволяет им адаптироваться под новые реалии, развивать новые значения, видоизменять морфосинтаксическую структуру. Такие изменения, которые, по нашему мнению, являются проявлением лингвокреативности, не всегда находят своевременное отражение в лексикографических источниках, что может стать дополнительной причиной возникновения фразеологизмов – «ложных друзей» переводчика и спровоцировать ошибки в понимании и переводе.

Лингвокреативность во фразеологии может проявляться во внутренней форме (семантике) и внешней форме (морфосинтаксической структуре) фразеологизмов. Обратимся к сематическим аспектам и рассмотрим следующую пару ФЕ-ЛДП – «*jmdn. im eigenen/ in seinem eigenen Saft/ (selten auch:) Fett schmoren lassen*» (дословно с нем. «оставить кого-л. тушиться в (своем) собственном соку (редко – жире)») и «вариться в собственном соку». Единственным значением немецкого фразеологизма, зафиксированным в словаре, является '*оставить кого-л. справляться со своими трудностями, возникшими по его же вине, один на один*' [8, с. 601]. Анализ, проведенный на основании крупнейшего корпуса немецкого языка DeReKo, позволяет нам говорить о развитии нового актуального значения у немецкой единицы, а именно '*nomemь*': «*Vermutlich wird es aber nicht sieben Wochen lang gewittrig-schwül sein, sondern nur die nächsten Tage. Zum Trost naht am Wochenende ein Skandinavienhoch, das uns wärmt, aber nicht **im eigenen Saft schmoren lässt***» («Но, вероятно, душная погода с грозами не задержится на семь недель, а лишь на ближайшие дни. Как утешение, в выходные приблизится скандинавский антициклон, который нас погрееет, но не даст **вспометь**») [Die Tageszeitung, 28.06.2006].

Мы можем предположить, что новое значение развилось из первоначально буквального прочтения фразеологизма, которое впоследствии было метафорически перенесено на человека.

Отсутствие нового значения немецкого фразеологизма в лексикографических источниках способно спровоцировать действительное проявление феномена «ложных друзей» переводчика.

Еще одним примером употребления немецкого фразеологизма в значении, не указанном в словаре Duden, является выражение «j-m Sand in die Augen streuen» (дословно с нем. «сыпать песок в глаза кому-л.»). Потенциальным «ложным другом» для данной единицы является русский фразеологизм «пускать пыль в глаза кому-л.». Единственное значение немецкого выражения, зафиксированное в словаре Duden – ‘вводить в заблуждение, одурачивать’ [8, с. 605]. Однако на основании корпусного анализа мы можем утверждать, что немецкий фразеологизм употребляется в еще одном актуальном значении ‘усыплять’, которое восходит к немецкой легенде о Песочном Человечке. Когда дети хотят спать, они потирают глаза. Тогда родители рассказывают им легенду о Песочном Человечке, который сыплет им песок в глаза и таким образом заставляет закрыть глаза и заснуть: «Wer sich nachts im Bett von rechts nach links wälzt oder an die Decke starrt, weil er nicht einschlafen kann, hätte es sicher gern: das Sandmännchen. Kein Baldriantee, keine Schlaftabletten – stattdessen die unermüdlich müdemachende Puppe aus dem Fernsehen, die Kindergenerationen *Sand in die Augen streute* und so ins Reich der Träume schickte» («Тот, кто ночами ворочается в кровати или пялится в потолок, потому что не может уснуть, хотел бы его – Песочного Человечка. Не валериановый чай, не снотворное, а неутомимую, но утомляющую куклу из телевизора, которая *усыпляла* целые поколения детей и отправляла их в царство снов») [Braunschweiger Zeitung, 06.02.2009].

В данном случае трудно определить, почему значение ‘усыплять’ не указано в словаре Duden. По нашему мнению, оно могло бы быть первоначальным, поскольку действительно существует легенда, объясняющая происхождение фразеологизма. Далее могло произойти метафорическое развитие: усыплять дословно – усыплять бдительность – обманывать, одурачивать. В рамках данного исследования не представляется возможным установить, какое значение было первоначальным. Однако сам факт употребления указанного фразеологизма в значении, не зафиксированном в словаре, говорит о его достаточно высоком креативном потенциале и способности вызвать ошибки в понимании неносителями языка.

Проявление языкового творчества не ограничивается появлением новых значений, оно может касаться и более тонких семантических аспектов. Так, в паре ложных друзей переводчика «sich jmdn., etw. zur Brust nehmen» (дословно с нем. «брать себе кого-л., что-л., на грудь») и русский «брать (хватать) за грудки» немецкий фразеологизм не получил абсолютно нового значения, но он приобрел сему критики и негативную коннотацию. Приведем пример употребления немецкого выражения в первоначальном актуальном значении ‘основательно взяться за кого-л., что-л.’: «”Ich hatte mit zehn, elf Jahren schon eine riesige Palette und kenne die gesamte Populärmusik seit den 60er Jahren”, freut sich Christof, der darüber hinaus *zahlreiche Instrumente zur Brust nahm*; Blockflöte bereits mit fünf, dann Akkordeon, Schlagzeug, Trompete, Klarinette» («”Уже в 10-11 лет у меня была богатая коллекция (пластинок) и я знаю всю популярную музыку с 60-х годов”, – радуется Кристоф, который к тому же *очень увлекался* многочисленными инструментами: блокфлейтой с пяти лет, потом аккордеоном, ударными, кларнетом» [Saarbrücker Zeitung, 12.02.2003].

Корпусный анализ позволил нам установить, что в подавляющем большинстве рассмотренных контекстов данный фразеологизм употребляется с семантическим компонентом критики, который придает выражению негативную коннотацию: «Klaus Augenthaler kochte und Schuld daran war nicht die Hitze im Frankfurter Waldstadion. Der Trainer von Bundesliga-Spitzenreiter Bayer Leverkusen *will sich seine Spieler* nach dem mühsamen und glücklichen 2:1 (0:1) am Sonntagabend gegen das neue “Schlusslicht” Eintracht Frankfurt *zur Brust nehmen*. „Es gibt für uns

in dieser Woche sehr viel zu tun. Wir müssen viel aufarbeiten“, kündigte „Auge“ mit bitterernster Miene und Blick auf das Top-Spiel am Samstag gegen das Überraschungs-Team Hannover 96 an» («Клаус Аугенталер кипел и виной тому была не жара на франкфуртском Вальд-стадионе. Тренер лидеров бундеслиги, команды Байер Леверкузен, *собирается устроить разнос своим игрокам* после напряженного, но благополучно завершившегося матча (2:1, 0:1) в воскресенье вечером против плетущихся в конце таблицы Айнтрахт Франкфурт. «На этой неделе нам предстоит очень много сделать. Мы должны многое проанализировать», – заявил Ауге с очень серьезным видом, предвосхищая главный матч в субботу против команды-сенсации Ганновер 96» [Saarbrücker Zeitung, 12.08.2003].

Что касается формальных признаков фразеологизмов (их морфосинтаксических структур), то здесь мы также можем заметить определенные изменения. Первое изменение касается добавления в состав лексем, которые не указаны в словаре, однако в действительности употребляются в выражении.

Так, немецкое выражение «das Tüpfelchen auf dem i» (дословно с нем. «точка над i») зафиксирован в словаре Duden именно в такой форме [8, с. 741]. Однако во всех рассмотренных контекстах в его составе употребляется прилагательное «*letzt*» («последний»): «Nun ist auch *das letzte Tüpfelchen auf dem “i”* in der Werbelinie der Deutschen Edelsteinstraße gesetzt: Die neue Pressemappen-Umschläge vervollständigen die vor Jahren eingeführte und nach und nach durchgesetzte einheitliche Werbelinie, das “Corporate Design” der Deutschen Edelsteinstraße» («Теперь в рекламную концепцию немецкой Улицы драгоценных камней внесен *последний штрих* – специальные папки-конверты дополнили введенную много лет назад и постепенно укоренившуюся единую рекламную линейку, “корпоративный дизайн” немецкой Улицы драгоценных камней») [Rhein-Zeitung, 19.06.1996].

Следующее яркое изменение касается числа существительного в составе фразеологизма. Так, «jmdm. auf den Fuß/ die Füße treten» (дословно с нем. «наступать кому-л. на ногу/ноги») зафиксирован в словаре Duden именно с таким порядком существительных – сначала единственное число, затем множественное [8, с. 227]. Такое следование подразумевает преимущественное употребление существительного в единственном числе. Корпусный анализ позволил установить, что в действительности более частотным является употребление множественного числа: «„Wir wollen mit dieser Entscheidung aber auf gar keinen Fall dem Einzelhandel, den Direktvermarktern, *auf die Füße treten*“, betont Elke Kentner. Dort könne man genauso günstig und gesund einkaufen wie in großen Märkten» (« „Этим решением мы ни в коем случае не хотим *оскорбить представителей* розничной торговли, тех, кто торгует без посредников”, – подчеркивает Эльке Кентнер. – „Там тоже можно купить недорогие и полезные для здоровья товары, как и в больших супермаркетах”») [Braunschweiger Zeitung, 16.09.2005].

В ходе исследования нам удалось обнаружить высокий креативный потенциал немецких фразеологизмов. Изменение семантики зафиксировано у 37,5% рассмотренных единиц (34 фразеологизма из 92 рассмотренных), морфосинтаксические изменения претерпели 13,7% фразеологизмов (13 из 92 выражений).

Логика данного исследования (от немецкого фразеологизма к его русскому псевдоаналогу) обусловила более детальное рассмотрение в корпусе именно немецких единиц. Однако, обращение к Национальному корпусу русского языка для проверки значений некоторых русских фразеологизмов, указанных в словарях, позволяет нам говорить о наличии изменений и во фразеологическом фонде русского языка. Обратимся к примерам проявления языкового

творчества на семантическом уровне у русских ФЕ. Фразеологизм «поставить кого-л. к стенке» имеет лишь одно значение, зафиксированное в словарях [3, с. 658; 7; 8] – ‘осуществлять казнь при помощи расстрела’. Обратившись к корпусу русского языка, мы установили, что данный фразеологизм может употребляться в значении ‘поставить кого-л. в тяжелое/ безвыходное положение’: «Кто заставляет взрослого человека верить в виртуальные образы? Если жизнь когда-нибудь **поставит вас к стенке**, вы всегда можете сказать: “Ну ведь это все нереально! Ведь это все – игра! Кто верит в игры, тот сам виноват...”» [Дружба народов, 1999.09.15]. В данном случае проявление лингвокреативности могло бы помочь переводчику, поскольку такое употребление русского фразеологизма соответствует одному из значений немецкого псевдоаналога «jmdn. an die Wand stellen» (дословно с нем. «ставить к стенке») – ‘притеснять кого-л.’. Но даже в этом случае при переводе с русского на немецкий не следует использовать выражение «jmdn. an die Wand stellen», поскольку оно относится к тематике Второй мировой войны, немцы стараются ее избегать.

О развитии еще одного значения можно говорить у русского фразеологизма «выть на луну». Наряду со словарным значением ‘изнывать от тоски, скуки’ [7] данное выражение может употребляться в значении ‘осознавать бессмысленность разговоров/ действий’: «Для затравки только одна цифра: 53% населения вообще ничего не слышали ни о каких таких событиях. Ругать население по таким поводам – все равно что **выть на луну** или стрелять в радугу из рогатки. Лучше спокойно проанализировать ситуацию» [Известия, 2003.07.08]. Если русское выражение используется в таком значении, то проблема ложной аналогии снимается, поскольку в этом случае немецкое «den Mond anbellern» становится полным переводным эквивалентом.

Структура русских фразеологизмов также подвергается изменениям, о чем свидетельствует выражение «на волосок». В лексикографических источниках у данного фразеологизма первой зафиксирована форма «на волос», а второй – «на волосок», что предполагает более частотное употребление формы «на волос» [3, с. 76]. Анализ в НКРЯ свидетельствует о том, что форма с существительным в уменьшительно-ласкательной форме превалирует в современном русском языке. Обратимся к примерам:

1. «Единственные люди, которые, судя по всему, по-настоящему заинтересованы в выборах-72, – фактические их участники ... И, конечно, всевозможные спонсоры, – “денежные мешки” на языке нынешних политиков, – собирающиеся изрядно погреть руки по меньшей мере ближайшие четыре года, если сумеют пропихнуть своего человека за финишную черту **на волосок** впереди остальных» [lenta.ru, 2015.07.05].

2. «Шесть лет назад его лягнул конь. Удар пришелся по голове, мальчик был **на волосок** от смерти. И даже после операции, когда стало понятно, что Данила будет жить, врачи не давали утешительных прогнозов» [lenta.ru, 2016.04.07].

Благодаря корпусному анализу мы можем утверждать, что форма русского выражения «на волос» устарела, ей на смену пришел фразеологизм «на волосок», и именно его следует употреблять в качестве переводного аналога немецкого «an ein Haar» (дословно с нем. «на волос»).

Проведенные корпусные исследования позволяют сделать вывод о подвижности фразеологического состава как немецкого, так и русского языка. Употребляясь в речи носителей, фразеологизмы претерпевают изменения как в семантике, так и в структуре. Установление причин изменения семантики и морфосинтаксической формы фразеологизмов – сложная задача, которая требует дальнейшего изучения. Мы можем лишь предположить, что лингвокреативная способность немецкой и русской наций может обуславливаться лингвистическими

факторами – прозрачностью изначальной метафоры во фразеологизме и ее дальнейшим переносом на иные сферы жизни, а также буквальным прочтением фразеологизма и его дальнейшей интерпретацией. С другой стороны, нельзя исключать экстралингвистические факторы – взаимовлияние культур, языковой опыт носителей языка, знание иностранных языков и их влияние на креативность на родном языке.

Рассмотрение феномена «ложных друзей» переводчика во фразеологии в аспекте лингвокреативности подтверждает актуальность существующей проблемы правильного и адекватного перевода некоторых фразеологизмов. Несмотря на развитие новых значений у фразеологизмов, совпадающих в немецком и русском языках, необходимо учитывать узуальное, частотное, коннотативное соответствие единиц при переводе для достижения максимальной эквивалентности. Решению проблемы распознавания креативного обращения с фразеологизмами в речи носителей призваны помочь лингвистические корпуса, предлагающие современные контексты их употребления.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 576 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания. 2009. Вып. 6. С. 21–34. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13406025_50805642.pdf (дата обращения: 20.10.2022).
3. Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 1056 с.
4. Мангеймский корпус немецкого языка *Deutsches Referenzkorpus*. Поисковая система COSMAS [Электронный ресурс]. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (дата обращения: 20.10.2022).
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Словарь фразеологизмов [Электронный ресурс]. URL: <http://frazbook.ru/frazeologizmy> (дата обращения: 25.10.2022).
7. Словарь фразеологизмов русского языка онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedicts.ru/slovar/frazeolog.html> (дата обращения: 25.10.2022).
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Band 11. Berlin/Mannheim/Zürich: Dudenverlag, 2013. 928 S.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 811.161.373.45

КУЛЬТУРНАЯ АПРОПРИАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ «ФУА-ГРА» В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Надежда Семеновна Морева¹, Алла Вадимовна Маношкина²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹кандидат филологических наук, доцент, moreva.ns@dvfu.ru

²старший преподаватель, manoshkina.av@dvfu.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление процесса культурной апроприации, или освоения, французского заимствования «фуа-гра» в речевой практике русского языка. В статье представлены результаты наблюдений за функционированием данной лексемы в российских публицистических текстах. Процесс культурной апроприации указанного заимствования рассматривается на орфографическом, грамматическом, лексико-семантическом уровнях. На основе анализа контекста и сочетаемости рассматриваемой лексемы делается вывод о появлении дополнительных смысловых и коннотативных оттенков, о частичной утрате национально-культурного компонента.

Ключевые слова и фразы: заимствование, культурная апроприация, орфографическая вариативность, грамматическое освоение, лексико-семантическое освоение, дополнительные смысловые и коннотативные оттенки, национальная специфика.

Для цитирования: Морева Н.С., Маношкина А.В. Культурная апроприация французского заимствования «фуа-гра» в речевой практике русского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 20–28.

Original article

CULTURAL APPROPRIATION OF THE FRENCH LOANWORD "FOIE GRAS" IN THE SPEECH PRACTICE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Nadezhda S. Moreva¹, Alla V. Manoshkina²

^{1, 2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, moreva.ns@dvfu.ru

²Senior Lecturer, manoshkina.av@dvfu.ru

Abstract. The objective of this research is to identify the process of cultural appropriation or absorption of the French loanword "foie gras" in the speech practice of the Russian language. The article presents the results of observations on the functioning of this lexeme in Russian publicist texts. The process of cultural appropriation of this loanword is considered on orthographic, grammatical, lexical and semantic levels. The conclusion about the appearance of additional semantic and

connotative nuances and the partial loss of the national-cultural component is based on the analysis of the contact and combinability of the lexeme under study.

Key words: loanwords, culture appropriation, orthographic assimilation, morphological assimilation, lexical-semantic development, additional semantic and connotative nuances, national specific.

For citation: Moreva N.S., Manoshkina A.V. Cultural appropriation of the French loanword "foie gras" in the speech practice of the Russian language // Far Eastern Philological Journal. 2023. T. 1, № 1. P. 20–28.

Изучение заимствований всегда привлекало и не прекращает привлекать внимание лингвистов. В определённые периоды оно становится особенно актуальным, как например, в последние десятилетия всесторонней глобализации. Интенсивные процессы глобализации затронули все сферы жизни: экономику, политику, культуру. Затронули они и язык, роль которого многократно возросла как средства, обеспечивающего межкультурную коммуникацию. Лингвистическая глобализация становится реальностью, в которой существует современный мир. Под этим явлением многими лингвистами понимается, в первую очередь, приобретение английским языком статуса мирового языка [1; 4; 6; 9]. Но языковая глобализация подразумевает помимо этого процесс активного взаимодействия и взаимовлияния и других языков. Что, в свою очередь, приводит, к расширению и обновлению словарного состава разных языков, по мнению авторов статьи «Лингвистический аспект глобализации» [4, с. 949]. Заимствования в этот период приобретают огромные масштабы. Иноязычные слова широко используются в повседневной речи, в публицистике, в Интернет-коммуникации, в рекламе и других сферах жизни. Всё это обуславливает актуальность исследований не только заимствований из английского языка, но и из других языков.

Одним из активно развивающихся в последние годы векторов изучения заимствований является исследование с точки зрения их концептуализации в языковой картине языка-реципиента, их национально культурной ассимиляции [2; 5; 7]. В рамках этого направления выделяются работы Т.Б. Радбиля, Л.В. Рацибурской, в которых вводится и рассматривается понятие «культурной апроприации» [10; 11; 12]. Суть процесса культурной апроприации заимствований, имеющего комплексную природу, заключается в том, что «иноязычные по происхождению элементы разных уровней языка в дискурсивных практиках носителей русского языка подлежат обязательному приобщению к исконно русским моделям языковой концептуализации мира, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам, то есть тому, что несколько нетерминологично можно именовать “русский взгляд на вещи”» [11, с. 50–51]. Культурная апроприация может проявляться на различных уровнях: лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом, коммуникативно-дискурсивном [11, с. 56–57]. Опираясь на некоторые положения указанных авторов, мы определили цель данного исследования – рассмотреть процесс культурной апроприации, или освоения, французского заимствования *фуа-гра* (foie gras) в речевой практике русского языка на основе наблюдений за её функционированием в российских публицистических текстах. В задачи статьи входит рассмотрение культурной апроприации указанного заимствования на орфографическом, грамматическом, лексико-семантическом, и частично на коммуникативно-дискурсивном уровнях.

На грамматическом уровне культурное освоение проявляется в грамматической оформленности по законам русской морфологии. На лексико-семантическом уровне – в идиоматичности, то есть наличии смысловых и эмоционально-оценочных приращений в сравнении с языком-

источником. Коммуникативно-дискурсивный уровень предполагает актуализацию какой-либо национально-культурной установки говорящих, в частности, ироническое «остранение» карнавального типа, а также расширение изначально специализированной сферы употребления [11, с. 56–57].

Французский гастрономический продукт под названием «foie gras» (жирная печень) широко известен в мире, считается изысканным деликатесом. Произведённый особым способом с соблюдением многовековых региональных традиций этот продукт является национальной гордостью французов, неотъемлемой частью французской культуры. В 2006 году он был официально признан частью культурного и гастрономического достояния, охраняемого во Франции. Название этого продукта с полным правом можно отнести к разряду национально-маркированных гастрономических терминов, которое было заимствовано многими языками вместе с самим продуктом, им обозначаемым. Русский язык не является исключением.

Во французском языке объект нашего исследования представляет собой именное словосочетание (foie – печень, gras – жирный), которое идентифицируется как слово во французской лексикологии. В данной статье мы будем называть этот галлицизм, или иноязычное слово, лексемой и использовать написание *фуа-гра*, ориентируясь на Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [8] и Русский орфографический словарь под редакцией В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой 2015 года издания: «фуа́-гра́, нескл., с. (кулин.)» [12].

Материал исследования был отобран из электронных версий различных российских газет, входящих в ТОП-100 лучших интернет/онлайн СМИ 2020 года. Сплошная выборка проводилась по поисковым системам более 20 изданий, среди которых: «Ведомости», «Версия», «Вечерняя Москва», «Газета.ру», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Труд», «Эхо Москвы» и другие. Из общего количества употреблений (около 2000) нами было отобрано для детального анализа около 300. Временные рамки отобранного материала охватывают в целом 21 год, с 2000 года по 2021; из некоторых же изданий, поисковая система которых позволяет обратиться к более ранним публикациям, материал отбирался с 90-х годов прошлого столетия. Такой обширный временной интервал позволяет рассмотреть исследуемый материал именно в динамике, что соответствует поставленной цели.

Французское *foie gras* является по сути гастрономическим термином, обозначающем печень гусей или уток, откормленных принудительным способом (гаважом). Именно так оно трактуется во французских толковых словарях: «GASTRON. Foie gras. Foie des oies, des canards engraisés par gavage» («Гастрон. Печень гусей, уток, откормленных гаважом») [20]; «GASTRON. Foie gras, foie d'oie, généralement gavée, ou de canard, préparé de diverses façons selon les provinces» («Гастрон. Печень гусей или уток, как правило, откормленных гаважом, приготовленная различными способами в зависимости от провинции») [18]; «Foie gras: foie d'oie ou de canard engraisé(e) par gavage» («Печень гусей или уток, откормленных гаважом») [17]. В данных определениях лексической единицы *фуа-гра* представлены два значения: сам продукт и блюда, приготовленные из него.

В толковых словарях русского языка эта лексема не зафиксирована, её можно найти только в ограниченном количестве словарей иностранных слов или специальных терминологических словарях. Трактовка рассматриваемой лексемы изобилует в них как орфографическими вариантами, так и вариантами определений, ни одно из которых, кстати, не соответствует определениям французских словарей. «ФУАГРÁ – блюдо из жирной печени гуся или утки» [16]; «ФУАГРА foie gras. Гусиная печенка» [3]; «Фуа гра – печень откормленного гуся или утки, отваренная со специями в небольшом количестве воды, часто обильно посыпанная

трюфелями» [14]; «ФУАГРА суц. фуа-гра́ французский деликатес – паштет из гусиной печени» [15]. Как видим, в данных словарях представлены все возможные варианты написания французского *foie gras*: слитно, через дефис и сочетание.

Об орфографической нестабильности лексемы *фуа-гра* свидетельствуют и наблюдения за её функционированием в публицистических текстах. В большинстве случаев лексема пишется через дефис (217 употреблений), вторую позицию занимает слитное написание (60 употреблений), третий вариант написания – сочетание – представлен в 23 случаях. Единичными случаями представлено оригинальное написание – *foie gras*. Хронологический анализ по годам публикации позволяет судить об отчётливо выраженной динамике орфографического освоения лексемы. Передача французского *foie gras* сочетанием *фуа гра* встречается исключительно в период с 90-х годов прошлого столетия до 2006 года. Однако, как было отмечено выше, поисковая система многих электронных изданий не позволяет обратиться к массиву статей, опубликованных до 2000 года, поэтому данное утверждение основано не на всей нашей выборке. Вариант написания *фуа гра* полностью передаёт синтаксическую структуру французского прототипа и свидетельствует о том, что на начальном этапе массового вхождения этого заимствования в русский язык он не был подвержен грамматической ассимиляции, что в принципе, характерно для большинства заимствованных слов. В большинстве случаев, а именно в 15 из 23, сочетание заключается в кавычки – «фуа гра», что подчёркивает чужеродность этого заимствования. Написание через дефис представлено по нарастающей от единичных случаев в 2001–2002 годах до практически основного орфографического варианта в настоящее время. Слитное написание является эпизодическим, по сравнению с дефисным вариантом, но стабильным в рассматриваемом отрезке времени. Слитное и дефисное написание очень редко заключается в кавычки, при этом функция кавычек имеет совершенно иной характер. В целом, можно говорить о том, что орфографическое освоение анализируемого заимствования находится в активном, но не завершённом процессе. Переломным этапом в этом процессе можно считать переход от раздельного написания до написания одним словом.

Оба отмеченные орфографические варианты являются, по-видимому, результатом морфологической ассимиляции, а именно, перехода французского сочетания в лексико-грамматический класс существительных в русском языке. При этом происходит и морфемная перестройка, которая особенно отчётливо передаётся написанием через дефис, позволяющим увидеть в слове две морфемы.

Если говорить о морфологической ассимиляции в другом её аспекте – приобретение грамматических категорий, свойственных языку-реципиенту, – то здесь также наблюдается нестабильность и вариативность при функционировании лексемы *фуа-гра*.

В Орфографическом словаре русского языка [13] *фуа-гра* определяется как несклоняемое существительное среднего рода. Французский же прототип, сочетание *foie gras*, – мужского рода. Анализ употребления заимствованной лексемы в речевой практике показывает колебания в категории рода: *фуа-гра* может выступать и как существительное женского рода, и как существительное среднего рода. Судить о роде этого слова мы можем не по всему корпусу материала, а лишь по тем контекстам, в которых сочетаемость лексемы с другими членами предложения позволяет это сделать; в нашем случае это 51 контекст.

Более, чем в половине случаев (32 употребления) лексема *фуа-гра* определена как существительное женского рода: «*легко вздыхающая “фуа гра”*»; «*рецепт веганской фуа-гра*»; «*резко подешевела фуа-гра*»; «*разница между гусиной и утиной фуа-гра*»; «*родина нежной фуа-гра*». Восприятие этого слова носителями русского языка в форме женского рода связано,

вероятнее всего, с родом русского существительного «печень». В форме среднего рода *фуа-гра* встречается 10 раз: «*халявное фуа-гра*»; «*французское фуа-гра*»; «*пресловутое фуа гра*»; «*искусственное фуа-гра*». В 9 случаях определение при *фуа-гра* не позволяет дифференцировать средний и мужской род, и он может вполне восприниматься как мужской: «*питаться одним лишь фуа-гра*»; «*о поданном ему “божественном фуа-гра”*»; «*посоперничать с каким-нибудь французским фуа-гра*».

Несклоняемое во французском языке *foie gras* и помеченное таковым в орфографическом словаре русского языка на самом деле далеко не всегда соответствует этому признаку в действительности. В анализируемом материале выделяются два блока контекстов, где лексема *фуа-гра* склоняется.

Первый, как это ни странно, – в статьях ресторанных критиков, для которых эта лексема является чуть ли не профессиональным термином: «Зимние холода в Selfie можно встречать по-французски – тыквенным крем-супом с *фуагрой*» [Утро.ру, 12.10.2014]; «турнедо “Россини” являет собой сочнееший кусок говядины внушительных размеров, который дополнен бриошем и *фуагрой*. Пицца “Россини” готовится с манговым пюре и *фуагрой*» [Дни.ру, 27.12.2019]. На проблему склонения этого заимствования обратила внимание одна из представительниц ресторанных критиков ещё в период массового вхождения этого слова в употребление, двадцать лет назад. В статье «Гусь утке – товарищ» автор высмеивает представителей российского ресторанного бизнеса, и вслед за ними официантов, которые «наивно полагают что им сегодня “без *фуа-гры* и не туды, и не сюды” и предлагают почтенной публике попробовать “*фуа-гру*”» [Коммерсантъ, 03.02.2001]. Однако критика, как говорится, не возымела действия: приведённые выше примеры со склоняемой *фуа-гра* отсылают нас уже к нашему времени (2015–2020 гг.) и подтверждают, что ничего не изменилось.

Второй блок контекстов со склоняемой лексемой *фуа-гра* представлен в статьях с выраженной прагматической целью авторов – высмеять, поиронизировать, выразить негодование. Объектами иронии, сарказма, негодования выступают представители российской элиты: политической, экономической, шоу-бизнеса, а также и сами французы: «Удивительно – даже губы Ваши стали лосниться, как будто Вы только что оторвались от поедания *фуа-гры*. Неужели Вы решили, что это занятие – неотъемлемый элемент работы всякого телеведущего? Знаю, что вы так не думаете. Поэтому – вот мой совет: соберитесь, припудрите губы, раз уж не можете без *фуа-гры*, и продемонстрируйте зрителям свои лучшие качества» [Независимая газета, 15.09.2001]; «Почему Госкино финансирует заведомо конъюнктурные фильмы? Потому что оно хочет свозить своих любовниц в заграничную поездку, пожрать *фуа-гры* и закупить пармезана, просто выражаясь. Все киношники это понимают», – резко заявил Иван Охлобыстин корреспонденту НСН» [Национальная служба новостей, 21.01.2015]; «Они там сытые, с жиру бесятся, *фуа-агрой* в золотые унитазы <...>, а мы им – помогать?! Да что же это такое-то, граждане вы мои дорогие?!» [Росбалт, 17.04.2019]. Склонение лексемы в этих контекстах является преднамеренным и способствует реализации прагматического замысла говорящего ещё и за счёт размещения лексемы *фуа-гра* рядом со «своими в доску» словами и выражениями, как «пожрать», «беситься с жиру» и другими. Лексема наделяется здесь эмоционально-оценочной коннотацией, а грамматическое «поведение» её, т.е. склоняемость, в подобных контекстах обусловлены не столько морфологическим освоением, сколько прагматическими установками авторов.

То же самое можно сказать и об использовании лексемы в форме множественного числа: «Но представьте, что вы каждый день едите изысканную французскую кухню, а потом

вы приезжаете к бабушке – и она вам картошечки с салцем жарит, и соленый огурчик сверху. И ты понимаешь, что лучше картошечки, чем *все эти ваши фуагры* и т. д. – и это нормально» [Полит.ру, 09.10.2021]. За счёт множественного числа неисчисляемое существительное приобретает обобщённое значение и отсылает ко всему чему-то не русскому в рационе питания, а говорящий здесь явно выражает своё пренебрежение к этому.

Культурное освоение *фуа-гра* на лексико-семантическом уровне проявляется в появлении смысловых и коннотативных эмоционально-оценочных оттенков.

Заимствованный как кулинарный термин лексема *фуа-гра* используется в преобладающем количестве случаев (более 1500) именно как таковой, выполняя свою терминологическую функцию в рецептах и меню ресторанов в соответствующих рубриках газет. Эти случаи её употребления в нашем исследовании не рассматривались.

Тематическая классификация отобранного для анализа материала показывает, что лексема *фуа-гра* используется не столько в контекстах, имеющих отношение к Франции, сколько в статьях, связанных с российской действительностью. В первом случае речь идёт о рубриках, так или иначе связанных с туризмом и путешествиями. Во втором случае наиболее часто рассматриваемая лексема встречается в статьях, посвящённых экономическим, политическим проблемам, в спортивных обзорах, а также в многочисленных статьях, которые обобщённо можно отнести к рубрике «Общество» и где представлена жизнь известных людей.

Анализ функционирования лексемы в названных контекстах свидетельствует о том, что в восприятии россиян фуа-гра это прежде всего деликатес. Заметим, что ни в одном из французских толковых словарей нет такого определения. Более того, социологические исследования последних лет показывают, что фуа-гра наряду с другими представителями высокой кухни переходит в разряд общедоступной, национальной еды. Так, например, ещё в 2008 году 80% опрошенных ответили, что едят фуа-гра как минимум раз в году [19, с. 3].

Типичным лексическим контекстом лексемы *фуа-гра* является тот, где она соседствует с многочисленными обозначениями деликатесных блюд и продуктов (*чёрная икра, икра из белуги, хамон, трюфели, пармезан* и др.) и конечно, с самим словом *деликатес*: «Гурманы тоже могут найти здесь все привычные деликатесы – от устриц и *фуа-гра* до всевозможных видов сыров» [Газета.ру, 27.08.2008]; «Речь, в частности, идет о таких *деликатесах, как хамон, фуа-гра, ветчина* и о другой продукции, которая поставляется на территорию России из стран Европы» [Газета.ру, 23.11.2017]; «Среди двадцати блюд, его составляющих, были гребешки в апельсиновом соусе, *фуа-гра* на прянике с инжиром, филе перепелов с кленовым сиропом и чатни из манго, паста орзо с угрём, малиновые пирожные финансье, пирог клафути с клубникой, тирамису из манго, ягодный суп и другие деликатесы» [Газета.ру, 27.07.2008]. Лексема *фуа-гра* вступает в гиперо-гипонимические отношения с выделенными и многими другими подобными словами и занимает среди них своё место в вербализации концепта «деликатес» в русской языковой картине мира.

Тесно связанным со значением деликатеса является дополнительный смысловой оттенок, который проявляется в лексеме *фуа-гра*, это – признак роскоши. Реализуется этот признак в контекстах, взятых из статей рубрики «Общество». Непременное упоминание о фуа-гра при описании различных событий в жизни знаменитостей и известных в разных областях деятельности личностей приводит к тому, что анализируемая лексема вовлекается в реализацию функции портретирования. Создаётся коллективный портрет элиты политической, деловой, артистической и прочей, непременным атрибутом которого является роскошь. Иллюстрацией может

служить заметка о юбилее Михаила Прохорова: «Для торжества были наняты лучшие официанты, а меню состояло исключительно из блюд ресторана “Пушкинь”. Каждый мог отведать салат из камчатского краба и артишоков, семги с лепестками роз, филе чилийского сибаса, жаренного **фуа-гра** с апельсиновым соусом, баранину с ежевикой и мятными чатни и другие блюда» [Дни.ру, 26.05.2015]. Другой пример – стиль жизни чиновника от юриспруденции: «Как отмечает автор поста, блюстителю закона ест **фуагра** с черной икрой, на фото – рестораны, дорогой алкоголь и прочие атрибуты красивой жизни» [Росбалт, 06.08.2015]. В этом ряду столичный бомонд, принимающий французского кутюрье: «Ожидая действия, гости пробовали малину в шоколаде, морепродукты и **фуа-гра**. Церемонию вели актер Александр Олешко и телерадиоведущий Дмитрий Оленин. В зале виднелись певцы <...>» [Газета.ру, 02.06.2009].

Отмеченные дополнительные смысловые оттенки в значении лексемы **фуа-гра** проявляются особенно отчётливо при использовании её в качестве метафоры или сравнения. Лексема достаточно часто используется как эксплицитная и имплицитная метафора и как развёрнутое сравнение, которая позволяет отнести характеризваемый предмет или объект к высшему разряду, как нечто недоступное: «За дюжину лет, что я тестирую автомобили, у меня сформировались гастрономические синонимы для большинства автомобильных брендов: «Porsche – **фуагра** (деликатес, которым вряд ли можно наслаждаться каждый день, – тут я подразумеваю купе штутгартской марки), Toyota – гамбургер из McDonald's » [Ведомости, 07.05.2018]; «Орловский картофель как “**фуа-гра**” для огородника» [Ведомости, 21.05.2020].

Образному сравнению могут подлежать не только отдельные объекты, но и целые ситуации и состояние: «Попытки Михалкова построить в Москве Дворец фестивалей, в то время как у Музея кино нет помещения, схоже с заказом **фуа-гра** в блокадном Ленинграде» [Газета.ру, 09.08.2011]; «Замкнутость бизнес-верхушки, конечно, злит тех, для кого она закрылась. Да и вообще раздражает всех, кто видит упадок ее дееспособности. Но она ведь не **фуа-гра**, чтобы всем нравиться. И еще меньше на **фуа-гра** похож сейчас аппарат власти» [Газета.ру, 24.02.2010].

В заголовке статьи-фельетона «Картофан и фуагра» [Вечерняя Москва, 27.04.2016] рассматриваемая лексема используется в качестве образного противопоставления разговорному русскому «картофан», а в самой статье обе лексические единицы прочитываются как развёрнутая метафора, характеризующая противостояние России и Запада, с одной стороны, социальное разделение в самой России, – с другой стороны.

Дополнительная смысловая нагрузка лексемы **фуа-гра** проявляется также в её широком использовании для выражения стереотипных представлений о французской кухне наряду с сыром, вином, трюфелями, лягушками: «У нас уже есть много общего. Просто проблема в том, что все уверены, будто французская еда – это трюфели, **фуа-гра**, лягушки и луковый суп. А у нас все думают, что русские каждый день кушают черную икру. Это карикатура» [Газета.ру, 31.12.2021]; «Приехать в Париж и не отведать настоящей французской кухни – просто кощунство! Но после того, как вы насладились улитками по-бургундски, **фуа-гра** и нежнейшим каре ягнленка, пора запоминать правила выживания в городе» [Южный федеральный, 11.03.2014].

Помимо стереотипного представления о французской кухне лексема используется и для характеристики Франции в целом. Фуа-гра ставится в один ряд с Эйфелевой башней как символом страны. В представлении россиян «Франция – страна фуа-гра», «французы – ценители фуа-гра»: «В стране Жака Ширака, Эйфелевой башни, **фуагра** и коротких женских причёсок сделали свой первый внедорожник» [Газета.ру, 26.02.2008]; «Необходимо сразу быть

готовым к тому, что там все по-другому, вещи, которые на родине даже не замечаешь, неожиданно встают горой проблем перед новоиспеченным «французом». Тем более что бюрократия у *ценителей фуа-гра* переходит все мыслимые границы» [Труд, 10.11.2010]; «За девяносто минут то же самое исландские игроки собирались проделать с утонченными *любителями фуа-гра* и аркашонских устриц» [РИА Новости, 04.07.2016]. Лексема *фуа-гра* пополняет, таким образом, ряд лексических единиц, символизирующих в представлении россиян Францию и французскую кухню.

В результате проведенного анализа семантической сочетаемости рассматриваемой единицы и контекстуального анализа можно заключить, что исконное значение заимствованного слова *фуа-гра* прирастает за счёт возникающих ассоциативных связей, которые отражают русскую языковую картину мира.

Говоря о специфике национального восприятия иноязычных заимствований, немаловажно отметить следующий факт. Лексема *фуа-гра* встречается не только в контекстах, отсылающих к российской или французской реальности, как это было отмечено выше, но и в статьях, освещающих новости или события других стран. В большинстве таких статей речь идёт о запрете производства и продажи фуа-гра. Особенно активно за это выступают американцы. Лексема *фуа-гра* оказывается в таких случаях помещённой в контекст, где она окружена словами лексико-семантических групп «запрет» и «мучение, издевательство», что свидетельствует об иных ассоциативных связях.

Подводя итоги, можно констатировать следующие факты. Общее количество употреблений свидетельствует о массовом вхождении анализируемого иноязычного слова в русский язык. Наблюдается некоторое несоответствие между освоением на различных уровнях: незавершённость на орфографическом и морфологическом уровне и достаточно высокая степень освоения на лексико-семантическом уровне. Культурная апроприация на различных уровнях характеризуется определённым синкретизмом. Орфографическая вариативность коррелирует с морфологической ассимиляцией. Морфологическое освоение, с другой стороны, находится в тесной взаимосвязи с освоением на коммуникативно-дискурсивном уровне. В значении анализируемой лексики постепенно возникают культурно обусловленные смысловые и коннотативно-оценочные оттенки, которые способствуют переходу из «чужих» в «свои».

Список литературы

1. Акопянц А.М. Вопросы развития, взаимодействия и сохранения языков в эпоху лингвистической глобализации // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5 № 11. С. 25–28.
2. Александра С.Ш. Изменение глубинного слоя заимствования как отражение концептуализации действительности народом-реципиентом // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 1(75). С. 151–156.
3. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. Москва: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm.
4. Кильдибекова Т. А., Рябцева А. С. Лингвистический аспект глобализации // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 3 (1). С. 949–953.
5. Мжельская О.К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований: на материале ономастических компонентов библейской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 19 с.

6. Нестерова Н. М. Лингвистическая глобализация, и / или интернационализация речевых практик // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 105–114.
7. Новикова Л.В. Мельник П.В. Немецкоязычные заимствования в английском языке в когнитивно-дискурсивном аспекте [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09FLSK220.pdf>
8. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word>
9. Прошина З. Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 12–30.
10. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
11. Радбиль Т. Б. Процессы в современной интернет-коммуникации в контексте культурной апроприации заимствований // Социальные варианты языка – XI: сборник научных статей международной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 17–20.
12. Русский язык в Интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Жданова [и др.]. Москва: Флинта, 2021. 338 с.
13. Русский орфографический словарь около 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 896 с.
14. Словарь кулинарных терминов. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_culinary/
15. Мостицкий, И. Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/index.htm>
16. Черкасова, М.Н. Современный словарь иностранных слов: [более 5000 слов] / М.Н. Черкасова, Л.Н. Черкасова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 469 с.
17. Dico en ligne Le Robert [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/>
18. Dictionnaire de l'Académie Française [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9F1114>
19. Ferry, Mathieu. Le foie gras sous la mitraille [Электронный ресурс]. URL: https://laviedesidees.fr/IMG/pdf/20171016_canard.pdf
20. Trésor de la Langue Française Informatisé [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/foie>

Статья поступила в редакцию 06.11.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 06.11.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 01.00.00

**СИСТЕМАТИКА ЛЕКСЕМ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИГОРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ФАИЗЫ ГЕН «DU REVE POUR LES OUFs»)**

Ирина Владимировна Михеева

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, carolinebingly@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических единиц иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов. Материалом исследования послужил роман «Du rêve pour les oufs» Фаизы Ген, современной французской писательницы алжирского происхождения, работающей в направлении *littérature beur* или *littérature urbaine* («арабская литература» или «урбанистическая литература»). В статье рассматриваются отличительные особенности данного литературного направления, а также анализируются лексические особенности романа. Цель статьи – систематика лексем иноязычного происхождения, которыми изобилует роман Фаизы Ген, что предполагает построение динамической модели взаимодействия их формы, функции и значения. На основании результатов анализа автор делает вывод о романе как ярком образце использования лексики иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов в художественном тексте.

Ключевые слова: художественный текст, неконвенциональная лексика, заимствования, арг, систематика, форма, функция, значение.

Для цитирования: Михеева И.В. Систематика лексем иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов (на материале романа Фаизы Ген «Du rêve pour les oufs») // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 29–39.

Original Article

**THE SYSTEMATICS OF LEXEMES OF FOREIGN ORIGIN
IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE OF THE SUBURBS (ON THE MATERIAL
OF THE NOVEL “DU REVE POUR LES OUFs” BY FAÏZA GUÈNE)**

Irina V. Mikheeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, carolinebingly@mail.ru

Abstract. The article is devoted to lexical units of foreign origin in the modern French language of suburbs. The material of the research is the novel “Du rêve pour les oufs” by Faïza Guène, a modern French writer of Algerian origin, working within the framework of a literary school called

littérature beur and *littérature urbaine* (“Arabic literature” and “urban literature”). The article deals with the distinctive features of this literary trend and analyzes the lexical features of the novel. The aim of the article is to systematize the lexemes of foreign origin abounding in Faïza Guène's novel, which involves building a dynamic model of the interaction of their form, function and meaning. On the basis of the analysis results the author makes a conclusion about the novel as a vivid example of foreign lexicon usage in the modern French suburban language in the fiction text.

Key words: fiction text, unconventional vocabulary, borrowings, argot, systematics, form, function, meaning.

For citation: Mikheeva I.V. Systematics of lexemes of foreign origin in the modern French language of the suburbs (on the material of the novel by Faïza Guène “Du rêve pour les oufs”) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 29–39. (In Russ.)

Современный французский язык пригородов в последние несколько десятилетий стал символом городской культуры и особым экономическим и социолингвистическим феноменом, который наилучшим образом иллюстрирует так называемую «Вавилонскую башню» пригорода Парижа, т.е. смесь и взаимовлияние языков и культур.

Термин «*le français contemporain des cités*» («современный французский язык пригородов») впервые ввел в употребление французский арготолог и профессор лингвистики Ж.-П. Гудайе. Этот термин он использовал по отношению к специфическому варианту арго, который сложился в период формирования на территории Франции сообществ различных этносов, в основном алжирцев, марокканцев, тунисцев и выходцев из других стран Магриба (50–60 гг. XX в.) [10]. Во многом этот период был весьма специфическим и имел значительные последствия как для социальной жизни страны, так и для лингвистической ситуации в целом. Здесь следует заметить, что, говоря о современном языке пригородов, в первую очередь обычно говорят о пригородах именно Парижа как о самом ярком месте сосредоточения языков и культур.

Этот период социального надлома в пригородах Парижа нашел свое отражение в так называемом «*fracture linguistique*» («лингвистическом надломе»). Говоря о данном феномене, Ж.-П. Гудайе пишет: «*La déstructuration de la langue, qu'ils opèrent dès lors consciemment, est un moyen de s'approprier la langue française circulante, qui devient leur langue, celle qu'ils ont transformée, malaxée, façonnée à leur image, digérée pour mieux la posséder, avant même de la dégurgiter, de l'utiliser après y avoir introduit leurs marques identitaires*». («Деструктуризация языка, который они используют уже осознанно, является способом присвоения циркулирующего французского языка, который становится их языком, тем самым, который они преобразовали, размяли, придали ему форму по своему образу и подобию, переварили, чтобы лучше владеть им, даже прежде чем избавиться от него, чтобы использовать его после введения своих знаков идентичности») [9, с. 2].

Этот новый язык, названный современным французским языком пригородов, не является прерогативой только молодых французов и арабов, хотя они, несомненно, являются движущей силой и авангардом этого межэтнического союза, который вызывает появление лингвистической мозаики, состоящей из арабских, креольских, африканских, португальских, цыганских и других элементов. С одной стороны, эмигранты присваивают себе французский язык в том виде, в каком он существует на территории Франции, а с другой – французский язык обогащается заимствованиями из языков эмигрантов. Ж.-П. Гудайе описывает данный

процесс как процесс разрушения французского языка («un processus de destruction de la langue française»), с чем трудно спорить [9, с. 9].

По мере развития современного французского языка пригородов стала появляться художественная литература на нем, что является вполне закономерным явлением. Но до сих пор не существует единого мнения среди ученых в отношении термина, который в большей степени применим к данному литературному направлению: «арабская литература» (*littérature beur*), «урбанистическая литература» (*littérature urbaine*), «литература пригородов» (*littérature des banlieues*), «постколониальная литература» (*littérature post-coloniale*), «литература магрибинской иммиграции во Франции» (*littérature issu de l'immigration maghrébine en France*), «франкоязычная магрибинская литература» (*littérature maghrébine francophone*) и др. [7; 8; 12; 13]. Вышеперечисленные термины зачастую используются или как синонимы, или как названия разных жанров, а порой накладываются друг на друга.

Несмотря на то, что сам факт существования «арабской литературы» некоторое время ставился под сомнение, как и ее статус, в 80-е годы XX в. художественные произведения писателей-иммигрантов из стран Магриба образовали новую нишу во франкофонной литературе. Первым романом в этом новом жанре считается «Le thé au harem d'Achimède» Мехди Шарефа (Mehdi Charef), который вышел в свет в 1983 году.

В конце 1990-х гг. сформировалась новая волна писателей данного литературного направления, в числе которых Азуз Бегаг (Azouz Begag), Яссир Бенмилуд (Yassir Benmiloud), Ферруджа Кессас (Ferrudja Kessas), Сорайя Нини (Soraya Nini), Карим Сарруб (Karim Sarroub), Минна Сиф (Minna Sif), Рашид Джаидани (Rachid Djaidani) и Фаиза Ген (Faïza Guène).

Отличительной особенностью литературы пригородов является ее автобиографичность: рассказ ведется от первого лица, действие, как правило, происходит в пригороде, откуда родом сам автор. Несмотря на то, что достаточно трудно определить темы, наиболее часто затрагиваемые в романах писателей-эмигрантов, поскольку они весьма разнообразны, все же можно отметить некоторые повторяющиеся мотивы: семейные проблемы, поиск корней, интеграция во французское общество, пригород и преступность, странствие и поиск смысла жизни.

Помимо описания деградирующей среды трущоб или пригородов, следует подчеркнуть центральную тему, вокруг которой крутится сюжет большинства романов – это вопрос личной, вернее сказать, гибридной идентичности, которая складывается из единства и противоречия культурного наследия родителей и культуры принимающей страны. Главный герой находится в центре конфликта, внешнего и внутреннего, он чувствует свою раздвоенность между двумя культурами и двумя типами обществ – традиционным арабским обществом своих родителей и новым для него, французским.

Этот диалог культур и мировоззренческих систем находит свое отражение и в языке романа. Специфика языка произведений данного жанра особенно ярко прослеживается на лексико-семантическом уровне, что связано в первую очередь с имитацией устной речи, которая предполагает активное использование ряда слов и выражений, характерных для разговорного языка, языка молодежи, арго, верлана, арабизмов, англицизмов, т.е. всего того, что объединяется термином «современный французский язык пригородов».

Целью данной статьи является систематика лексических единиц иноязычного происхождения в современном французском языке пригородов, что предполагает построение динамической модели взаимодействия их формы, функции и значения. Материалом исследования послужил роман «Du rêve pour les oufs» (2006 г.) современной французской писательницы

алжирского происхождения Фаизы Ген, которая является одним из ярких представителей так называемой «арабской» и «урбанистической литературы» [11].

Фаиза Ген – яркая представительница писателей нового поколения урбанистической литературы, т.е. детей эмигрантов из Алжира, детство и юность которых прошли в пригородах Парижа. Фаиза Ген родилась в Бобиньи во Франции в 1985 г., выросла в районе Пантен на северо-востоке Парижа, училась в колледже Jean Jaurès, потом в лицее Marcelin Berthelot в Пантене. Огромную известность писательнице принес ее первый роман «Kiffe kiffe demain», опубликованный в 2004 году, когда Ген было всего 19 лет. Тираж книги превысил 200 000 экземпляров, книга была переведена на 22 языка.

Творчество Фаизы Ген уже становилось объектом специального исследования, в том числе лингвистического [2; 3; 4; 7; 8; 12; 13]. Поэтому в качестве материала нашего исследования был выбран роман «Du rêve pour les oufs» как наименее исследованный, но не менее интересный с лингвистической точки зрения.

Роман «Du rêve pour les oufs» («Мечта для тронутых»), опубликованный в 2006 г., погружает читателя в мир молодой женщины, Алем. В свои двадцать четыре года она занята поиском места под солнцем и разрывается между двумя культурами, в которых она родилась и выросла.

Ее детство прошло в Алжире, где она жила со своей матерью, не считая двух недель в году, когда она уезжала к отцу, который работал во Франции рабочим. После смерти матери, в возрасте 12 лет, вместе с младшим братом Фуэдом на руках, она покинула родину, чтобы присоединиться к отцу. Однако отец Алем, после перенесенной черепно-мозговой травмы вследствие несчастного случая на стройке, больше не смог заботиться о своих детях, и роль главы семьи перешла к Алем. Она несет свое бремя, не ропщет на судьбу, радуясь маленьким удовольствиям, какие случаются время от времени. В монологе с самой собой она рассказывает читателю свою историю, приправленную иронией и юмором. Но ее повседневная жизнь – это постоянная борьба, невидимая борьба не только за выживание, но и за то, чтобы быть принятой, признанной, в конце концов. Это постоянная борьба за положение во французском обществе, за то, чтобы больше не жить, как гость. Роман начинается с поиска девушкой первой временной работы, а заканчивается первым визитом в префектуру для подачи заявления на получение французского гражданства.

Повествование ведется от первого лица, язык автора-рассказчицы максимально аутентичен и стилизован под устную речь молодежи пригородов. Художественный текст представляет собой письменный текст с характеристиками устной речи, что создает иллюзию живого общения. Аутентичность достигается на всех уровнях языка: фонологическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом.

В фокусе нашего внимания – лексемы иноязычного происхождения, многократно встречающиеся в романе. Мы рассмотрим их в аспекте взаимодействия формы, функции и значения. Нами был проведен подробный анализ языкового материала, отобранного методом сплошной выборки, в результате которого были выявлены и проанализированы лексемы иноязычного происхождения из романа «Du rêve pour les oufs». Нами установлено, что общий их объем состоит из лексем арабского (38 единиц), английского (34 единицы), африканских (3 единицы), цыганских (2 единицы) и немецкого (2 единицы) языков (см. табл. 1). Необходимо уточнить, что многие из них встречаются в тексте романа не один раз. Так, самой частотной лексемой иноязычного происхождения является лексема *bled* (араб. «родная страна, деревня»), которая упоминается в разных контекстах 20 раз.

Лексемы иноязычного происхождения в тексте романа «Du rêve pour les oufs»

Из арабского языка (38 ед.)	Из английского языка (34 ед.)	Из африканских языков (3 ед.)	Из цыганских языков (2 ед.)	Из немецкого языка (2 ед.)
Bled Blédard Miskina Kiffe Burka Djellabas Hayeks Hammam Kerentita Gandouras Inchallah Naâl chétane Bakchich Aâmi Khoyya Boléta Ziara Salam Labès Foulek Istiqlal Bouledé Hanout Sadaqa Aïn Kabyle Starfoullah Djouf Habs Châab Miskine Baraka Franssaouis Bendirs Laïus Belâani Wesh Bendirs	Night Cool Hot Cinéma-trash- blondasse Slip Western Parking Stop Winner Sweats Baggies Joggings French touch Bizness Staff Remake Sex-symbol Light Taximan Vibe Brushing Come-back Barman Boss The beau goss Flashé Street credibility Mec light Light sinon rien Style "fresh- groovy-smooth- dans le coup" Strings Shit Spliff Sketch	Toubab Kou yinkaranto Boubou	Marave Dicave	Schmittard Chnek

Далее рассмотрим каждую из групп подробнее. Как видно из таблицы, самыми частотными являются лексемы из арабского языка, что представляется вполне логичным. Это преимущественно лексика, обозначающая этнографические, религиозные, бытовые реалии, характерные для стран Магриба. Часть этих лексем, обозначающих местные реалии, интегрирована в речь и уже присутствует во французских словарях. Например:

- (1) On se serait cru à la poissonnerie du marché couvert. Dans un autre contexte, j'aurais certainement ri, mais là, j'aurais voulu me cacher. À cet instant précis, si on me l'avait proposé, j'étais OK pour *la burka*. («Это напоминало рыбную лавку на крытом рынке. В другом контексте я бы, конечно, рассмеялась, но здесь мне захотелось спрятаться. Если бы кто-то предложил мне *паранджу* в тот момент, я была бы не против») [11, p. 41].

Согласно словарю *Larousse*, *burka* (de l'arabe) – ‘vêtement traditionnel des femmes musulmanes, qui dissimule leur corps de la tête aux pieds’ («традиционная мусульманская женская одежда, скрывающая тело с головы до ног») [6]. Данная лексема прочно вошла во французский язык, в тексте романа она не сопровождается пояснениями или синонимами, а, значит, может рассматриваться как заимствование из арабского языка во французский. В данном случае лексема *burka* выполняет номинативную функцию, т.е. используется для наименования вещей и явлений, которые отсутствуют во французской культуре.

Рассмотрим ещё один пример:

- (2) Alors les cousines et moi, pour lui acheter quelques parts, on sortait de la baraque en courant, pieds nus, vêtues de simples *gandouras*, et on se foutait de tout. («Поэтому мы выбегали из хижины, вместе с моими двоюродными сестрами, чтобы купить его где-нибудь, босые, в простых *гандурах*, и нам было наплевать на все») [11, p. 50].

В рассматриваемом примере лексема *gandouras* используется в следующем значении: ‘robes légères qu’on porte dans la maison’ («легкие платья, которые носят дома»). Значение данной лексической единицы приводится самой писательницей в сноске, поскольку она ещё не зафиксирована во французских словарях и может вызвать трудности. В данном примере лексема *gandouras* тоже выполняет номинативную функцию, но её статус иной; это, скорее, экзотизм.

В следующем примере мы рассмотрим случай употребления самой частотной лексемы иноязычного происхождения – лексемы *bled*:

- (3) Je lui dis toutes mes inquiétudes et mes peurs, je lui dis comment mon frère et moi, nous marchons à cloche-pied dans ce *bled*, car on doit se faire discrets, on n'est pas nés là. («Я рассказываю ему обо всех своих тревогах и страхах, рассказываю, как мы с братом скачем в этой *стране* на одной ноге, потому что мы должны быть осторожными, мы не родились здесь») [11, p. 107].

Неконвенциональная лексема *bled* относится к категории «общее аргю» и зафиксирована в словаре *Larousse*, а также в словарях аргю Т.И. Ретинской и Т.Н. Громовой, Е.Ф. Гриневой [1; 5; 6]. Согласно словарю *Larousse*, лексема *bled* (‘arabe maghrébin blad, pays’) («магрибский арабский язык “блад”, страна») пришла из магрибского арабского языка и обозначает страну [6]. В вышеприведенном примере мы видим, что лексема *bled* используется как синоним Франции, страны не родной для семьи Алем. А в следующем примере та же самая лексема используется уже в другом значении:

- (4) Je n'ai jamais repris le chemin du *bled* depuis mon arrivée en France et, si je décidais d'y retourner, je ne sais pas comment je vivrais le grand *come-back*. («Я ни разу не

возвращалась на *родину* с тех пор, как приехала во Францию, и, если бы я решила вернуться, я не знаю, как бы я пережила это великое *возвращение*») [11, p. 117].

В примере 4 лексема *bled* используется в значении ‘родина’, ‘родная страна’, т.е. выступает в качестве синонима уже Алжира, а не Франции. Таким образом, в двух последних примерах мы можем наблюдать расширение значения лексемы *bled*. В обоих случаях лексема *bled* реализует идентифицирующую функцию, т.е. выступает в качестве средства распознавания «свой/чужой», позволяет тут же распознать члена своей группы и ощутить свою принадлежность к «своим». Реализуя данную функцию, лексемы иноязычного происхождения конкурируют с французскими лексемами, т.к. говорящий мог бы использовать вместо лексемы *bled* лексему *paus*, но сделал выбор в пользу первой. В этом же примере мы видим использование лексемы из английского языка – *come-back* («возвращение»). Она тоже могла бы конкурировать с французской лексемой *retour* («возвращение»), но говорящий предпочел употребить именно её. Более подробный анализ функций лексем из английского языка будет проведен далее.

Помимо лексем арабского происхождения, в тексте романа встречаются дериваты, т.е. случаи присоединения французского суффикса к лексеме арабского происхождения. Например:

- (5) Quant à Foued, il ment, il dit qu’il va à l’école et qu’il travaille bien. Il a avalé sa salive avant de mentir : à ce que je vois, nous avons les mêmes techniques. Il a fui mon regard lorsqu’il l’a fait, Peut-être craignait-il que je l’affiche, que je lui foute la honte devant un “*blédard*”, comme il dit. («Что касается Фуэда, то он лжет, говорит, что ходит в школу и хорошо работает. Он проглотил слюну, прежде чем соврать: насколько я могу судить, у нас одинаковые техники. Он избегал моего взгляда, когда делал это, возможно, он боялся, что я выдам его, опозорю перед “местным”, как он говорит») [11, p. 142].

В данном примере к лексеме арабского происхождения *bled*, рассмотренной нами ранее, был добавлен французский суффикс *-ard*, который используется для образования существительных и является оценочным. Таким образом лексема *blédard* приобретает значения – ‘араб, живущий в Северной Африке’ или ‘нелегальный иммигрант, живущий во Франции’. С точки зрения лингвистики, подобные примеры наиболее интересны, т.к. представляют собой случаи интерференции и свидетельствуют о том, что лексема иноязычного происхождения настолько плотно вошла во французский язык, что получила грамматическое оформление, свойственное французскому языку.

По той же словообразовательной модели образована и лексема *schmittard*, в основу которой легла немецкая лексема *Schmidt* и французский суффикс *-ard*, которая используется в значении – ‘жандарм, полицейский’ [1, p. 935]. Например:

- (6) Le commissariat de proximité vient d’appeler à l’appart pour que l’on vienne chercher Foued. Mon petit frère chez les *schmittards*, ça me fait un choc. («Местное отделение полиции только что позвонило в квартиру, чтобы прийти и забрать Фуэда. Мой младший брат у *лежавых*, вот это шок») [11, p. 66].

Как показал анализ фактического материала, лексемы арабского происхождения, как правило, относятся к бытовой семантической сфере и к религиозной. Например:

- (7) «Réponds! Qu'est-ce qui te prend? On dirait que t'es possédée! *Naâl chétane!*» («Ответь на вопрос! Что с тобой не так? Ты выглядишь как одержимая! *Дьявол будь проклят!*») [11, p. 95].

- (8) Nous attendons votre retour avec une grande impatience, ce grand jour, *inchallah*, où nous fêterons devant Dieu et de bon cœur nos retrouvailles. («Мы с нетерпением ждем вашего возвращения, того великого дня, *если того захочет Аллах*, когда мы всем сердцем отпразднуем наше воссоединение перед Богом») [11, с. 115].
- (9) – Je cherche le mot “gibbon”! dit-il en articulant avec soin ce mot mystérieux.
– Gibbon ?
– Oui, parfaitement.
– *Starfoullah!* Et pourquoi ça? D'où te vient cette fièvre ?
(«– Я ищу слово “гиббон”! сказал он, тщательно выговаривая это загадочное слово.
– Гиббон?
– Да, именно его.
– *Храни тебя Аллах!* С чего вдруг? Что это на тебя нашло?») [11, р. 82].

В примерах 7, 8 и 9 используются типичные для мусульман восклицания, которые являются частью их религиозной культуры и выполняют идентифицирующую функцию. Как правило, подобные религиозные выражения из арабского языка находят свое полное объяснение только на нем, поэтому трудно заменимы какими-либо французскими аналогами.

Помимо бытовой и религиозных сфер лексемы арабского происхождения используются в тексте романа в рамках семантического поля «тюрьма» и «наркомания». Например:

- (10) – Tu veux finir au *habs!* ou quoi ? Si tu continues et que c'est ça ton objectif, eh ben tu vas finir par l'atteindre. («Ты хочешь оказаться в *тюрьме* или как? Если ты будешь продолжать в том же духе, то в конце концов достигнешь своей цели») [11, р. 99].

В примере 10 лексема *habs* арабского происхождения и используется для обозначения тюрьмы, реализуя криптолалическую функцию, т.е. функцию шифрования, позволяя тем самым скрыть смысл высказывания от тех, кто не причастен к группе.

Совсем иную ситуацию мы можем наблюдать, проанализировав случаи употребления лексем английского происхождения. Например:

- (11) Il s'appelle Bilel, genre c'est lui le *sex-symbol* du village, *un light*, comme dit Foued. («Его зовут Билель, он *секс-символ* деревни, *свет*, как говорит Фуэд») [11, р. 149].
- (12) Coco me parle d'une autre soirée proche de là. Je crois qu'il est euphorique, le garçon, il semble opérationnel pour aller jusqu'au bout de *la night*. («Коко рассказывает мне о другой вечеринке неподалеку. Я думаю, что он в эйфории, кажется, этот мальчик готов кутить всю *ночь* напролет»). [11, р. 154].
- (13) La cave s'était transformée en salle de projection *cinéma-trash-blondasse*. («Подвал был превращен в проекционный зал *кинотеатра-треш-блондинки*») [11, р. 31].
- (14) Mouss, au quartier de l'Insurrection, c'est *THE beau gosse*, il a toujours déchaîné les passions. («Мусс, из Мятёжного квартала, – *САМЫЙ* красивый, он всегда разжигал страсти вокруг себя») [11, р. 79].

На наш взгляд, функция лексем из английского языка несколько иная, особенно в случае, если во французском языке существует аналог, а в большинстве случаев это так и есть. Употребление англицизмов ограничено двумя семантическими полями: эмоциональным полем (*cool, sex-symbol, light, hot*) и бытовым (мода, телевидение, музыка) (*night, sweats, baggies, joggings, strings*). Несмотря на официальную языковую политику Франции, которая заключается в пуризме и защите чистоты французского языка от обилия англицизмов, в пропаганде

употребления галлицизмов вместо англоязычных аналогов, вследствие глобализации, развития информационных технологий и массовой поп-культуры избежать англоязычной лексики, особенно в речи молодежи, невозможно. На наш взгляд, лексемы англоязычного происхождения выполняют номинативную функцию, когда речь идет о наименовании предметов действительности (*slip, western, parking, joggings, strings*) и юридическую функцию, когда говорящий преследует цель – включиться в игру, создать новую необычную лексему, соединить в одной лексеме английский и французский языки (*cinéma-trash-blondasse, flashé, mec light, light sinon rien, style “fresh-groovy-smooth-dans le coup”*). Помимо этого, использование английских лексем вместо аналогичных французских может быть рассмотрено как форма протеста против общепринятых норм, как способ выделиться и привлечь к себе внимание, что особенно характерно для подростков и молодежи. С этой точки зрения интересен пример 14, в котором говорящий использует не лексему, а грамматическую форму определенного артикля английского языка в качестве детерминатива к французскому существительному (*THE beau gosse*). Таким образом, англоязычные лексемы реализуют полемическую функцию, номинативную и юридическую.

Лексемы из других языков немногочисленны. Например, из африканских языков:

- (15) Elle rêve de devenir chanteuse et se plaint qu'aucun *toubab* de sa classe ne veut être son amoureux parce qu'elle a de faux cheveux. («Она мечтает стать певицей и жалуется, что ни один *коренной француз* в ее классе не хочет быть ее возлюбленным, потому что у нее искусственные волосы») [11, p. 18].

Лексема *toubab*, согласно словарю *Larousse*, имеет значение – ‘en Afrique noire, nom donné aux Européens, aux Blancs; Africain ayant adopté le mode de vie européen’ («европеец, белый или ассимилировавшийся африканец») [6]. Помимо этого, лексема *toubab* уже вошла в словарь аргю французского языка, расширив при этом свое значение до ‘коренного француза’, в котором она используется в примере 15. [1, p. 1033].

Лексемы из цыганских языков всегда были характерны для вокабуляра французского аргю, особенно для семантического поля правонарушений и криминала. Например:

- (16) C'est vrai, c'est hyper-moche, j'admets. <...> En plus, je lui ai laissé cinq euros de pourboire! Venez, on y retourne et on la *marave*, non ? J'ai la haine, ça y est... («Это правда, это очень некрасиво, я признаю. <...> А я ещё оставила ей пять евро чаевых! Давайте вернемся и *размажем ее по стенке*, да? Как же я ненавижу её...») [11, p. 135].

В данном примере используется глагол *maraver*, взятый из цыганских языков, в значении ‘бить, избивать, прикончить’ [1, p. 624]. В контексте романа произошла ситуация, когда одна из подруг вернулась из парикмахерской с новой прической, которая ей ужасно не идет, она сама недовольна и жалеет о том, что сделала это, ещё и чаевые оставила мастеру. Функция данной лексической единицы – криптолалическая, т.е. передача сообщения для своих с целью сделать это так, чтобы чужие не поняли.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: лексемы иноязычного происхождения играют важную роль в современном французском языке пригородов; в романе Фаизы Ген используются лексемы из арабского, английского, африканских, цыганских и немецкого языков; при этом в зависимости от контекста они могут расширять свое значение и реализовывать разные функции, согласно стратегическому замыслу говорящего, а именно – номинативную, криптолалическую, полемическую и юридическую. Данное исследование может найти свое продолжение в изучении особенностей перевода

неконвенциональной лексики иноязычного происхождения на русский язык (на материале того же романа).

Список литературы

1. Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов. М.: Нестор Академик, 2012. 1168 с.
2. Кашкина Е.В. Особенности языковой интерференции во французском языке марокканских билингвов [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 107–114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44494685> (дата обращения: 05.11.2022).
3. Монгилева Н.В. Национальная и этническая картины мира в произведении Ф. Гэн «Киффе-киффе завтра» [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). С. 180–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22011437>
4. Проскурякова Д.Ю. Феномен переключения кодов в урбанистической литературе Франции (на примере Романов Фаизы ген «Kiffe Kiffe Demain» и Рашида Джаидани «Boumkffur») [Электронный ресурс] // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1(78). С. 158–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35052992>
5. Ретинская Т.И. Словарь аргю французской учащейся молодежи. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 174 с.
6. Толковый словарь французского языка Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 16.11.2022).
7. Arezki D. Codes linguistiques et en-jeu identitaire dans le roman Un homme ça ne pleure pas (2014) de Faïza Guène [Electronic resource] // Lublin studies in modern languages and literature. Maria Curie-Sklodowska University Press. 2022. Vol. 46, № 1. P. 69–86. URL: <https://journals.umcs.pl/lsmll/article/download/12565/9739> (дата обращения: 15.10.2022).
8. Coste M. Rap, littérature et légitimité dans Du rêve pour les oufs de Faïza Guène [Electronic resource] // Interculturel francophonie, «Littératures et cultures urbaines francophones». 2022. № 40. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03636479> (дата обращения: 14.10.2022).
9. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris : Maisonneuve et Larose, 2001. 261 p.
10. Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités [Electronic resource] // Presses Universitaires de France. «La linguistique». 2002. Vol. 38. P. 5–24. URL: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2002-1-page-5.htm> (дата обращения: 18.10.2022).
11. Guène F. Du rêve pour les oufs. Paris : Hachette littératures, 2006. 160 p.
12. Lievois K., Noureddine, N. N., Kloots, H. Le lexique des jeunes des cités dans Kiffe kiffe demain : choix traductifs en arabe, espagnol et néerlandais [Electronic resource] // Traduction, terminologie, rédaction. 2018. Vol. 31, № 1. P. 69–96. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ttr/2018-v31-n1-ttr04802/1062547ar/> (дата обращения: 10.11.2022).
13. Zerrouki N. Le discursif et les marqueurs socioculturels du récit beur au féminin : le cas de Faiza Guene, Razika Zitouni [Electronic resource] // Langues, Cultures, Communication. L2C. 2018. Vol. 2, № 2. P. 144–154. URL: <https://revues.imist.ma/index.php?journal=L2C> (дата обращения: 08.09.2022).

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 811.112.2

СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РАМКАХ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Людмила Евгеньевна Корнилова¹, Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹кандидат филологических наук, доцент, kornilova.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

²магистр направления 45.04.01 «Филология», tchimed2016@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена семантическим изменениям немецких фразеологизмов с цветообразующими компонентами. На основании методов корпусного и контекстуального анализа авторы исследуют семантические сдвиги, характерные для немецких фразеологизмов в современном немецком языке. Актуальность работы заключается в применении относительно нового корпусного метода исследования. Кроме того, семантические изменения во фразеологизмах с компонентом цветообозначения ранее не изучались в рамках корпусных исследований. Результаты работы также имеют практическую пользу для семантики, фразеологии, лексикографии и для специалистов в области перевода.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеологическая единица, семантические изменения, корпусное исследование.

Для цитирования: Корнилова Л.Е., Нурзет Ц.С.Б. Семантика немецких фразеологизмов с компонентом цветообозначения в рамках корпусного исследования // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 40–48.

Original article

SEMANTICS OF GERMAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS WITH A COLOUR-CODING COMPONENT IN CORPORA RESEARCH

Liudmila V. Kornilova¹, Tserinchimed S.B. Nurzet²

^{1, 2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, kornilova.le@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

²Master in Philology, tchimed2016@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to semantic shifts in German phraseological units with colour-coding components. Using the methods of corpora and contextual analysis the authors investigate semantic shifts in German phraseological units in the contemporary German language. The relevance of the work lies in the application of a relatively new corpora research method. In addition, semantic

changes in phraseological units with a colour-coding component have not previously been studied within the framework of corpora research. The results of the work are also of practical use for semantic studies, phraseology, lexicography, and translation purposes.

Keywords: German language, phraseme, semantic shift, corpora research.

For citation: Kornilova L.E., Nurzet T.S.B. Semantics of German Phraseological Expressions with Colour-Coding Component in Corpora Research // Far Eastern Philological Journal. 2023. T. 1, № 1. P. 40–48. (In Russ.)

Язык – динамичная система, которая постоянно развивается, изменяется и совершенствуется. Изменения в языке – это естественный процесс, заложенный в самой его природе. Появление новых фразеологических единиц – процесс непрерывный, что делает его актуальным и уникальным. Фразеологизмы являются особой группой языковых единиц, отличающихся от отдельно взятых слов единой неделимой семантикой. Фразеологизмы могут изменять структуру, а также и семантику, и так устаревшие фразеологизмы получают «вторую жизнь». Поэтому семантика фразеологических единиц вызывает особый интерес у лингвистов. В настоящее время, имея лингвистические корпуса текстов и применяя корпусный анализ вместе с контекстуальным анализом, удастся собрать достаточное количество эмпирических данных для исследования семантики фразеологизмов и выявления новых тенденций в современном немецком языке.

Объектом нашего исследования являются немецкие фразеологизмы с цветообразующим компонентом. Предмет исследования – семантические изменения в немецких фразеологизмах с компонентом цветообозначения.

Цель исследования – выявление семантических изменений в немецких фразеологизмах с компонентом цветообозначения в рамках корпусного исследования.

Актуальность исследования определяется использованием возросших в последнее время возможностей корпусной лингвистики, позволяющих проводить диахронический анализ различных единиц языка, в том числе фразеологических. Наличие богатого корпусного материала и компьютерных средств анализа позволяет осмыслить данные изменения и в известной степени установить диахроническую картину развития языка. Актуальность данной работы заключается также в обращении к корпусному методу, который ранее не использовался для анализа семантики немецких фразеологизмов с компонентом цветообозначения. Научные труды, посвященные семантике фразеологизмов с компонентом цветообозначения, не новы, однако в нашей работе мы ограничиваем предмет исследования до семантических изменений в данных фразеологических единицах в немецком языке, а также используем относительно новый метод исследования, а именно метод корпусного анализа.

Материалом статьи послужили фразеологизмы с компонентом цветообозначения в контекстах из корпуса немецкого языка DeReKo. В корпусе был найден 199151 контекст с фразеологизмами с компонентами цветообозначения, из которых анализу подверглись 2797 контекстов. Во время анализа отбирались первые 30 контекстов при их наличии, поскольку этого количества достаточно для установления узуальных случаев семантических изменений во фразеологических единицах [7, с. 206]. При работе с корпусом мы обращаемся не только к первичным данным (контекстам), но и к метаданным, которые позволяют установить наиболее частые сферы употребления фразеологизмов в речи, что помогает при выявлении коннотационных изменений во фразеологизмах.

Теоретической базой исследования послужили теоретические положения, представленные в трудах специалистов в области фразеологии, корпусной лингвистики и семантики. Это труды таких российских и зарубежных ученых, как Ю.Д. Апресян, Х. Бургер, В.В. Виноградов, Д.О. Добровольский, А. Килгаррифф, А.В. Кунин, Л. Лемницер, Р. Мун, В.Н. Телия, В. Фляйшер, Х. Цинсмайстер, Н.М. Шанский.

В анализе материала были использованы следующие общие методы теоретического исследования: анализ и синтез (теоретического материала), метод сплошной выборки (при отборе фразеологизмов из словаря Duden – Redewendungen, Band 11), метод корпусного анализа лингвистических данных, контекстуальный анализ и метод анализа статистических данных.

В качестве ведущего определения понятия «фразеологизм» мы выбрали определение В.Н. Телия: «Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [9, с. 9]. В данном определении отражены все основные свойства фразеологических единиц, а именно воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность и раздельнооформленность. Эти свойства разграничивают фразеологизмы от других лексических единиц.

К потенциальным семантическим изменениям во фразеологизмах мы относим полисемию и коннотационные изменения. Д.О. Добровольский приводит следующее определение: «Полисемия – это, как известно, наличие у языкового знака более чем одного значения» [1, с. 59]. В полисемии мы отдельно выделяем вторичный метафорический сдвиг, метонимический сдвиг, расширение и сужение значения.

Вторичный метафорический сдвиг предполагает развитие нового переносного значения на базе основной семантики фразеологической единицы [8, с. 102]. Понятия «метафора» и «метонимия» следует разграничивать. В основе *метафоры* лежит связь обозначаемых предметов по сходству, в основе *метонимии* – связь по смежности. Л.А. Козлова пишет, что метафорический сдвиг имеет общий признак, и характер этого общего признака может быть различным: сходство по внешнему облику, размер, манера поведения, потребность, выполняемая функция и т.д. [4, с. 19]. Иными словами, при *метафорическом сдвиге* сигнификат остается одинаковым, а денотаты имеют отличия (о сигнификате и о денотате написано ниже). Например, немецкое слово *die Schlange* имеет два значения: ‘очередь’ и ‘змея’. Сигнификат в обоих случаях – общий признак по внешнему сходству, а денотаты – разные, поскольку обозначают совершенно разные предметы действительности, т. е. происходит сдвиг в значении.

Для *метонимии* существенное значение имеет сдвиг фокуса внимания, т.е. в данном случае меняется как сигнификат, так и денотат. Так, красная шапочка – это, с одной стороны, предмет одежды, с другой – героиня сказки. В этом случае между данными значениями нет общих признаков, и они обозначают разные вещи. Произошел сдвиг в референции, произошел перенос наименования с одного предмета на другой.

Расширение значения слова – увеличение объема обозначаемого понятия, т.е. количества называемых предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова [2, с. 300]. *Расширение значения* – движение в направлении от конкретного к обобщенному [3, с. 51]. *Сужение значения слова* – ограничение объема обозначаемого понятия, в результате

чего возникает новое значение слова [1, с. 381]. Следует также отметить, что сужение и расширение значения не исключают параллельный процесс метафоризации.

При выявлении полисемии не обойтись без таких аспектов значения как сигнификат и денотат. Под сигнификативным аспектом значения понимается объем информации, выражаемой фразеологизмом в отношении обозначаемого элемента внеязыковой действительности [6, с. 5]. В денотативный аспект включается предметная соотнесенность ФЕ с лицом, действием, состоянием, ситуацией. Ученые К.И. Льюис, У.О. Куайн, Дж. Лайонз утверждают, что денотатом какой-либо языковой единицы является множество объектов действительности (предметы, действия, ситуации, состояния и т.д.), которые могут именоваться данной единицей [9, с. 559]. Под понятийным содержанием или сигнификатом имеется в виду «отраженная в нашем сознании совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которого являются отличительные существенные свойства, признаки и отношения» [5, с. 537].

Под *коннотацией* немецкий лингвист В. Фляйшер понимает дополнительную, косвенную информацию знака, содержащуюся в сознании человека, которая отражает не только особенности определенного предмета, но также эмоциональное отношение человека, использующего этот знак к названному предмету [11, S. 202].

Наше исследование проводилось в мангеймском корпусе немецкого языка DeReKo. Корпус – это собрание письменных или разговорных высказываний. Данные корпуса обычно цифровые, т. е. хранятся в машиночитаемом виде в компьютерной системе. Корпус состоит из самих данных, а также, возможно, из метаданных и лингвистических аннотаций [13, S. 224].

DeReKo по объему является самым большим немецкоязычным корпусом в мире и состоит из 46,9 миллиардов слов (состояние на 18 января 2020 года), к тому же его данные постоянно пополняются [12]. Первичные данные корпуса состоят из беллетристики, текстов научного и научно-популярного типов, газетных статей. В DeReKo, как правило, предоставляются следующие метаданные: дата публикации, период создания, автор, издатель, тип текста, тематика, предварительно рассчитанная статистика текста (*pre-calculated text statistics*) – количество токенов (встречаемость какого-либо слова в определенном месте в корпусе), слов, чисел, предложений, параграфов, индикаторов старой и новой орфографии и т.п.), условия лицензии [12].

Для исследования были отобраны все фразеологизмы с компонентом цветообозначения из словаря Duden – «*Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten*» 2013 года издания [14], который является самым полным на сегодняшний день собранием фразеологизмов немецкого языка. В результате нам удалось найти 115 фразеологических единиц.

В ходе анализа мы обнаружили следующие семантические изменения: вторичный метафорический перенос, расширение значения, сужение значения, коннотационные изменения, а также омонимию.

Далее приводятся примеры фразеологизмов с семантическими изменениями.

weiße Mäuse sehen (ugs.).

Словарное значение фразеологизма – ‘*Wahnvorstellungen haben*’ (‘увидеть галлюцинацию/ бредовое представление’) [14, S. 499].

Пример употребления фразеологической единицы в словарном значении: «*Mehrfach sei er schon in der Psychiatrie in Königsutter gewesen. Mal sei er freiwillig dorthin gegangen, dann wieder eingewiesen worden, weil er weiße Mäuse gesehen und Musik gehört habe, die nicht vorhanden waren*».

Перевод:

«Он несколько раз лежал в психиатрическом отделении в Кёнигслуттере. То он приходил туда добровольно, то его снова туда отправляли, потому что он **видел белых мышей** и слышал музыку, которых там не было».

Примеры употребления фразеологической единицы с семантическими изменениями:

а) «*Geboten wird auch Live-Musik, die Jazz-Combo der Städtischen Musikschule wird bis 22 Uhr aufspielen. Ob bei so viel weiß auch weise Tischgespräche geführt werden und man nach dem Nachhauseweg nach reichlichem Genuß von weißem Wein möglicherweise **weiße Mäuse sieht**, bleibt jedem selbst überlassen, schreibt der Förderkreis in einer Pressemitteilung zu der Veranstaltung. Als Eintrittspreis ist ein Obolus von fünf Mark zu entrichten*».

Перевод:

«„Также предлагается живая музыка, джазовый ансамбль городской музыкальной школы будет играть до 22 часов. Гостям предстоит решить, будут ли они с таким количеством белого вести мудрые застольные беседы и, возможно, **видеть белых мышей**, придя домой, после того как вдоволь насладятся белым вином“, – пишет группа поддержки в пресс-релизе к мероприятию. Входная плата составляет пять марок».

б) «*In späteren Interviews drückte sich Körtling differenzierter aus. Er rief erneut zur Wachsamkeit auf, warnte aber gleichzeitig davor, Muslime unter Generalverdacht zu stellen. Bürger um Mithilfe zu bitten sei immer eine Gratwanderung, verlautet aus Sicherheitskreisen: „Wir sind darauf angewiesen, dass die Bevölkerung Augen und Ohren offenhält. Das darf aber nicht dazu führen, dass wir in einer Informationsflut ersaufen, weil die Leute überall **weiße Mäuse sehen**“*».

Перевод:

«В более поздних интервью Кёртинг высказывался более конкретно. Он вновь призвал к бдительности, но в то же время предостерег от того, чтобы ставить мусульман под всеобщее подозрение. Просить граждан о помощи всегда является риском. Спецслужбы утверждают: „Мы полагаемся на то, что население будет держать ухо востро. Но это не должно привести к тому, что мы утонем в информационном потоке, из-за того, что людям станут повсюду **мерещиться белые мыши**“».

Фразеологизм *weiße Mäuse sehen* встретился в 32 контекстах в корпусе. В примере «а» фразеологизм употреблен в словарном значении. Некий человек направлен в психиатрическую лечебницу из-за того, что видел галлюцинации и слышал звуки, каких не было. Здесь мы видим, что речь идет о галлюцинациях и о бредовых представлениях. В примере «б» говорится о том, что если в заведении кто-то выпьет слишком много вина и ему начнут приходить бредовые представления, то это будет его проблемой. Фразеологизм подвергся сужению значения, поскольку в сигнификативном значении есть причина галлюцинаций, а именно алкоголь, в отличие от первого примера. Также следует добавить, что именно в значении ‘алкогольной делирии’ (галлюцинаций, вызванных употреблением алкогольных напитков) фразеологизм был зафиксирован в 14 контекстах из 30. Это довольно убедительное соотношение, говорящее о том, что причина (чрезмерное распитие алкоголя) является частью сигнификативного значения и такое употребление окказиональное, а не узуальное. В примере «с» спецслужбы просят граждан быть бдительными, однако они по каким-то причинам могут начать видеть то, чего нет. Тут речь не идет о визуальных галлюцинациях, а, скорее, о паранойе или о чрезмерной осмотрительности, бдительности, из-за чего люди могут начать безосновательно подозревать других в чем угодно. В этом случае мы видим изменения в сигнификате, поскольку причиной являются признаки паранойи и чувство страха. Мы полагаем, что в этом случае фразеологизм

имеет значение ‘мерещиться из-за паранойи и чувства страха’. В словарном значении фразеологизм встретился в 11 контекстах из 30. В значении ‘алкогольная делирия’ фразеологизм был обнаружен в 14 контекстах из 30. В 5 контекстах из 30 фразеологизм имеет значение ‘мерещиться из-за чувств паранойи и страха’.

bei Nacht/ in der Nacht sind alle Katzen grau

Словарное значение фразеологизма – ‘in der Dunkelheit kann man nur schwer jmdm. od. etw. erkennen’ (‘в темноте что-то или кого-то трудно распознать/ обнаружить’) [14, S. 521].

Пример употребления фразеологической единицы в словарном значении:

а) «*Lkw sind nachts viel zu schlecht sichtbar bei Nacht sind alle Katzen grau – diese alte Volksweisheit gilt leider auch für Lastzüge. Wehe dem, der einmal im Dunkeln mit einem Lkw wenden muß: Er wird von der Seite kaum gesehen, und wenn, dann ist es oft schon zu spät*».

Перевод:

«Грузовики слишком плохо видны ночью, когда **ночью все кошки серые** – эта старая народная мудрость, к сожалению, применима и к грузовым автопоездам. Горе тому, кто вынужден разворачивать грузовик в темноте: его почти не видно со стороны, а если и видно, то зачастую уже слишком поздно».

Пример употребления фразеологической единицы с семантическим изменением:

б) «*Es gibt, da hat Carolin Emcke durchaus recht, natürlich auch nicht muslimische „Formen des Patriarchats und des Machismo“. Der entscheidende Unterschied liegt aber darin, dass die muslimische Variante im Koran und der Tradition (hadithe) eine religiöse Legitimation erfährt. Die Belege dafür sind erdrückend. Doch damit beschäftigt sich die Autorin gar nicht. Sie will „die Muslime“ vor ungerechtfertigten Angriffen in Schutz nehmen und bedient sich dabei der hinlänglich bekannten Technik der Relativierung nach dem Motto: **In der Nacht sind alle Katzen grau**. Will sagen: Im Hinblick auf menschenrechtliche Defizite sind alle Religionen gleich*».

Перевод:

«Каролин Эмке совершенно права, говоря, что, конечно, существуют и немусульманские „формы патриархата и мачизма“. Решающее различие, однако, заключается в том, что мусульманский вариант получает религиозную легитимность в Коране и традиции (хадисах). Доказательства этому ошеломляющие. Но автора это совершенно не волнует. Она хочет защитить „мусульман“ от необоснованных нападок и использует известный прием релятивизации в соответствии с девизом: „**ночью все кошки серые**“. Другими словами, все религии равны с точки зрения дефицита прав человека.

Фразеологизм встретился в 34 контекстах корпуса. В примере «а» *bei Nacht sind alle Katzen grau* употреблен в словарном значении. Мы понимаем, что речь идет о плохой видимости в темное время суток, что может быть причиной дорожных аварий. В примере «б» не говорится о том, что сложно кого-то или что-то распознать в темноте, в данном случае речь идет о равенстве. Каролин Эмке, защищая мусульманскую религию, употребляет фразеологизм в значении равенства, она утверждает, что все религии равны. Мы наблюдаем здесь смену денотата: плохая видимость сменяется денотатом «равенство», но при этом остается сигнификативный компонент, а именно компонент подобия или равенства, поскольку в темноте все предметы одинаково плохо видны. Таким образом, можно установить, что во фразеологизме *bei Nacht sind alle Katzen grau* произошел вторичный метафорический сдвиг. В словарном значении фразеологизм встретился в 27 контекстах из 30. В значении ‘равенство’ фразеологизм встретился в трех контекстах из 30.

der Schwarze Tod (geh.)

Словарное значение фразеологизма – ‘die Pest’ (‘чума, зараза’) [14, S. 675].

Пример употребления фразеологической единицы в словарном значении:

a) *«Dann kam Follett die zündende Idee: Im Zentrum des Buches sollte die Pest stehen, die im 14. Jahrhundert in Europa wütete und die Hälfte der Bevölkerung auslöschte. „Der Schwarze Tod“ war ein intellektueller Wendepunkt“, sagt Follett. Bis dahin schrieben die Menschen Gott die alleinige Macht über Leben und Tod zu, danach wurde die Position der Kirche infrage gestellt. Vorher wurde Medizin eher theoretisch studiert, Aderlass und Kuhdungsalbe galten als Allheilmittel. Doch dann zog das wissenschaftliche Zeitalter herauf».*

Перевод:

«Затем Фоллетту пришла в голову блестящая идея – книга должна быть посвящена чуме, которая свирепствовала в Европе в XIV веке и уничтожила половину населения. „Черная смерть“ стала интеллектуальным поворотным моментом“, – говорит Фоллетт. До этого момента люди приписывали Богу единственную власть над жизнью и смертью, после чего позиция церкви была поставлена под сомнение. До этого медицина изучалась больше теоретически, кровопускание и мазь из коровьего навоза считались панацеей. Но затем пришел век науки».

Пример употребления фразеологической единицы с омонимией:

b) *«In vielen Fällen hilft das auch – manche Konsole machte der „Schwarze Tod“ aber zum Garantiefall. Bekannt geworden sind die Fälle mit Games wie „Super Street Fighter IV“ und „Super Monkey Ball“, wie „Chip.de“ berichtet. Es scheint sich aber eher um einen Systemfehler als um einen Fehler der Spiele zu handeln. Nintendo hat bereits ein Update veröffentlicht, um das Problem zu beheben».*

Перевод:

«Во многих случаях это тоже помогает, но „черная смерть“ превратилась для некоторых консолей в гарантийные случаи. Эти случаи стали известны благодаря таким играм, как „Super Street Fighter IV“ и „Super Monkey Ball“, – сообщает „Chip.de“. Однако, похоже, это скорее системная ошибка, а не ошибка в играх. Nintendo уже выпустила обновление для устранения проблемы».

Фразеологизм был обнаружен в 433 контекстах корпуса. В примере «а» под выражением *der Schwarze Tod* имеется в виду чума XIV века, случившаяся в Европе, и фразеологизм употреблен в словарном значении. В примере «б» фразеологизм использован в значении ‘системная ошибка в компьютерной игре’, которая попадает под гарантийный случай. В данном случае мы наблюдаем омонимию, поскольку чума и системная ошибка в компьютерной игре не имеют никакого общего семантического компонента. В словарном значении фразеологизм встретился в 29 случаях из 30. В новом значении ‘системная ошибка’ фразеологизм был найден только в одном контексте.

Итак, исходя из полученных данных, мы считаем, что фразеологические единицы подвержены чаще всего такому семантическому изменению, как вторичный метафорический сдвиг, доля которого составляет 54,55%. Вторым по количеству фразеологизмов является расширение значения с 18,18%. Сужению значения подверглось 13,64% фразеологизмов. Коннотационные изменения были обнаружены в одном фразеологизме, что составляет 1,15%. Омонимия была выявлена в 9,09% случаев.

Высокую долю вторичного метафорического сдвига можно объяснить тем, что многие значения фразеологизмов возникают, благодаря переосмыслению изначальных образов,

заложенных в компонентном составе фразеологической единицы. Малое количество коннотационных изменений показывает, что фразеологизмы менее подвержены переходу из одной сферы употребления в другую, и фразеологизмы чаще всего имеют стилевые ограничения.

Таким образом, можно утверждать, что семантика фразеологизмов достаточно сложна и также весьма подвижна из-за происходящих в ней изменений. В исследовании мы смогли выявить определенные тенденции во фразеологизмах, например, превалирование метафорического переноса над другими семантическими изменениями и редкие изменения коннотаций. Дальнейшие исследования в этой области призваны помочь раскрыть причины данных изменений. Результаты исследований будут иметь большую значимость для таких разделов лингвистики, как фразеология, семантика и лексикография.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Беседы о немецком языке. М.: Языки славянской культуры, 2013. 744 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Издание 5-е, исправленное и дополненное. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. Каверина О.А. Механизмы расширения значения английских прилагательных // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 10 (721). С. 50–62.
4. Козлова Л.А. Метафора и метонимия: сходства и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. Вып. 4. С. 137–144.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Книга по требованию, 2012. 721 с.
6. Кравцов С.М. Функционально-семантический анализ фразеологии в научно-популярном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1990. 16 с.
7. Пивоварова Е.В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов-«ложных друзей» переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13. С. 312–320.
8. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
9. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 560 с.
10. Belica C., Kupietz M., Lungen H., Perkuhn R. Ausbau und Pflege der Korpora geschriebener Gegenwartssprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html> (дата обращения: 21.10.20).
11. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1982. 248 S.
12. Kupietz M., Keibel H. The Mannheim German Reference Corpus (DeReKo) as a Basis for Empirical Linguistic Research: Institute for the German Language (IDS) Mannheim [Электронный ресурс]. URL: http://cblle.tufts.ac.jp/assets/files/publications/working_papers_03/section/053-059.pdf (дата обращения: 17.12.20).
13. Lemnitzer L. Korpuslinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Narr Verlag, 2015. 224 S.
14. Scholze-Stubenrecht W., Haller-Wolf A., Schoch M. Duden – Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Berlin: Dudenverlag, 2013. 928 S.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 81.373.47

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА «ВОСТОК-ЗАПАД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГДР И ФРГ

Полина Эдуардовна Королева¹, Екатерина Владимировна Пивоварова²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹polina_koroleva_rt54k@mail.ru

²кандидат филологических наук, старший преподаватель, pivovarova_kate@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лингвистической проблемы Восток-Запад в эпоху ГДР и ФРГ в рамках политического дискурса. Актуальность исследования обусловлена появлением все большего количества документов эпохи ГДР и ФРГ в связи со снятием с них грифа секретности и потребностью в их правильном переводе на другие языки. Целью настоящего исследования является определение особенностей употребления лексических единиц политического немецкого языка, обозначенных лингвистической проблемой Восток-Запад, в эпоху ГДР и ФРГ. Авторы прослеживают историю изучения языковой проблемы Восток-Запад, рассматривают специфику языковых единиц того времени в политическом дискурсе, проводят анализ уникальных лексем в речах глав ГДР и ФРГ и предлагают их переводные эквиваленты.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс, ГДР, ФРГ, лингвистическая проблема Восток-Запад, специфическая лексика.

Для цитирования: Королева П.Э., Пивоварова Е.В. Лингвистическая проблема «Восток-запад» в политическом дискурсе ГДР и ФРГ // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 49–57.

Original Article

THE EAST-WEST LINGUISTIC PROBLEM IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE GDR AND THE FRG

Polina E. Koroleva, Ekaterina V. Pivovarova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹polina_koroleva_rt54k@mail.ru

²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, pivovarova_kate@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Abstract. The article focuses on the linguistic problem of East and West in the era of the GDR and the FRG in the framework of political discourse. The relevance of the research is determined by the free access to numerous documents published in the GDR and FRG due to their declassification

and the need to translate them correctly into other languages. The aim of the current research is to identify usage peculiarities of lexical units in political language in German marked by the linguistic problem of East and West in the era of the GDR and the FRG. The author reviews the history of the study of the East and West linguistic problem, examines the specifics of the language units used at that time in political discourse, analyses the unique lexemes in the speeches of the GDR and FRG leaders and suggests their translation equivalents.

Key words and phrases: political discourse, GDR, FRG, East and West linguistic problem, specific lexemes.

For citation: Koroleva P.E., Pivovarova E.V. The East-West linguistic problem in the political discourse of the GDR and the FRG // Far Eastern Philological journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 49–57. (In Russ.)

После завершения Второй мировой войны Германия была разделена на сферы влияния между СССР (восток), и Америкой, Францией, Британией (запад), в результате чего появилось два новых государства – Германская Демократическая Республика (ГДР) и Федеративная Республика Германия (ФРГ) [3, с. 50]. На протяжении нескольких десятилетий немецкий язык подвергался изменениям, отличавшимся на востоке и западе. Проникновение в язык новых терминов и определений вследствие введения нового политического режима и смены социальных целей стало причиной внимания со стороны лингвистов не только Германии, но и всего мира.

Таким образом, когда в 1990 году Германия снова стала единой страной, язык периода существования ФРГ и ГДР стал внимательно исследоваться. При этом еще до объединения в Германии проводилось изучение этого явления, и оно получило название «лингвистическая проблема Восток – Запад». Уже в 1950-х годах журналистами была начата дискуссия об отличиях немецкого языка на востоке и западе. Однако, как отмечает М.В. Хельманн, эти обсуждения были «скорее вкладом в «холодную войну», чем адекватным изложением языковых фактов» [12, S. 20], а потому считать эти предположения объективными и научно обоснованными неверно.

Серьезное изучение лингвистической проблемы «Восток-Запад» было по некоторым данным начато в конце 1950-х, начале 1960-х годов и характеризуется работами таких исследователей как Х. Бартхольмес, Х. Мозер, Г. Корлен, В. Бетц, Э. Шуфер. Однако даже работы ученых такого уровня не всегда были свободны от предвзятости. Такими, например, были их выводы относительно немецкого языка того времени:

- 1) западногерманское употребление как норма, восточногерманское – как нежелательное отклонение;
- 2) исследование особенностей языкового употребления проводилось только по материалам ГДР (в особенности прессы Социалистической единой партии Германии), но не проводилось никакого сравнения с материалами ФРГ, а потому лингвистическая проблема «Восток-Запад» скорее сводилась к проблеме «Восток»;
- 3) ученых больше интересовали политически обусловленные неологизмы и вопросы идеологической полисемии, чем развитие повседневной лексики [12, S. 20].

Этими позициями был обозначен первый этап германских исследований немецкого языка эпохи ГДР и ФРГ. Позже М.В. Хельманн отметил, что в 1964 году осознание недостатков своих исследований приведет ко второму этапу изучения лингвистической проблемы «Восток – Запад». Этот период охарактеризован работой В. Дикманна «Критические замечания по

лингвистической проблеме Восток-Запад» [8], в которой он критикует ранние исследования и говорит о том, что немецкий язык, на котором говорят в двух государствах, не сильно отличается, и что предположение о том, что язык ФРГ является нормой, а язык ГДР – идеологически предвзятым, неверно. В. Дикманн также предполагал, что не только язык восточного, но и западного государства находился под влиянием идеологии, несмотря на «свободный» западный мир [8, с. 139].

Х.Х. Рейх [16, S. 194] в этот период комментировал использование политического языка Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), объясняя его формы и функции по материалам восточногерманских газет и восточного издания словаря Дуден. Однако он не проводил сравнительной характеристики между использованием специфических лексических единиц в восточной и западной Германии, в отличие от работы Т. Пельстера [15], который в итоге своего исследования задается вопросом: «Является ли советский оратор, который судит о человеке и предмете с точки зрения фиксированной идеологии, более справедливым по отношению к предмету речи, чем западногерманский оратор, который после тщательного исследования применяет определенные точки зрения для суждения?». [15, S. 93].

Кроме этого, на втором этапе другими исследователями отвергалось предположение о полном языковом расколе. Лингвисты-германисты комментировали использование политического языка СЕПГ, объясняя его формы и функции по материалам восточногерманских газет и восточного издания словаря Дуден. Однако не проводилось никаких сравнительных характеристик между использованием специфических лексических единиц в восточной и западной Германии.

На третьем этапе западногерманских исследований (1970-е годы) ученые пересматривают возможность изучать лингвистическую проблему «Восток – Запад» с помощью прежних лингвистических методов, что в итоге приводит к спаду западногерманских исследований. «В оставшихся работах возросла готовность рассматривать тему в большей степени с точки зрения проблемы понимания, то есть с точки зрения социологии, социопсихологии и коммуникативистики» [12, S. 22].

При этом вышеперечисленные этапы изучения особенностей немецкого языка относятся только к западногерманским исследованиям. Согласно информации, представленной в антологии «О публичном использовании языка в ФРГ и в ГДР», «участниками конференции были в основном лингвисты, которые активно занимались, спорно или нет, лингвистической проблемой «Восток – Запад» в предыдущие годы (попытки пригласить ученых из ГДР, к сожалению, оказались тщетными)» [13, S. 8]. Таким образом, мы можем рассматривать только западногерманскую точку зрения на эту проблему.

На сегодняшний день не только зарубежные исследователи, такие как Р.Х. Хёппнер, К.Г. Иленбург, Т. Шиппан, но также и отечественные лингвисты, такие как Т.Б. Крючкова и Г.Р. Искандрова изучали и изучают особенности немецкого языка в эпоху ГДР и ФРГ. В результате в настоящее время мы имеем специализированные словари лексики ГДР, а также классификации основных уникальных лексических единиц немецкого языка ГДР (в особенности) и ФРГ.

Наибольший интерес для исследования представляют особенности политического немецкого языка в силу того, что сфера политики наиболее сложна для изучения, потому как «политика не является завершенной и навсегда определенной величиной и нет единой языковой специфики, типичной только для политики» [8, S. 142]. Тем не менее именно эта область

распространяется на огромное количество сфер человеческой деятельности и косвенно вовлекает наибольшее количество людей. Именно по этой причине язык политики не выделяют в специализированный язык, ведь аудитория политической речи – все население страны.

Взаимосвязь политики и языка обусловлена тем, что политика не может существовать без особого политического языка, который является ее основным инструментом. «Политические процессы, являясь в первую очередь процессами коммуникативными, конституируются в значительной мере с помощью языка» [11, S. 196].

Так как политика – это «область человеческой деятельности, связанная с завоеванием, укреплением и использованием государственной власти для достижения какой-либо группой общества или партией своих целей» [5, с. 902], то политический язык, таким образом, выполняет функцию формирования «собственного» политического мнения и становится главным средством формирования восприятия политики.

Исследователи подчеркивают, что помимо специализированной лексики в языке политики так же присутствуют лексические единицы, имеющие политические окрасы: слова лозунгов, жаргонизмы, названия партий, организаций [8, с. 144]. Их распространению способствуют средства массовой информации, которые транслируют политические передачи по телевизору, печатают статьи в газетах, обзеревают политические темы по радио. В то же время такое привычное явление, как выборы, исследователи рассматривают в контексте отдельного вида политического языка. Таким образом, не каждое политическое событие может быть рассмотрено в связи с общим политическим языком.

К особенностям политического языка в целом можно отнести многозначность терминологии, направленность на широкую аудиторию, обобщение, широкое использование языковых клише, условность [2, с. 21].

При рассмотрении политического языка, его особенностей, функций и употребления нельзя не выделить политический дискурс. Политический дискурс – это объединение всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом [1, с. 6].

По мнению Е.И. Шейгал, существует реальное и виртуальное измерение политического дискурса. В первом случае речь идет о текущей речевой деятельности, а также о «возникающих в результате этой деятельности речевых произведениях (текстах), взятых во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [6, с. 21–22]. Виртуальное измерение политического дискурса – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также представление о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации [6, с. 22].

Данное исследование опирается на готовые речевые произведения, которые являются частью политического дискурса времен ФРГ и ГДР.

Как уже было замечено выше, на сегодняшний день существует большое количество как зарубежных, так и отечественных исследований, статей и книг, посвященных лингвистической проблеме «Восток – Запад». Некоторые из ученых предлагают свои варианты классификаций уникальных лексических единиц немецкого языка периода существования ФРГ и ГДР.

Так, Г.Р. Искандрова предлагает следующий вариант классификации:

1) слова и выражения, относящиеся только к Восточной Германии, либо только к Западной Германии;

- 2) омонимичные лексемы с различным обозначаемым;
- 3) термины с доминирующим значением (то есть при одном и том же обозначаемом существуют разные нюансы значения);
- 4) универбы, имеющие при одном и том же денотате разные обозначения [4, с. 162].

Далее мы рассмотрим специфические лексические единицы немецкого языка, выделенные Г.Р. Искандровой, на материале записей политических речей Э. Хонеккера (ГДР) и Г. Коля (ФРГ), определим особенности их употребления в контексте. Всего было проанализировано 10 политических речей (по пять у каждого из канцлеров). Значения лексических единиц устанавливались по этимологическому словарю Дуден [10] и словарю «Язык в ГДР» [14], временной промежуток употребления лексем определялся в корпусе немецкого языка DWDS [9].

Обратимся к первому типу уникальных единиц – словам и выражениям, характерным только для ГДР или только для ФРГ. Для наглядности списки таких лексем приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Слова и выражения, относящиеся к Восточной Германии

Лексические единицы ГДР	Перевод
Volkskammerabgeordneter	депутат народной палаты
Hitlerfaschismus	гитлеровский фашизм
Volksmassen	народные массы
Hetefeldzug	военная операция, сопряженная с агрессивной агитацией
Liebe Genossinnen und Genossen	уважаемые товарищи
Bruderpartei/-land/-staat	братская партия, страна, братское государство
SED (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands)	партия социалистического единства Германии
Spezialistenkollektiv	коллектив специалистов
Monopolkapital	монопольный капитал
Weltarena	мировая арена
Präferenzpreis	льготная цена

Таблица 2

Слова и выражения, относящиеся к Западной Германии

Лексические единицы ФРГ	Перевод
Bundesregierung/-kanzler/-republik	федеральное правительство, федеральный канцлер, федеративная республика
Meine Damen und Herren	дамы и господа
europäische Integration	европейская интеграция

Исходя из представленных в таблицах данных, мы можем заметить, что число уникальных лексических единиц, относящихся только к Восточной Германии значительно выше. Это объясняется пришедшим в Германию социалистическим строем, который предполагает

особые обращения, особые новые органы власти и свое собственное отношение к дружественным и недружественным режимам. В свою очередь англицизмы, появившиеся в ФРГ, не были вызваны сменой режима и не были призваны обозначить до этого не существующие денотаты. Обратимся к конкретным примерам употребления уникальных лексем в речах политиков:

а) Э. Хонеккер: «Bei meinem Treffen mit *Genossen* Leonid Breschnew auf der Krim gelangten wir zu der Feststellung, daß diese Lage weiterhin kompliziert und angespannt ist» («Во время моей встречи с *товарищем* Леонидом Брежневым в Крыму мы пришли к выводу, что эта ситуация остается сложной и напряженной»). В данном предложении лексическая единица *Genosse* («товарищ») является очевидным советизмом, пришедшим в речь ГДР вследствие смены политического режима.

б) Г. Коль: «Die Politik der *europäischen Integration* hat mit ihrer Ausstrahlungskraft dazu beigetragen, der Freiheit, den Menschenrechten und der Selbstbestimmung in Mittel-, Ost- und Südosteuropa zum Durchbruch zu verhelfen» («Политика *европейской интеграции* со всей своей силой воздействия способствовала прорыву свободы, прав человека и самоопределения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе»). Использованное в высказывании словосочетание употреблялось только в ФРГ, возможно в силу того, что частично оно представляло собой англицизм.

Приведенные выше примеры указывают на то, что в ГДР появляются лексические единицы, характерные для языка советского человека, переведенные на немецкий язык. Советизмы проникли в общественную жизнь Восточной Германии, а исходя из функций языка, он создавал определенное политическое мышление у населения. Постоянно повторяющиеся слова «Volk» («народ») и «Bruder» («брат») формировали у жителей мышление коллективное, в то время как жители Западной Германии воспитывались индивидуалистами. Слова и выражения из таблиц 1 и 2 относятся только к тем сферам деятельности человека, которые подверглись наибольшему преобразованию при смене режима, в которых до раздела Германии не существовало специального обозначения для того или иного денотата.

Помимо советизмов немецкий язык в ГДР и ФРГ отличался появлением у одинаковых лексических единиц новых доминирующих значений. Примеры найденных нами таких слов мы привели в таблице 3.

В ходе проведенного исследования нам удалось выделить не так много специфических лексических единиц с доминирующим значением, однако это объясняется не только их редкостью, но также и тем, что для оценки лексики, принадлежащей к этому типу, необходим точный контекст или словарь для подтверждения расхождения значений. Приведем несколько примеров.

а) Э. Хонеккер: «Genosse M.S. Gorbatschow, Mitglied des Politbüros und *Sekretär* des ZK» («Товарищ М.С. Горбачев, член Политбюро и *секретарь* ЦК»). В данном случае речь идет именно о руководителе ЦК партии как о главе государства.

б) Г. Коль: «Für uns bleibt es beim *Kurs* der friedlichen Koexistenz, zu dem es keine annehmbare Alternative gibt» («Для нас он остается *курсом* мирного сосуществования, которому нет приемлемой альтернативы»). В приведенном высказывании Э. Хонеккера лексема «курс» употреблена в значении «политической направленности».

Словарь «Язык ГДР» [14] помогает нам определить, что лексические единицы, которые приобрели новое доминирующее значение, существовали не только в политически затронутых сферах человеческой деятельности, но также и в других, а потому являются более

распространенными. Лексические единицы не стали определять разные денотаты, но приобрели дифференцированные сигнификаты. При этом нам гораздо чаще встречались термины с доминирующим значением в речах Э. Хонеккера, в то время как в речах канцлера Западной Германии вместо найденных нами по словарю немецкого языка ГДР [14] терминов употреблялись заменяющие их синонимы.

Таблица 3

Термины с доминирующим значением

Лексические единицы	Значение в ГДР	Значение в ФРГ
Kurs	политический курс	биржевой курс
Bewußtsein	совокупность политических, философских, религиозных, художественных или подобных убеждений человека, которых он сознательно придерживается	сознание
Sekretär(in)	выборный государственный функционер, который обеспечивает надлежащее ведение работы совета и его специализированных органов.	избранный, ведущий, ответственный функционер партии, профсоюза или другой организации
Dokument	членская книжка Партии социалистического единства Германии	официальный документ

Из лексических единиц следующего типа – омонимичных лексем с различным обозначаемым – мы смогли выделить в речах Э. Хонеккера и Г. Коля только одну, которая для наглядности приведена в таблице 4.

Таблица 4

Омонимичные лексемы с различным обозначаемым

Лексические единицы	Значение в ГДР	Значение в ФРГ
АРО	Abteilungsparteiorganisation – ведомственная партийная организация	außerparlamentarische Opposition – внепарламентская оппозиция

Этот тип уникальных лексических единиц представляет собой наибольшую сложность для идентификации носителем немецкого языка. Расходящиеся значения аббревиатуры «АРО» в ГДР и ФРГ нам удалось установить при помощи корпуса немецкого языка DWDS [9], поскольку в контексте ее употребления значение не выводимо: «Des Weiteren fordert die *ARO* eine Demokratisierung der Universitätspolitik» («Кроме того, *внепарламентская оппозиция* требует демократизации университетской политики», – Г. Коль).

Среди записей политических речей, выбранных нами для исследования уникальных лексических единиц немецкого языка ГДР и ФРГ, мы не обнаружили примеры употребления омонимичных лексем с различным обозначаемым в контексте Восточной Германии, однако с помощью словаря немецкого языка ГДР [14] мы смогли определить разницу и отобразить ее в таблице. Работа со словарем также дала нам возможность указать, что лексические единицы этого типа – редкость и, как и в нашем случае, почти всегда являлись аббревиатурами.

Универбы, имеющие при одном и том же денотате разные обозначения, в контексте выбранных нами политических речей обнаружены не были.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что самыми простыми для распознавания оказались лексические единицы, характерные только для ГДР или только для ФРГ, что объясняется тем, что они привлекают внимание своей нетипичностью для немецкого языка, их легко проверить по словарю языка ГДР [14] и по историческим данным, представленным в корпусе немецкого языка DWDS [9].

Омонимичные лексемы с различным обозначаемым оказались самыми сложными для идентификации, поскольку немецкий язык хоть и разделился на восточный и западный, но всё же оставался одним языком, и чаще всего лексические единицы не расходились полностью в значении, если обе такие единицы существовали в обеих частях Германии.

Таким образом, мы делаем вывод, что политический немецкий язык в эпоху ГДР и ФРГ имел ряд своих особенностей и функций. После раздела Германии в немецком языке на Востоке и Западе появились неологизмы. Однако на сегодняшний день сохранились только те, которые появились в ФРГ, в то время как уникальные лексические единицы ГДР полностью вышли из употребления. Индивидуализм, сформировавшийся задолго до разделения, вытеснил не прижившийся коллективизм. Количество лексических единиц, относящихся только к Восточной Германии или только к Западной Германии, согласно проведенному анализу, значительно выше, чем лексем других типов. Они являлись неологизмами, обозначающими термины социалистического строя, который повлиял на жизнь всего общества, соответственно, и термины проникли во многие сферы человеческой деятельности. Этим объясняется наибольшая распространенность лексических единиц этого типа. К тому же они прекратили свое существование в современном немецком языке, потеряли актуальность и стали устаревшими, поэтому их проще выделить в текстах и отследить временной промежуток их использования.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. Москва. 1991. 63 с.
2. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. М.: Диалог-МГУ. 1998. С. 20–23.
3. Глушков Д.А. История решения германского вопроса // Science Time. 2016. №. 7 (31). С. 50–56.
4. Искандарова Г.Р. О предмете исследования немецкой политической лингвистики: историко-лингвистический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92). С. 160–165.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт. 2004. 1534 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 2000. С. 328–365.

7. Bau und Fall der Berliner Mauer [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chronik-der-mauer.de/> (дата обращения: 06.07.2022).
8. *Dieckmann W.* Kritische Bemerkungen zum sprachlichen Ost-West-Problem // Zeitschrift für deutsche Sprache. № 23. 1967. S. 136–165.
9. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 08.10.2022).
10. *Duden.* Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag. 2001. 960 S.
11. *Klein J.* Politische Kommunikation als Sprachstrategie // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Verlag für Sozialwissenschaften. 1998. S. 376–395.
12. *Manfred W. Hellmann* Sprache zwischen Ost und West - Überlegungen zur Wortschatz-differenzierung zwischen BRD und DDR und ihren Folgen. Olms. 2008. S. 235–265.
13. *Hellmann, M. W.* (Hrsg.). Zum öffentlichen Sprachgebrauch in der Bundesrepublik Deutschland und in der DDR. Methoden und Probleme seiner Erforschung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. 352 S.
14. *Wolf B.* Sprache in der DDR. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 286 S.
15. *Pelster T.* Die politische Rede im Westen und Osten Deutschlands: Vergleichende Stiluntersuchungen mit beigelegten Texten. Düsseldorf. 1966. 160 S.
16. *Reich H.H.* Sprache und Politik: Untersuchungen zu Wortschatz und Wortwahl des offiziellen Sprachgebrauchs in der DDR. München: Hueber. 1968. 368 S.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 05.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 811.581'27

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР

Анна Владимировна Бояркина

кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, aboyarkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9819-8171>

Аннотация. Статья посвящена анализу современного внешнеполитического дискурса Китайской Народной Республики. Использован относительно новый метод лингвистических исследований – дискурсивный анализ. Цель исследования – раскрыть принципы дипломатического и стратегического развития в тексте современного внешнеполитического дискурса КНР в период правления китайского лидера четвертого поколения Ху Цзиньтао (2003–2012 гг.) и пятого поколения – Си Цзиньпина (2013 г. по настоящее время). Показано, что лингвистический аспект является неотъемлемым инструментом внешней политики Китая в настоящее время. Трансформация «языка дипломатии» приводит к переосмыслению прежних и появлению новых концепций и терминов, которыми описываются реалии современного мира и действия Китая на международной арене.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, дискурсивный анализ, политический дискурс, внешнеполитические концепции КНР.

Для цитирования: Бояркина А.В. Современный лингвополитический дискурс КНР // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 58–64.

Original Article

CONTEMPORARY LINGUO-POLITICAL DISCOURSE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Anna V. Boyarkina

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, aboyarkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9819-8171>

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern foreign policy discourse of China. A relatively new method of linguistic research has been used – discursive analysis. The purpose of the study is to reveal the principles of diplomatic and strategic development in the text corpus of modern foreign policy discourse of the PRC during the reign of the fourth-generation Chinese leader Hu Jintao (2003–2012) and the fifth-generation leader Xi Jinping (2013 to the present).

The paper describes linguistic aspect as an integral factor in the foreign policy of the People's Republic of China at present time. The author describes a change in the 'language of diplomacy',

which is marked by the emergence of new concepts and terms that describe the realities of modern world and China's actions in the international arena.

Key words: PRC, foreign policy, discursive analysis, political discourse, Chinese foreign policy concepts.

For citation: Boyarkina A.V. Contemporary Linguo-Political Discourse of the People's Republic of China // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 58–64. (In Russ.)

Изучение внешнеполитического дискурса сегодня становится важным инструментом прикладного лингвистического и в том числе политического анализа. Понятие «дискурс» является многозначным и определяет коммуникацию институционализированных субъектов в профессиональной и публичной областях для достижения целей государства во внешней политике [8, с. 110]. Под термином «дискурс» понимают целенаправленное действие, которое зависит от экстралингвистических факторов; действие, представленное в лингвистическом плане и способное оказать влияние на сознание участников коммуникации. «Политический дискурс – это актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и, шире, в публичной сфере общения» [4, с. 91]. Исследованием политического дискурса занимается политическая лингвистика, или лингвополитология. Эта наука возникает как комбинация лингвистики и политологии.

Цель статьи – раскрыть принципы дипломатического и стратегического развития в тексте современного внешнеполитического дискурса КНР в период правления китайского лидера четвертого поколения Ху Цзиньтао (2003–2012 гг.) и пятого поколения – Си Цзиньпина (2013 г. по настоящее время).

Объектом исследования являются смысловые связи между отдельными концептами политики, различными концептуальными документами, такими как концепции, стратегии и т.д., а также речи и заявления официальных лиц, что позволяет прогнозировать развитие основных направлений внешней политики КНР, «выявить как устойчивые структуры национального внешнеполитического дискурса по вопросам формирования международного порядка, так и динамику эволюции их восприятия» [1, с. 76–77]. Многие китайские исследователи еще не осознают специфику политической лингвистики как особой дисциплины. Китайские специалисты, выбравшие политический дискурс как объект исследования, анализируют язык и политику в рамках лингвистики, используя американские и европейские лингвистические методы [5, с. 51].

Интерес китайских ученых к исследованию языка и внешней политики неуклонно растёт. Исследование политического дискурса в Китае начинается в 1990-х гг. Он находится в фокусе мультидисциплинарного изучения с привлечением методов политической науки и лингвистики [5, с. 51]. Любопытное исследование предлагают китайские лингвисты в области политологии. Они приходят к выводу, что в последние годы происходит трансформация китайского политического языка на основе количественного закона Менцера-Альтмана, согласно которому длина общей конструкции обратно пропорциональна длине его составляющих [13, р. 244–250].

Впервые политическую лингвистику представляет Дж. Оруэлл в своей статье «Politics and the English Language» 1946 г. [9, с. 14]. В российской науке активно разрабатываемая в современных политических, лингвистических и культурологических исследованиях проблема внешнеполитического дискурса представляет интерес для политической лингвистики [3, с. 31; 10]. На ее формирование влияют радикальные изменения в политическом языке, отражающие

коренные социальные преобразования в постсоветской России, открытое и свободное выражение свои взглядов и опыт западной политической науки [10, с. 20]. Так в статье информационного агентства Reuters, посвящённой политическому языку Китая в 2007 г., говорится о том, что лингвистическая терминология и наполненные идеологией лозунги КПК занимают центральное место в политическом управлении КНР. Согласно статье, они на самом деле управляют нацией [11, р. 148].

В последние годы современными лингвистами и политологами активно обсуждаются теоретические основы политической лингвистики (Э.В. Будаев, С.В. Иванова, Е.А. Карпухина, А.П. Чудинов, и др.). Лингвистические новации, внешнюю политику Китая, его политический дискурс при председателе Си Цзиньпине, языковой фактор как наиболее «сильный» внешнеполитический механизм «мягкой силы» китайского правительства исследуют Т.Л. Андреева, О.И. Завьялова, Левченко, И.Е. Денисов, А.В. Семенов, А.В. Цвык и др. В то же время в научной и экспертной среде идет поиск оптимального метода исследования феномена китайского дипломатического дискурса [1; 7; 8].

Проблема политического языка Китая, по мнению известных китайских учёных, демонстрирует актуальность как для высших эшелонов власти, так и для экспертов научных учреждений. Руководство Китая дает необходимый импульс к изучению темы, а ученые предлагают соответствующие модели и решения [7, с. 122]. Метод дискурсивного анализа не является единственным при изучении современной внешней политики Китая. В условиях ее трансформации разумное применение дискурсивного анализа в состоянии дать много полезной информации к размышлению как теоретику, так и практику [1, с. 77].

Традиционно в китайском правительстве отсутствует практика публикации внешнеполитических документов доктринального характера, отмечают российские исследователи. С точки зрения прогностического анализа постоянный мониторинг употребления тех или иных терминов или оценочных выражений в заявлениях официальных лиц, документах органов власти и экспертных публикациях имеет важное значение [1, с. 77].

Китай во многом именно через язык формирует представление мира о себе и своей роли в международных делах, а также свое представление о мире. Не случайно в КНР сегодня, наряду с поиском новых драйверов экономического развития и наращиванием усилий по модернизации армии, так много внимания уделяется развитию «международной дискурсивной силы» (国际话语权) [1, с. 77].

«Построение гармоничного социалистического общества» стало ключевым термином, закрепленным официально в «Постановлении об укреплении власти Коммунистической партии Китая» в 2004 г. По мнению профессора Дж. Делури из Университета Брауна, восприятие и понимание Коммунистической партией Китая идеи «гармонии» неверно истолковано, поскольку она объединяет «традиционную китайскую культуру, европейский социализм, марксизм-ленинизм и китайский коммунизм» [12]. Председатель четвертого поколения руководителей КНР Ху Цзиньтао во время своего пребывания у власти с 2003 г. по 2012 г. рассматривает «гармонию» (和) как «картину древних и современных мыслителей, восточных и западных, согласных в том, что все должны ладить друг с другом». Очевидно, он упускает из виду некоторые тонкости и противоречия, присущие классическому значению этого термина, делает его использование КПК «поверхностным и избирательным» [12].

Приход к власти Си Цзиньпина в 2013 г. знаменуется активным выдвижением различных концепций и внешнеполитических инициатив. С момента проведения XVIII съезда КПК

в 2012 г. язык китайской дипломатии претерпел существенные изменения. После прихода к власти председатель Си Цзиньпин провозглашается девиз «новая эпоха» (新时代). Китайский лидер начинает формировать собственную дипломатию, ознаменовавшую изменения во внутренней и внешней политике государства, что влечет за собой и трансформацию, с другой стороны, усиление китайского «голоса» в международной среде.

Китайский лидер пятого поколения руководителей постепенно отказывается от внешнеполитического дискурса Дэн Сяопина «韬光养晦» («скрывать свои возможности и держаться в тени») и выдвигает многоаспектные глобальные стратегии и инициативы, такие как: «Один пояс, один путь» (一带一路), ключевую внешнеполитическую теорию «сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [1, с. 77]. При этом следует отметить, что в китайской интерпретации получить право говорить – право на дискурс «话语权» (huaayuquan) – в международном языковом пространстве равнозначно тому, чтобы добиваться власти своего дискурса (话语权) (huaayuquan). В китайском языке такие понятия, как «права» «权利» (quanli) и «власть» «权力» (quanli) одинаково звучат и почти одинаково пишутся – отличаются только вторые иероглифы в бинамах. Таким образом, переход от права к власти может являться не процессом, а субъективным решением руководителя в зависимости от конкретной обстановки [7, с. 110].

Все чаще звучит в китайских средствах массовой информации инновационное выражение «активно бороться за право говорить на международном уровне». Это показывает, насколько важно для государства вводить в политический дискурс инновационные выражения с целью распространения «китайского голоса» и популяризации внешнеполитических идей, теорий и т.д. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивает, что «информационная и общественно-политическая работа Коммунистической партии Китая должна обновлять свои идеи, жанры, формы, методы, механизмы, повышать свою актуальность и эффективность». С целью реализации этих требований в первую очередь Китаю необходимо прилагать серьезные усилия по развитию и внедрению в дискурс инновационных выражений [16].

Привлекательный имидж Китая на глобальной арене зависит и от экономического успеха страны в последние годы (несмотря на объявленные торгово-экономические санкции со стороны США и распространение коронавирусной инфекции COVID-19) и, что важно, от возможности сообщить мировому сообществу о своих достижениях, интерпретируя их в китайском стиле. Как следствие, это приводит к возникновению «лингвистического поворота» во внешней политике КНР.

Рассуждая о роли языка во внешнеполитическом дискурсе КНР, отметим серьезное и жизненно важное влияние китайской политической культуры, которая выявляет фразы и выражения, связанные с исторической памятью Древнего Китая. Традиционные фразы и словосочетания специально вводятся в современный политический дискурс КНР. Именно они способствуют уменьшению давления западного дискурса демократии и пониманию политических процессов в рамках собственно китайской политической культуры [6, с. 73].

Китай объявляет новые дипломатические инициативы, организует форумы, учреждает организации сотрудничества и продолжает расширять свое географическое присутствие за пределами Азии. Это означает в том числе и активное продвижение трёх основных дипломатических теорий: концепции «сообщества единой судьбы человечества» как наиболее всеобъемлющей идеи-символа; «нового типа международных отношений»; инициативы «Один пояс, один путь».

Начиная с 2013 г., Си Цзиньпин формирует «азиатское сообщество судьбы», которое нацелено на развитие стран Азиатского региона. Однако с начала 2017 г. этот девиз переформулирован в «сообщество единой судьбы человечества». Идея, прежде ориентированная на страны азиатского региона, расширена до глобальной. Сейчас эта концепция является одной из самых важных в дипломатическом дискурсе Китая. Она основана на усилении глобализации и взаимозависимости всех стран и народов. Это китайское видение мира и счастья для всех людей планеты.

Эта теория представляет собой сложный, многослойный и многосоставной конструкт, состоящий из традиционных и современных идей, концептов и понятий, которые во всей своей совокупности образуют многомерное и структурированное лингвистическое, в том числе пространственно-временное поле [7, с. 122–123].

В целом эта концепция основана на урегулировании конфликтов, взаимном уважении, взаимовыгодном сотрудничестве, честности и справедливости. В концепции акцент поставлен на китайском видении международных отношений, характеризующемся защитой коренных интересов, и достижении цели обрести статус великой державой [14, р. 5].

Наиболее детальное лингвополитическое изыскание внешней политики КНР на примере теории «общего будущего человечества» проводят российские ученые. Они прогнозируют содержание заявлений и выступлений лидеров Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина с позиции развития Китая и мира в целом. Выбранные ими традиционные метафоры отражают региональную, затем глобальную концепции формирования нового миропорядка в Азии [17; 8, с. 74].

В период руководства КНР Ху Цзиньтао наиболее часто встречаемая в политическом дискурсе метафора посвящена формированию «гармоничного мира». В Белой книге Китая 2005 г. «Путь мирного развития Китая» заявлено, что «у человечества только одна Земля, домашний очаг. Построение гармоничного и прочного мира и всеобщего процветания являются общим стремлением людей во всем мире» («人类只有地球一个家园。建设一个持久和平、共同繁荣的和谐世界，是世界各国人民的共同心愿，是中国走和平发展道路的崇高目标») [17].

Си Цзиньпин подчеркивает, что в мире судьбы народов тесно связаны и все зависят друг от друга, будто они разделяют общий дом. «同一个蓝天下，同一个家园» («под общим синим небом, в общем доме»).

Метафора «大家庭» – «большая семья» говорит о выходе за пределы западного видения «глобальной деревни» (地球村).

На XX съезде КПК в октябре 2022 г. председатель Си Цзиньпин вновь подтверждает приверженность конфуцианскому постулату «天下之大道» или «Поднебесная принадлежит всем», который закрепляет важнейший смысл древней культуры Китая [15].

Наконец, инициатива «Один пояс, один путь» (一带一路倡议) призвана ослабить экономическое влияние Соединённых Штатов Америки. Повышенное внимание Китая к обеспечению стратегии «Одного пояса, одного пути» иллюстрируется не только объемом привлекаемых финансовых, организационных и пропагандистских ресурсов. Обширное лингвистическое сопровождение этой стратегии говорит о ее долгосрочном характере, явно рассчитанном на многие десятилетия. Исследования и знание «ключевых» языков, в том числе распространенных по обе стороны государственных границ, будет все более востребованным с учетом быстро расширяющихся контактов в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» [2, с. 119].

Лидер КНР Си Цзиньпин также проводит внешнеполитический курс на обеспечение языкового единства Китая, поскольку десятки языков национальных многочисленных меньшинств не соответствуют языку путунхуа (общепринятый, официальный).

Новые концепции всеобъемлющи, многоаспектны и сформулированы таким образом, что некоторым западным странам² трудно противопоставить им свои идеи или предложить иные формы международного сотрудничества. Такие ключевые китайские внешнеполитические стратегии, как инициатива «Один пояс, один путь», концепция «сообщества единой судьбы человечества», концепция «нового типа отношений великих держав» и другие реализуются в рамках нового дипломатического и идеологического подхода превращения Китая из большого государства в сильное. Он применяется как в теоретическом, так и в практическом плане, а дипломатия становится всё более инновационной [14, р. 1–2].

Итак, можно сделать вывод, что лингвистический аспект является неотъемлемым фактором внешней политики Китайской Народной Республики в настоящее время. Произошла смена «языка дипломатии», смысл которой ознаменован появлением новых концепций и терминов, которыми описываются реалии современного мира и действия Китая на международной арене. Как следствие, внешнеполитическая линия китайского правительства обеспечивает проведение языковой политики, ставшей основополагающим элементом политического взаимодействия с другими государствами.

Список литературы

1. Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. история и современность. 2017. Т. 22 (22). С. 76–90.
2. Завьялова О.И. Лингвистические новации и внешняя политика Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 116–119.
3. Иванова С.В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 31–37.
4. Карпухина Е.А. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (11). С. 91–93.
5. Лу Тинтин. Политическая лингвистика в Китае: теория и основные направления // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 46–55.
6. Морозова Н.В. Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории. 2016. № 1 (9). С. 72–85.
7. Семёнов А.В., Цвык А.В. «Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 109–124.
8. Семёнов А.В., Цвык А.В. Концепция “общего будущего человечества” во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 72–81.
9. Современная политическая лингвистика: учебное пособие [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова; отв. ред. А.П. Чудинов; Урал.

² В китайском дискурсе западные страны (西方国家) обычно относятся к Северной Америке и Европе. Латинская Америка, Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная и Южная Азия воспринимаются как развивающиеся страны.

гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 252 с. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/4083/1/uch00057.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

10. Чудинов А.П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 19–31.

11. Alvaro J. Political discourse in China's English language press // World Englishes. June 2013. Vol. 32. No. 2. Pp. 147–168. DOI: 10.1111/weng.12006

12. Delury J. "Harmonious" In China. The ancient sources of modern doctrine [Электронный ресурс] // March 31, 2008. URL: <https://www.hoover.org/research/harmonious-china> (дата обращения: 22.10.2022).

13. Hou Renkui, Huang Churen, Ahrens K. Language change in Chinese political discourse based on the relationship between sentence and clause // In Proceedings of the 35th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, Shanghai, China. Association for Computational Linguistics. 2021. Pp. 244–250.

14. Szczudlik J. Towards a "New Era" in China's Great Power Diplomacy // The Polish Institute of International Affairs (PISM). 2018. 1 (161). Pp. 1–10.

15. 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告（2022年10月16日） // 中国共产党新闻网. 2022年10月26日. Доклад XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» (16 октября 2022 года) [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Новости КПК». 26 октября 2022. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/1026/c64094-32551700.html> (дата обращения: 29.10.2022).

16. 王树成. 争取国际话语权是我们这一代媒体人的使命 (人民要论) [Электронный ресурс] // 闽南网. 2016-12-29 (Ван Шучэн. Бороться за международную дискурсивную силу – миссия профессионалов средств массовой информации нашего поколения) // Информационное агентство «Миньнаньван». 29.12.2016.). URL: <http://www.mnw.cn/news/china/1519232.html> (дата обращения: 23.10.2022).

17. 中国的和平发展道路 中华人民共和国国务院新闻办公室、五建设持久和平与共同繁荣的和谐世界 // 中国政府门户网站. 二〇〇五年十二月, 北京. (Белая книга Китая «Путь мирного развития Китая» [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Китайской Народной Республики. Пекин, 22.12.2005). URL: http://www.gov.cn/xwfb/2005-12/22/content_133974_5.htm (дата обращения: 25.07.2022).

Статья поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 04.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 04.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1:070

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Юлия Анатольевна Павлова

старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
yuliya.pavlova.1970@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению одного из приёмов создания лингвокреативного заголовка – использованию прецедентного текста. Основу механизма лингвокреативности составляет трансформация исходного слова, словосочетания или предложения, что позволяет автору добиться семантической «сжатости», многозначности и в то же время достичь определенного прагматического эффекта. Цель статьи – проанализировать функционирование прецедентных текстов на ранее не описанном материале заголовков газет Приморского края, представить типы прецедентных текстов, описать способы их трансформации и выявить функции этого приема лингвокреативности.

Ключевые слова и фразы: лингвокреативность, прецедентный текст, заголовок, газетная статья.

Для цитирования: Павлова Ю.А. Использование прецедентных текстов как один из приёмов лингвокреативности (на материале заголовков газет Приморского края) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 65–68.

Original article

THE USE OF PRECEDENT TEXTS AS ONE OF THE METHODS OF LINGUO-CREATIVITY (BY THE MATERIAL OF NEWSPAPER HEADLINES OF THE PRIMORSKY KRAI)

Yuliya A. Pavlova

Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yuliya.pavlova.1970@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of one of the methods for creating a linguo-creative title – the use of precedent text. The basis of the mechanism of linguistic creativity is the transformation of the original word, phrase or sentence, which allows the author to achieve semantic "conciseness", polysemy and at the same time achieve a certain pragmatic effect. The purpose of the article is to analyze the functioning of precedent texts on the previously undescribed material of newspaper headlines in Primorsky Krai, to present the types of precedent texts, to describe the ways of their transformation and to identify the functions of this linguistic creativity technique.

Key words: linguistic creativity, precedent text, title, newspaper article.

For citation: Pavlova Y.A. The use of precedent texts as one of the methods of linguo-creativity (by the material of newspaper headlines of the Primorsky krai) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 65–68. (In Russ.)

Активные процессы в современном русском языке отражаются прежде всего в языке СМИ. Эту особенность языка СМИ в свое время отметил В. Г. Костомаров: «Явным отличием газетного языка служит то, что вследствие высокой и интенсивной воспроизводимости отдельных вырабатываемых средств языка он как раз не претендует на их закрепление и, напротив, императивно тяготеет к их непрерывному обновлению» [4, с. 257]. Но, какие бы изменения ни происходили, заголовок был, есть и будет той частью статьи, которая несёт важнейшую коммуникативную нагрузку. Важность необычного, «игрового» заголовка состоит в том, что вероятность его прочтения – более 90%, так как в интернет-изданиях читатели зачастую ориентируются только по названию и не видят полного текста статьи, пока не откроют её. Поэтому заголовок в современных СМИ должен быть не только информационно «ёмким», но и креативным. В условиях «синтаксического минимализма» заголовка именно креативность позволяет реализовать его рекламную функцию и продемонстрировать творческий характер работы над текстом.

Одним из ключевых механизмов, лежащих в основе лингвокреативности, является «модификация исходного слова, словосочетания или фразы для достижения автором определенной прагматической цели» [5, с. 80].

Из электронных версий газет Приморского края («Арсеньевские вести», «Владивосток», «Золотой Рог») в период с декабря 2015 года по ноябрь 2021 года методом сплошной выборки было собрано 836 заголовков, в которых представлены различные приёмы лингвокреативности: **фонетические** (рифмовка, каламбур), **лексические** (расширение сочетаемости слова, дефразеологизация, использование омонимии, антонимии и тропов) и **синтаксические** (инверсия и параллелизм). Заголовки с прецедентными текстами, на которых мы остановимся в данной статье, являются наиболее частотными в нашем материале – составляют 46 % (384 из 836) от общего числа заголовков.

По определению Ю.Н. Караулова, прецедентные тексты – это тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Какой-либо текст становится прецедентным, если он легко узнаётся большинством реципиентов.

Использование автором в своём тексте прецедентной фразы «порождает двуплановость или многоплановость, и, как следствие, способствует поэтизации текста и созданию поэтического намека, подтекста, рождению загадки, созданию иронического, саркастического, гротескного, трагического или иного звучания, способствует иерархизации смысла, – придает бытовой фразе смысл иносказания – политического, поэтического, философского или какого-либо иного, иногда просто рождает непритязательную шутку» [1, с. 563].

Особую роль играет прецедентный текст в газетном заголовке. По мнению Е.А. Земской, заголовки с прецедентными текстами «привлекают внимание читателя, ставят перед ним ряд вопросов: кто автор, как цитата связана с содержанием статьи и т.п.» [1, с. 563]. Важность описания прецедентных текстов в газетных заголовках связана с тем, что «они характеризуют

и менталитет автора-журналиста, и его уровень, а также психологию и коммуникативную компетенцию читателя-адресата» [1, с. 554].

Лингвисты, изучавшие использование прецедентных текстов в заголовках центральных российских газет в начале 2000-х годов (Земская Е.А., Ковшова Л.М.), отмечали, что ядром прецедентных текстов, используемых в публицистике, являются художественные тексты [3, с. 422]. Анализ же заголовков в газетах Приморского края середины 2010-х – начала 2020-х годов показал, что большую часть прецедентных текстов в них составляют тексты песен:

«Не нужен нам берег турецкий...» (Арсеньевские вести, 16.12.2015)

«Оранжевые птички оранжево поют» (Арсеньевские вести, 6.10.2017)

«В краю магнолий плещет море» (Владивосток, 5.05. 2017)

«Лето – это маленькая жизнь!» (Арсеньевские вести, 16.12.2015)

«Если завтра в поход» (Владивосток, 24.11.2021)

Значительно реже авторы используют в качестве заголовков названия кинофильмов и художественных произведений и цитаты из них:

«В бой идут одни «старики» (Владивосток, 22.08.2021)

«Горяченькая пошла...» (Владивосток, 20.08.2021)

«Паровозик из Ромашково доехал до Владивостока» (Владивосток, 11.08.2021).

Вышеприведённые примеры заголовков представляют собой нетрансформированные прецедентные тексты, то есть модификация исходной фразы, лежащая в основе лингвокреативности, в них отсутствует. Но двуплановость, многозначность заголовка автор создаёт в результате ассоциативной связи ситуации, представленной в статье, и ситуации из цитируемого текста. Творческое, поэтическое отношение к языковому оформлению заголовка позволяет, на наш взгляд, считать подобные примеры проявлением лингвокреативности.

Исследователи газетных заголовков в начале 2000-х годов отмечали преобладание трансформированных заголовков над нетрансформированными. [3, с. 422]. Среди заголовков газет Приморского края середины 2010-х – начала 2020-х годов также преобладают заголовки с трансформированными прецедентными текстами. Рассмотрим основные способы трансформации:

1. Замена одного слова в прецедентном тексте делает его легко узнаваемым:

«Людей по осени считают» (Владивосток, 20.08.2021).

В качестве заголовка статьи о переписи населения использована русская пословица «Цыплят по осени считают». Приведём ещё ряд примеров, где замена одного слово в прецедентном тексте связана с темой публикации.

«ОДН на всех, мы за ценой не постоим» (Золотой Рог, 10.05.2020) – статья о плате за общедомовые нужды (ОДН), отсылка к песне «Нам нужна одна Победа».

«Пожилым предоставляется общежитие» (Владивосток, 8.10.2021) –

статья о решении жилищной проблемы, в заголовке – трансформированное название кинофильма «Одиноким предоставляется общежитие».

2. Замена двух и более слов в прецедентном тексте.

«Этот праздник с дождиками на зонтах» (Арсеньевские вести, 11.05.2016) – О праздновании Дня победы, отсылка к строчке из песни «День Победы».

«Любишь владеть – люби и налог платить» (Владивосток, 26.11.2021) – статья о сроках уплаты налога на имущество, в заголовке использована русская пословица «Любишь кататься – люби и саночки возить».

«Миллион, миллион, миллион нужных доз ...» (Владивосток, 26.11.2021) – статья о поставке в Приморский край необходимого количества доз вакцин, отсылка к песне «Миллион алых роз».

«Суета на «Хуторе» близ Заповедного: странное уголовное дело из глубинки» (Владивосток, 20.08. 2021). В заголовке использовано название произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Узнаваемость прецедентных текстов в тех случаях, когда от исходного текста остается неизменёнными одно-два слова, достигается, на наш взгляд, сохранением синтаксической структуры прецедентного феномена. Так, в заголовке «Минздрав уполномочен разъяснить» (Золотой Рог, 23.10.2020 – статья о рекомендациях Минздрава) автор использовал название кинофильма «ТАСС уполномочен заявить» и заменил два слова из трёх, но сохранил синтаксическую структуру исходного текста.

3. Более сложными для распознавания читателем являются такие заголовки, в которых креативное обыгрывание прецедентного текста строится на **замене одного из слов исходного текста однокоренным**. Так, в заголовке «Очевидцы рядом с невероятным» (Арсеньевские вести, 26.05.2016) в качестве исходного прецедентного текста взято название телепередачи «Очевидное – невероятное».

Итак, анализ заголовков газет Приморского края середины 2010-х – начала 2020-х годов показал, что использование трансформированных прецедентных текстов – самый частотный приём создания лингвокреативного названия. В качестве исходных авторы используют тексты песен, а также названия кинофильмов, художественных произведений и цитаты из них. Заголовки с трансформированными прецедентными текстами строятся на замене одного или нескольких слов при сохранении синтаксической структуры, что позволяет читателю «расшифровать» подтекст и многозначность названия. Двуплановость заголовка с нетрансформированным прецедентным текстом создаётся в результате ассоциативной связи темы статьи и темы прецедентного текста, что, на наш взгляд, позволяет считать такие факты проявлением креативности в языке.

Список литературы

1. Земская Е.А. Язык как деятельность: морфема, слово, речь. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 681 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: УРСС, 2004. 261 с.
3. Ковшиова М.Л. Прецедентный текст в современном газетном заголовке как интеллектуальное развлечение // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры: сб. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2006. С. 421–428.
4. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Москва: Изд-во МГУ, 1971. 265 с.
5. Шмелева Е.С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 05.11.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 81

АНГЛОСАКСОНСКАЯ КАРТИНА МИРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОТ ГЕРОИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ К ХРИСТИАНСКОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «ЮЛИАНА»)

Юлия Сергеевна Григорьева

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия, grigoreva.yus@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3462-5207>

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ языкового материала древнеанглийской поэмы «Юлиана» Кюневульфа с целью выявить эволюцию содержания фрагмента англосаксонской картины мира, находящего отражение в данной поэме. В тексте присутствуют многочисленные лексические единицы, обозначающие войну, битву, оружие, воинов, упоминаются императивы героической эпохи (кровная месть, сражение ради славы, раздача сокровищ конунгом). Вместе с тем в поэме присутствуют лексические единицы, отражающие христианскую картину мира. Особого внимания заслуживают двусоставные наименования Бога, которые могут содержать как исключительно христианские представления, так и сплав языческих и христианских представлений. В повествовании о христианской святой мученице автор опирается на ценности, характерные для героической картины мира англосаксов древнеанглийского периода, что означает постепенное включение идеалов прежней эпохи в новый христианский контекст.

Ключевые слова: картина мира, древнеанглийская поэзия, христианская картина мира, героическая картина мира.

Для цитирования: Григорьева Ю.С. Англосаксонская картина мира раннего средневековья: от героического мироощущения к христианскому (на материале древнеанглийской поэмы «Юлиана» // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 69–77.

Original article

THE ANGLO-SAXON WORLDVIEW AND CHRISTIANITY IN CYNEWULF'S "JULIANA"

Yulia S. Grigoryeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, grigoreva.yus@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3462-5207>

Abstract. The article presents an analysis of the linguistic material of the Old English poem "Juliana" by Cynewulf. It aims at identifying the evolution of the Anglo-Saxon worldview fragment which is reflected in the poem. The text contains numerous lexical units denoting war, fight, weapon, warriors,

as well as the values of the heroic worldview (a blood feud, fighting for glory, distribution of treasure and gold by the king). At the same time the poem contains lexical units reflecting the Christian worldview. Particularly noteworthy are the compound names of God which can denote not only Christian ideas, but represent a fusion of both Anglo-Saxon heroic and Christian ideas. Narrating the story about the Christian saint the author relies on the values typical for the Anglo-Saxon heroic worldview which means that the ideals and values of the previous era were gradually included in the new Christian context.

Key words: worldview, Anglo-Saxon heroic worldview, Christian worldview, Old English poetry.

For citation: Grigoryeva Yu.S. The Anglo-Saxon worldview and Christianity in Cynewulf's "Juliana" // Far Eastern Philological Journal. 2023. T. 1, № 1. P. 69–77. (In Russ.)

Древнеанглийские поэтические памятники были и остаются предметом внимания многих поколений исследователей. Подход к исследованию языка как феномену культуры позволяет подойти к проблеме реконструкции ментального универсума носителей английского языка эпохи раннего средневековья. Язык является средством, при помощи которого осуществляется концептуализация окружающей действительности, в свою очередь, в языке находят отражение знания человека о мире. Принято считать, что в основе каждого языка лежит картина мира: человек видит мир через призму своей культуры, в частности языка [4, с. 11; 6, с. 16], а окружающая действительность запечатлена в языках по-разному, поскольку язык отображает исторический опыт каждого народа по освоению окружающего мира [5, с. 31–33].

Проблема реконструкции архаических картин мира продолжает привлекать внимание учёных, несмотря на сложности, которыми сопровождаются подобные исследования. Изучить и реконструировать древние картины мира возможно только через языковые данные. По справедливому утверждению А.Я. Гуревича, в текстах запечатлено человеческое сознание, и это первое, с чем встречается исследователь, изучая письменные памятники ушедших эпох [3, с. 8]. Иными словами, языковые данные древних текстов позволяют получить доступ к сознанию людей, живших в эпоху создания этих памятников, и это дает возможность реконструировать картину мира, характерную для исследуемого периода времени.

Настоящая статья посвящена анализу языкового материала древнеанглийской поэмы «Юлиана». Цель исследования заключается в выявлении эволюции содержания фрагмента англосаксонской картины мира, находящего отражение в лексических единицах поэмы. Анализ текста данного письменного памятника позволяет выявить, каким образом новые христианские ценности становились частью духовной жизни англосаксонского общества. Реализации поставленной цели способствует решение следующих задач:

- выявление ценностей, характерных для англосаксонской героической и христианской картин мира;
- отбор лексических единиц, репрезентирующих концепты – структурные элементы указанных картин мира;
- исследование семантики отобранных лексем;
- исследование сочетаемости отобранных лексем.

Для решения поставленных задач используются метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный, этимологический и концептуальный анализ. Метод анализа словарных дефиниций необходим для установления значения слова и используется на первом этапе

исследования. Контекстуальный анализ предполагает внимание к исследованию лексико-синтаксической сочетаемости слова, синонимам и антонимам и позволяет уточнить значение исследуемых лексических единиц. Помимо лексико-синтаксической сочетаемости принимается во внимание контекст отдельного эпизода, контекст на уровне всего произведения и экстралингвистический историко-культурный контекст, привлечение которого необходимо, чтобы свести к минимуму ошибки в толковании. С этой же целью в работе используется этимологический анализ, который позволяет более подробно значения исследуемых слов. За основу концептуального анализа принимается методика буквального прочтения именной и глагольной сочетаемости лексем, которые вербализуют структурные элементы исследуемой концептуальной картины мира – концепты [15, с. 295].

Одним из характерных свойств картины мира является её динамичность. Картина мира подвержена изменениям и может меняться у человека в течение всей его жизни [8, с. 58], а поскольку человеческое общество также постоянно меняется и развивается, то и люди воспринимают и осознают окружающую действительность в разные эпохи по-разному.

Так, например, восприятие мира древним человеком значительно отличалось от современного восприятия окружающей действительности, поскольку на древнюю картину мира, помимо личного восприятия, оказывали влияние такие аспекты, как космический, географический и религиозно-мифологический. Необходимо знать и принимать во внимание способы мировосприятия, императивы, ценности и идеалы эпохи, к которой относится исследуемый текст, иначе его содержание невозможно понять и правильно интерпретировать.

Из сказанного следует, что для современного человека исследование картин мира ушедших эпох представляет достаточно сложную задачу в силу различий в восприятии мира. Кроме того, особая сложность в исследовании древних текстов заключается в том, что значения слов древнего языка могут значительно расходиться со значениями соответствующих слов современного языка, и расхождений может быть тем больше, чем такое несовпадение труднее заметить [10, с. 8]. В семантике древнего слова находят отражение отголоски более древнего мифологического сознания [1, с. 70], категории языческой ментальности, нравы, обычаи, верования и способы мышления первобытных людей. Совершенно справедливым представляется утверждение Н.В. Феоктистовой и А. А. Лемберской: в слове отражается «мир понятий, идей, ценностей, характерный для носителей языка определенной эпохи» [13, с. 78]. Слово, таким образом, служит не просто названием предмета или явления, это воплощение целого мира.

Мифологическое мышление, в рамках которого формировалась древняя картина мира, и следы которого обнаруживаются в семантике не только слов древних, но и современных языков, обладает рядом специфических свойств. Для такого мышления свойственно отождествление части и целого, субъекта и объекта [7, с. 20], отождествление не только однородных, но часто и противоположных явлений, отождествление вещи и ее свойства, вещи и процесса [6, с. 17], симбиоз прошедшего с настоящим [6, с. 18], условность или отсутствие причинно-следственной связи [14, с. 24]. Необычным для современного человека является и отождествление слова и предмета, называемого данным словом [6, с. 18–19; 11, с. 6]. Важным свойством мифологического мышления является анимизм – отождествление живого и неживого, свидетельствующее о том, что мифологическое сознание не выделяло человека из окружающей и природной среды [6, с. 15]. Картина мира древнего человека строилась на совершенно иных основаниях, нежели картина мира современного человека. То, что современное сознание считает фантастичностью, было реальностью для субъекта, обладающего мифологическим

сознанием, а синкретичность мифа представляется сегодня расплывчатостью и непоследовательностью [12, с. 17]. При этом не стоит считать, что мифологическое мышление является достоянием исключительно прошлого, элементы такого типа мышления сохраняются у человека и в настоящее время.

Исследователю древнеанглийских памятников необходимо учитывать перечисленные выше особенности мифологического мышления, поскольку древнеанглийские тексты, написанные в эпоху раннего средневековья, не могут не отражать специфики сознания, свойственного архаичному человеку. В силу того, что обращение к интуиции носителей древнего языка невозможно, представляется особенно важным учитывать историко-культурный контекст эпохи.

Древнеанглийские поэтические памятники известны по рукописям, которые датируются концом X века и представлены в четырех рукописных кодексах: Эксетерская книга, Верчельская книга, кодекс Юниуса и кодекс «Беовульфа» [9, 171]. К сожалению, лишь некоторые из них возможно датировать, поскольку они связаны с определенными авторами, например, «Гимн Кэдмона» (около 680 г.) или «Предсмертная песнь Беды» (735 г.). Датированы также памятники героического эпоса «Битва при Брунанбурге» (937 г.) и «Битва при Мэлдоне» (991 г.), так как они посвящены конкретным историческим событиям [9, с. 178]. Таким образом, можно сказать, что дошедшие до нас древнеанглийские поэтические памятники были созданы или получили письменную фиксацию в период с конца VII в. до конца X в. При этом значительная часть древнеанглийской поэзии посвящена событиям глубокого прошлого, будь то героическое прошлое или прошлое христианской истории.

В жанровом отношении древнеанглийские поэтические памятники традиционно принято разделять на героические и христианские. Древнеанглийская героическая поэзия восходит к традициям древнегерманского эпоса и содержит темы и мотивы, характерные для германских племен, и отражает англосаксонскую героическую картину мира, где воплощаются представления о мире, ценности и верования древних германцев [16, с. 89–90]. Движущей силой англосаксонской героической картины мира является воинственность, цель воина – стяжать богатство и славу.

Благодаря распространению христианства в Британии на смену героической картине мира пришла христианская. Изменения культурно-исторических условий неизменно приводят к изменениям в духовной культуре общества, когда прежние ценности и идеалы исчезают, на смену им постепенно приходят новые, соответствующие эпохе. Так и языческие героические представления уступили место новым императивам, сформировавшимся под влиянием христианских ценностей. То, что считалось важным в героическую эпоху, в рамках христианской картины мира постепенно утрачивает смысл. В центре христианской картины мира находится Бог, а не воинственность и война. Бесстрашие и мужество воинов-варваров трансформируется в бесстрашие и стойкость приверженцев Христа.

В древнеанглийской поэме «Юлиана» повествуется о святой мученице Юлиане (в православной традиции Иулиании) Никомидийской. Это один из немногих памятников древнеанглийского периода, чей автор известен: подпись «Кюневульф» выполнена руническим алфавитом и вплетена в последние строки поэмы. Кроме того, подпись Кюневульфа обнаруживается также в поэмах «Елена», «Христос» и «Судьбы апостолов». О жизни Кюневульфа почти ничего не известно, предположительно он жил в IX веке и был монахом. Несмотря на то, что «Юлиана» является повествованием о христианской мученице, в поэме переплетаются элементы как героической, так и христианской картин мира.

В центре англосаксонских эпических повествований находятся многочисленные сражения и битвы. Об интересе к теме войны свидетельствует многочисленная лексика, обозначающая непосредственно войну или что-либо, связанное с войной. Так, например, насчитывается 38 лексических единиц, обозначающих войну или битву, 74 лексемы для обозначения воина, 20 лексем для обозначения конунга, 30 лексем, обозначающих разные виды оружия и доспехов [2, с. 49–117]. Таким образом, тот факт, что военные столкновения являются основным мотивом, присущим героической поэзии, подтверждается данными языка.

В «Юлиане» возникает конфликт между героиней и ее женихом Элевсием, которого всячески поддерживает отец девушки. Отказывая жениху и отказываясь от веры в языческих богов, Юлиана наносит ему оскорбление, которое он не может оставить неотмщенным. При этом показательно, что Элевсий называет этот конфликт словом *битва*, *схватка*: *Læt þa sace restan / lað leodgewin* // оставим эту *битву*, / враждебную *схватку* [16, 200–201]². Еще более показательно, что Элевсий предупреждает, что если Юлиана не откажется от своих убеждений, он будет вынужден отомстить ей за тяжкий грех перед богами, за тяжкую вину, за оскорбление: *ic nyde sceal niþa gebæded / on þære grimmetan goldsculd wrecan* // я должен буду, *враждой* вынужденный, за жесточайшую вину перед богами отомстить [16, 203–294]. Неслучайно в данном эпизоде употреблена лексема *niþ* *кровная вражда, жестокость, война*, которая связана с родовой мстью. В «Беовульфе» слово *niþ* употребляется в качестве семантического повтора к лексеме *fugene* *грех, преступление*, кроме того, используется в контекстах, где описывается родовая распря, и используется для описания враждебных действий, порождающих распрю [2, с. 65]. Законы германского общества требовали обязательной мести за убийство члена рода или иные враждебные действия, что влекло за собой ответную мсть, и таким образом, две враждующие семьи оказывались втянутыми в длительный конфликт, из которого затруднительно было выйти.

Элевсий приказывает заточить девушку в темницу, таким образом, он приводит в исполнение свою угрозу и мстит ей. По героическим канонам, кто-то из рода Юлианы должен отомстить за неё Элевсию, но отец девушки целиком на стороне её жениха. В заточении Юлиане неожиданно является бес, приняв обличие ангела. Тем не менее, святая распознает в нём беса, она сражается с ним и выходит победительницей. Ей удастся схватить врага и заставить его поведать о том, как он творит злодеяния. Бес рассказывает, как ему удалось отправить на смерть Иисуса Христа, как он убедил отсечь голову Иоанну Предтече, как по его наущению были казнены апостолы Петр и Павел. Рассказал бес и о том, как ему удастся улавливать души людей и заставлять их совершать преступления и грехи. Бес явился для того, чтобы убедить святую деву отречься от Христа и согласиться на условия жениха. Юлиане же удаётся изобличить беса с помощью Божьей, таким образом, средневековый слушатель мог сделать вывод о том, что конфликт между Юлианой и Элевсием и законы родовой мести распространяются не на их кровных родственников, как это было бы в героическую эпоху, а на тех, кто родственен им по духу. Юлиана относится к семье тех, кто верует в Бога, а Элевсий находится на противоположной стороне, которую возглавляет Сатана, и распря эта завязывается между этими двумя сторонами. Таким образом, речь здесь уже идет не о частном конфликте между героиней поэмы и ее женихом, речь идет о вражде между человечеством и Сатаной, а с ней связан мотив кровной мести, что также описывается термином *niþ* *кровная вражда, распря*.

² Здесь и далее приводится дословный перевод, выполненный автором статьи.

Анализ показывает, что несмотря на христианский сюжет поэмы, ее текст изобилует лексемами, характерными для героической картины мира: наименования битвы (*þræse*, *gewynn*, *saca*), оружия (*gar* *копье*, *bord* *щит*, *scyld* *щит*, *sweord* *меч*), воинов (*þegnas*, *hæleð*, *beorn*, *wer*, *æþeling*, *hildeþremman*, *hererinc*, *sempa*, *eorl*, *guma*), дружины (*folc*, *duguð*, *weorud*), конунга (*cyning*, *dryhten*, *þeoden*). Более того, в тексте поэмы нередки упоминания героических ценностей: сражение ради славы (*lof* *слава*), раздача конунгом сокровищ на пиру (*gold* *золото*, *goldspedig* *гума богатый золотом воин*, *hordgestreon* *богатство, сокровища*).

В основе поэмы лежит противостояние между Иисусом Христом и Сатаной. Христос стоит во главе своего войска, которое автор называет *gescorenan Cristes þegnas* *избранные воины (слуги) Христа*, *metodes sempa* *воины Создателя*, Сатана же возглавляет армию бесов. Очевидно, что христианство воспринимается англосаксами через призму привычной героической парадигмы, подтверждением чему служит также и тот факт, что для обозначения Бога выбираются лексемы, которые прежде употреблялись в значении *конунг*: *cyning*, *dryhten*, *þeoden*. Помимо простых лексем существует множество сложных лексем-обозначений христианского Бога, в которых отражены представления о Нём. Можно заметить, что часть подобных наименований воплощают те представления, которые характерны для героической картины мира: *wuldres þrym* *Доблесть славы*, *beorna hleo* *Покровитель воинов*, *cyninga wuldor* *Слава конунгов*, *wuldorcyning* *Конунг славы*, *ealra cyninga cyning* *всех конунгов Конунг*, *sigora frean* *Владыка победы*, *þrymmes ealdor* *Владыка славы*, *dryhtna dryhtne* *конунгов Конунг*.

Значительная часть двусоставных наименований Бога содержит христианские представления: *gæsta scyppend* *Творец душ*, *meotud moncynnes* *Создатель человечества*, *rodera waldend* *Владыка небес*, *heofonrices god* *Бог Царства небесного*, *nergend fira* *Спаситель людей*, *fæder engla* *Отец ангелов*, *haligra hyht* *Радость святых*, *heofonengla god* *Бог ангелов небесных*, *frofre gæst* *Дух утешения*, *dæda demend* *Судия поступков*, *se deora sunu* *дорогой Сын*, *seo þrynis* *эта Троица*, *heahmægen* *высшая Сила*, *weoruda god* *Бог людей*, *wisdomes gæst* *Дух мудрости*, *ece ælmihtig* *Вечный Всемогущий*, *bearn godes* *Сын Божий*, *brego engla* *Господь ангелов*.

Некоторые двусоставные лексемы могут быть рассмотрены и с точки зрения героических, и христианских ценностей: *sigora sellend* *Посылающий победу*, *heofona helm* *Шлем небес*, *meahta waldend* *Владыка силы*, *þrymsittend* *Сидящий во славе*. Хороший конунг был обязан стяжать славу и стремиться к военным победам, таким, видимо, в представлении англосаксов был и Христос.

Заслуживают отдельного внимания такие наименования, как *ece eadgiefe* *вечный Даритель блаженства*, *wigena wun* *Радость воинов*, *æþelinga wun* *Радость воинов*. Подобно конунгу земному, раздающему на пиру сокровища в награду за ратные подвиги, верную службу и преданность, Конунг Небесный дарит вечное блаженство в раю. Примечательно, что святая дева называет беса *wærleas wunne* *лишенный радости*: согласившись служить Сатане, бес не сможет разделить радость с верными воинами Христа, он оказывается отлученным от вечного пира, куда будут допущены лишь те, кто остался верен Христу. Отметим, что в поэме есть и прямое упоминание об обязанности конунга раздавать сокровища, это эпизод, где говорится о гибели Элевсия и его свиты, потерпевших кораблекрушение: *Ne þorftan þa þegnas... / to þam frumgare feohgestealda / witedra wenan, þæt hy in winsele / ofer beorsetle beagas þegon, / æpplede gold // не стоило тем воинам... от того владыки / сокровищ ожидать, подобно тому, как они в винном зале, / на медовой скамье кольца получали, / золота слитки* [4, 683–688]. Более того, их ожидает горестная участь: они попадут в дом тьмы, в пропасть, то есть, во власть Сатаны, которому они служили и при жизни, отвергнув Христа.

Христу противостоит Сатана, в поэме для его обозначения используется лексема *se aglæsa чудовище*, а также множество составных наименований: *wuldres wīþerbreca противник славы*, *hæleþa gewinnan враг воинов*, *wrohtes wyrhtan творец зла*, *fyrnsynna fruman первый в древнем грехе*, *sawla feond враг души*, *wræcca wærleas изгнанник без веры*, *synna fruman первый в грехе*, *þeoden of þystrum владыка тьмы*, *feond moncynnes враг человечества*, *hellwarena cyning царь ада*, *wærloga предатель*, *helle gæst дух ада*, *morþres manfrea владыка смерти*, *sawla gewinna враг души*. И обиталище его названо домом тьмы (*þystran ham*), в отличие от Божьего Царства, наполненного светом.

Таким образом, очевидно, что в поэме присутствует весьма отчётливое противопоставление войска Христа и приспешников Сатаны. Воины Христа – это те, кто исповедует христианскую веру, на стороне Сатаны оказываются язычники. Противостояние двух сторон при этом может принимать характер реального, физического противодействия, когда христиане подвергаются жестоким пыткам и казням. Так, например, святой деве угрожают пытками (*hildewoman ужас войны, угрозы пыток*), а бес рассказывает ей о том, сколько христиан погибло от рук язычников: *hi in winsele / þurh sweordgripe sawle forletan / of flæschoman //* они в хмельном зале через мечевую схватку души выпускали из тел [4, 487–488].

Помимо этого, противоборство двух сторон может проявляться в виде духовной брани: *gif ic... ellenrofne / gemete... metodes cempa... nele feor þonan / bugan from beaduwe, ac he bord ongean / hefeð hygesnottor, haligne scyld/ gæstlic gudreaf //* если я... доблестного / встречаю ... воина Создателя, / который не захочет / уклониться от боя, но снова щит / поднимает, мудрый духом, щит святого, / духом закаленное оружие битвы [4, 382–387]. В приведенном эпизоде речь идет о том, как бес жалуется святой деве, что не может сладить со стойкими и сильными духом и рассказывает, как пытается склонить человека ко греху, внушая греховные помыслы. Постепенно он подменяет мысли человека на греховные, так, что последний начинает склоняться к преступлению и греховным поступкам, которые становятся для него более привлекательными, чем хранить преданность Богу.

В поэме отчетливо прослеживается противопоставление языческого и христианского. Языческие боги противопоставлены Богу христианскому: они названы идолами, поклонение им равно поклонению дьяволу (*deofolgielð*). Истинного Бога святая дева называет следующим образом: *wuldres agend, sigora gehwylces. þæt is soð cyning //* мира Властитель, победы всей. Это *истинный Царь* [4, 223–224]. Следует отметить, что формульное высказывание *þæt is soð cyning* это *истинный конунг* было характерно для героической поэзии и следовало после перечисления заслуг и подвигов того, кто возглавлял войско.

Язычники в поэме предстают жестокими и свирепыми людьми, которые больны грехами (*synnum seoce*). Элевсия охватывает мстительный гнев (*niðwæsse*), и он приказывает сечь святую плетью. Отец Юлианы описывается, как свирепый духом (*fresne mode*), ему противопоставлена сильная духом Юлиана, чья сила исходит от веры во Христа. Это стойкость и сила иного характера, нежели та храбрость, которая достигалась ритуальным превращением в зверя (ср. лексему *beorn*, этимологически связанную с именем медведя и лексемой *berscekt воин-берсерк*), или сила, которая происходила от воинственности характера. Сила святой мученицы – это прежде всего стойкость принципов и убеждений, готовность исповедовать Христа: *Wæs seo wuldres mæg / anræd ond unforht, eafoda gemyndig, / dryhtnes willan //* Была эта дева славы, решительная и непреклонная, помнящая о силе, о воле Господа [4, 600–603].

Таким образом, жестокие и духовно слепые язычники (*hreoh ond hygeblind*) противопоставлены святой деве, называемой *gleaw ond gode leof мудрая и Богом любимая*, *seo wlitescyne*

wuldres condel *эта прекрасная свеча славы*, eadig *благословенная*, æfele mod *благородная духом*. Святая Юлиана кротка и смиренна: milde modsefan, mægen unbrice // *в кротком духе сила нерушимая*, ее смирение и кротость образуют резкий контраст с жестокостью и яростью ее мучителей, граничащей с помутнением рассудка. Впрочем, те, кто служит дьяволу, и не могут быть другими, ведь их хозяин жесток (se hearda *жестокий*, egesful ealdor *ужасающий владыка*) и требует, чтобы его слуги творили зло.

Несмотря на то, что Элевсий и его воины угрожают Юлиане страшными мучениями, святая не ведает страха, твердо веря в то, что Господь ее защитит: þæt he mundbora min geweorþe, /helpend ond hælend wið hellsceaþum // *что Он защитником моим станет, помощником и спасителем в борьбе с дьяволом* [4, 156–157]. И действительно, огонь не тронул святую: sio halge stod / ungewemde wlite *эта святая стояла, неповрежденная красота* [4, 589–590]. Пришпешники Сатаны же не находят помощи у своего покровителя: He ne findeð þær /duguþe mid deoflum *Он не найдет помощи у дьявола* [4, 220–221].

Таким образом, исследование текста древнеанглийской поэмы «Юлиана» показывает, что героические мотивы данного произведения тесно переплетаются с христианскими. В поэме широко используется лексика, характерная для героической картины мира англосаксов раннего средневековья, а христианские мотивы вводятся через традиционные ценности и идеалы. Традиционные мотивы героического эпоса сближаются с христианскими и даже сливаются с ними. Таким образом, героическое содержание древних традиций англосаксов не только сохраняется в христианской картине мира, но и возвышается. Представляется, что дальнейшее исследование поэтических памятников, созданных Кюневульфом, в частности поэмы «Елена», позволит получить более объемные сведения о динамических процессах в мировоззрении англосаксов эпохи раннего средневековья.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Григорьева Ю.С. Когнитивный аспект исследования древней картины мира (на материале концептосферы ВОИНСТВЕННОСТЬ англосаксонской героической картины мира). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 187 с.
3. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания / отв. ред. Р.М. Фрумкина. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. С. 8–25.
5. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1999. 108 с.
6. Маковский М.М. Образ мира и миры образов // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 13–30.
7. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
8. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

9. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
10. *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л.: Наука, 1971. 140 с.
11. *Топорова Т.В.* Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
12. *Феоктистова Н.В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984б. 188 с.
13. *Феоктистова Н. В., Лемберская А. А.* К вопросу о системности в лексике (на материале древнеанглийских слов со значением «помощь», «защита») // Системное описание лексики германских языков. Межв. сб. Вып. 4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 78–85.
14. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
15. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.
16. *Чупрын О.Г.* Temporum opinio в древнем языке и сознании // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 87–101.
17. *Juliana* [Электронный ресурс]: The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a03_05.htm,

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 82.091

**ПЕРЕВОДНОЙ ШЕКСПИР В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА:
АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВ
(К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА)**

Елена Александровна Первушина

доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, pervushelena@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Аннотация. Статья посвящена анализу переводческих и исследовательских подходов В.К. Кюхельбекера к Шекспиру. К сожалению, его труды были напечатаны только в конце XX столетия и современная поэту переводная литература осталась без его влияния. Рассуждая о том, каким могло быть это влияние, автор статьи утверждает, что в сложной ситуации становления отечественной переводческой рецепции Шекспира Кюхельбекер занимал передовые позиции, определившие ее результативное развитие в XIX веке. Более того, в работе представлены выводы о том, что переводческое наследие Кюхельбекера представляет немалый интерес и для современной переводной словесности.

Ключевые слова: Кюхельбекер, Шекспир, русская переводческая рецепция Шекспира.

Для цитирования: Первушина Е.А. Переводной Шекспир В.К. Кюхельбекера: аспекты возможных перспектив (К 225-летию со дня рождения поэта-декабриста) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 78–86.

Original article

**TRANSLATED SHAKESPEARE BY W.K. KUCHELBECKER:
ASPECTS OF POSSIBLE PERSPECTIVES
(TO THE 225th ANNIVERSARY OF POET-DECEMBRIST'S BIRTH)**

Elena A. Pervushina

Doctor of Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
pervushelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Abstract. The article is devoted to the analysis of translation and research approaches of W.K. Kuchelbecker (1797-1846) to Shakespeare. Unfortunately, his works were published only at the end of the XX century and the translated literature modern to the poet was not influenced by his work. Discussing what this influence could have been, the author of the article argues that in the difficult situation of the formation of Shakespeare's domestic translation reception, Kuchelbecker was always in the leading positions that determined its effective development in the XIX century.

Moreover, the paper presents the conclusions that the translation heritage of Kuchelbecker is of considerable interest for modern translated literature.

Key words: Kuchelbecker, Shakespeare, Russian translation reception of Shakespeare.

For citation: Pervushina E. A. Translated Shakespeare by W.K. Kuchelbecker: Aspects of Possible Perspectives (to the 225th Anniversary of Poet-decembrist's Birth) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 78–86. (In Russ.).

В июне 2022 года исполнилось 225 лет со дня рождения Вильгельма Людвига фон Кюхельбекера, имя которого позже русифицировали и преобразовали в Вильгельма Карловича. Конечно, этого человека знают все – как друга Пушкина и Грибоедова, как поэта и литературного критика, как общественного деятеля, ставшего участником декабристского движения. Однако как литературный переводчик Кюхельбекер известен немногим. Показательно, что даже в самом полном энциклопедическом издании по литературе и литературоведению, изданном в СССР в 1960–70-е гг., о переводческой деятельности Кюхельбекера сказано только одно слово – «переводчик» [3, с. 948], а в современной свободной электронной энциклопедии «Википедия» о Кюхельбекере как о переводчике и вовсе ничего нет. Тем не менее поэт переводил «Гимн Земле» из Гомера, «Надовесскую похоронную песнь» Ф. Шиллера, стихотворения Х.Ф. Геллерта. Но главное и самое значительное в переводческом наследии Кюхельбекера – его переводы из Шекспира: «Ричард II» (1828), «Макбет» (1828), первая часть «Генриха IV» (1829–1830), «Ричард III» (1832, новая редакция – 1835–1836), «Венецианский купец» (1834). В замыслах 1832–1833 гг. были также «Король Лир» и «Два веронца». «Переводческой работы таких масштабов по отношению к Шекспиру не предпринимал до него ни один русский литератор», – указал авторитетный отечественный шекспировед Ю.Д. Левин (1920–2006) [10, с. 69].

Кюхельбекер боготворил Шекспира. Осуждая критиков за призывы к подражательному романтизму и чрезмерное увлечение Байроном, поэт считал Шекспира стимулирующим примером истинно самобытного и национально созидательного романтизма. Позднее, после поражения восстания декабристов, Кюхельбекер разделял возросший интерес к Шекспиру как живописцу исторических катастроф. Но в отличие от современников, эпизодически рассыпавших отдельными реминисценциями свидетельства влияния на них Шекспира, Кюхельбекер занялся его изучением системно, последовательно и глубоко. «Ни один русский писатель не посвятил стольких трудов Шекспиру, как Кюхельбекер, – подчеркнул Ю.Д. Левин. – Шекспировские занятия, которым он отдал многие годы своей творческой жизни, были многообразны; они включали в себя и истолкование драматургии Шекспира, и опыты воссоздания его пьес на русском языке, и разностороннее использование и переосмысление шекспировских мотивов и поэтики в оригинальном творчестве» [10, с. 79]. Действительно, Кюхельбекер говорил о Шекспире в своих статьях, часто приводил сравнения с шекспировскими героями в дневниках и письмах. Специалисты выявили черты шекспиризации и в оригинальных произведениях Кюхельбекера. Особенно в драматической шутке «Шекспировы духи» (1825), мистерии «Ижорский» (1826–1841), фарсе «Нашла коса на камень» (1831) [об этом подробнее см.: 10, с. 64–80, 247–252; 4, с. 53–102]. Однако, как подчеркнул Ю.Д. Левин, использование шекспировских мотивов – «это периферия шекспиризма Кюхельбекера. Основным для него, как и для других декабристов после декабря 1825 г., а также и Пушкина, был Шекспир – историк и трагик. Это выразилось прежде всего в переводах [Подчеркнуто автором. – Е.П.]» [10, с. 69].

В середине 1960 гг. Ю.Д. Левин проанализировал и оценил шекспировские переводы, выполненные Кюхельбекером, рассмотрев эти переводы в развернутом контексте русской культуры XIX в. Ученый отметил в них достаточную адекватность переводческого понимания Шекспира и ответственное стремление в воспроизведении смысла и формы его творений, в том числе – стиховых особенностей соответствующих фрагментов шекспировских пьес. Левин обратил внимание на то, что Кюхельбекера не смущала необычная образность Шекспира, привел примеры удачных переводческих находок поэта в их воссоздании. Вместе с тем, исследователь показал, что Кюхельбекер, чей собственный поэтический стиль был отнюдь не безупречным, далеко не всегда справлялся с трудностями перевода, временами обедняя шекспировский язык, а в отдельных случаях даже искажая смысл оригинала [подробнее см: 5; 6; 9; 10 с. 64–80, 247–252].

Рассуждая о сложных обстоятельствах, в которых работал Кюхельбекер, и о судьбах выполненных им шекспировских переводов, Ю.Д. Левин назвал поэта-декабриста самой трагической фигурой русского шекспиризма [10, с. 79]. Неудивительно: хотя Кюхельбекер предпринял серьезные и очень ответственные усилия для публикации своих переводческих трудов, современники их не увидели. Эти переводы начали печатать только спустя почти полтора столетия после смерти поэта, когда в России наступило время мощного подъема школы отечественного литературного перевода. Высочайших достижений добились ставшие знаменитыми переводчики Шекспира: А.Д. Радлова, М.Л. Лозинский, Б.Л. Пастернак, Ю.Б. Корнеев, Т.Л. Щепкина-Куперник и др. На фоне этих высокопрофессиональных и художественно ярких мастеров переводы Кюхельбекера предстали безнадежно устаревшими. «Самоотверженный труд поэта-декабриста пропал напрасно», – горестно заключил Ю.Д. Левин [5, с. 59].

Однако при этом ученый указал, что «как ранний памятник усвоения в России подлинного Шекспира эти переводы поэта-декабриста заслуживают самого пристального и внимательного изучения» [5, с. 59]. Сказанное побудило нас к созданию данной статьи, в которой мы попытались наметить некоторые возможные направления такого изучения и по возможности конкретизировать и дополнить выводы Левина о значимости шекспировских переводов, выполненных Кюхельбекером. Размышляя о том, что отечественная переводная литература первой трети XIX столетия осталась без влияния Кюхельбекера, нам показалось интересным и важным предположить, в каких аспектах могло бы состояться это влияние.

Прежде всего уточняющего исследовательского внимания, на наш взгляд, требует творческая позиция Кюхельбекера – переводчика Шекспира. Уместно напомнить, что ранней переводческой рецепции Шекспира в России необходимо было решить ряд непростых для того времени культурно-эстетических проблем. Одна из них – преодоление французского классицизма в восприятии Шекспира и представления его читателям варваром, не знавшим литературных правил. Отсюда стремление облагородить неожиданного возникшего британского «дикаря», а потому не просто переводить, а непременно адаптировать его в соответствии с требованиями классицизма. Известно, что в создании таких переделок преуспели П. Летурнер и особенно Ж.-Ф. Дюси, которого В.Г. Белинский насмешливо назвал шекспировым парикмахером. Именно такого «облагороженного» Шекспира переводили поначалу в России, причем в свою очередь тоже переделывая. Такими двойными переделками, были «Гамлет» А.П. Сумарокова (1748), «Отелло» И.А. Вельяминова (1808), «Леар» Н.И. Гнедича (1808), «Гамлет» С.И. Висковатова (1811), «Макбет» П.А. Корсакова (1815).

Совсем другое впечатление на деятелей русской культуры произвело переложение шекспировского «Макбета», выполненное в 1800 г. Шиллером. А.А. Бестужев-Марлинский,

для которого Шекспир был «сама поэзия», считал, что «мир его дивных мечтаний» не имел «отголоска в нашем мире», «покуда гений Шиллера не угадал его девственной прелести и не усвоил немецкой словесности романтизма Шекспирова во всей величавой его простоте» [10, с. 65]. Но когда А.Г. Ротчев (1807–1873) перевел и в 1830 г. издал это шиллеровское переложение, факт очередной адаптации возмутил русских читателей, тем более что она вышла под совершенно нелепым названием – «Макбет. Трагедия Шекспира. Из сочинений Шиллера».

Безусловно, началом отечественного шекспиризма стало обращение к подлинному Шекспиру. Однако переводческое проецирование оригинальных творений английского драматурга в русский язык и русскую поэзию довольно долго продолжало казаться невероятным. Невозможными для воссоздания на русском языке в первую очередь виделись поэзия Шекспира и его усложнённый поэтический язык со знаменитой эвфуистической метафорикой. «Совместно читать Шекспира в переводе, если кто хочет вполне понимать его, – писал в 1828 г. А.С. Грибоедов К.А. Полевому, – потому что, как все великие поэты, он непереволим, и непереволим оттого, что национален» [1, с. 65]. «Совместить в переводе Шекспира безусловную верность подлиннику с художественностью выполнения, <...> решительно невозможно», – продолжал настаивать обозреватель «Пантеона» в 1852 г. [7, с. 368].

В результате родилась компромиссная идея – переводить поэтические тексты Шекспира в прозе. Еще в конце XVIII столетия Н.М. Карамзин, хотя и заявлял, что Шекспира, чей дух парил «яко орел», нужно не править, а переводить, не «переменяя» мыслей автора, – перевел знаменитый монолог короля Лира из сцены бури (III, 2) в прозе. Идею прозаического перевода в 1840-е гг. поддержал В.Г. Белинский. «...переводы Шекспира в стихах, – написал он в отзыве на перевод Н.Х. Кетчера, – пока еще роскошь для нашей публики. <...> Для многих его пьес надобно иметь значительное идеальное развитие, не затрудняться оборотами языка, сжатостью и неожиданностью метафор, надобно иметь очень развитую восприимчивость размышления, чтобы схватить молниеносность мысли его, облеченную в роскошь сравнений и поэтических образов. <...> Если перевод Шекспира может теперь иметь влияние на русскую литературу, то, конечно, перевод в прозе. Русской публике надобно сначала освоиться с манерою Шекспира, с его кистью, сблизиться с ним, почувствовать его мирозерцание, его дух. Тогда только публика будет в состоянии оценивать переводы Шекспира в стихах» [2, с. 117–118].

В этой сложной для раннего русского шекспиризма ситуации Кюхельбекер не разделил классицистских сомнений в праве Шекспира оставаться художественно независимым и самобытным. По убеждению Кюхельбекера, Шекспир, который знал все – «и ад, и рай, и небо, и землю», – «один во всех веках и народах воздвигся равный Гомеру», он «есть вселенная картин, чувств, мыслей и знаний, неисчерпаемо глубок и до бесконечности разнообразен, мощен и нежен, силен и сладостен, грозен и пленителен» [11, с. 203–204]. Поэтому совершенно неправы те, «кто требует, чтоб Шекспир был похож на Расина» [8].

Кюхельбекер не переживал и переводческого замешательства перед образной причудливостью поэтики Шекспира и непривычностью его стиховой манеры. Поэт только сожалел, что в России «нет еще ни одной трагедии Шекспира, переведенной как должно» [5, с. 45] и решительно не одобрял практику адаптационных методик Н.И. Гнедича, А.П. Сумарокова и П.А. Корсакова. При этом поэт полностью отдавал себе отчет в том, что переводить Шекспира – означает решить «самую трудную задачу из всех <...> – пересадку в наш язык причуд гения огромного, но и чрезвычайно своенравного, да еще и англичанина XVII века» [8]. Однако, нисколько не сомневаясь ни в необходимости, ни в возможности шекспировских

переводов, поэт приступил к решению этой задачи. Он специально изучил английский язык, чтобы читать и переводить оригинального Шекспира, мечтая открыть его своим соотечественникам во всем неповторимом великолепии.

Уместно напомнить, что увлечение Кюхельбекера Шекспиром стало особенно активным в годы его тюремного заточения, и именно Шекспир стал мощным жизненным стимулом и бесценной духовной поддержкой для узника Шлиссербургской крепости, желавшего даже там оставаться полезным отечественной словесности. Кюхельбекеру было невероятно трудно заниматься переводом в тюрьме: отсутствовали нужные книги, да и сам Шекспир был у него в устаревшем издании Л. Теоболда. Кроме того, поэт-узник был лишен важных для него творческих контактов, а тяжкий тюремный быт беспощадно разрушал его здоровье, катастрофически ускоряя надвигающуюся слепоту. Тем не менее Кюхельбекер переводил шекспировские пьесы – упорно, настойчиво, одну за другой.

Главная установка Кюхельбекера-переводчика – стремление к точности, причем не только смысловой, но и формальной. Поэт переводил прозаические фрагменты шекспировских подлинников прозой, стихотворные – стихами, рифмованными даже там, где у Шекспира не было рифм. В воссоздании стиховых особенностей Шекспира Кюхельбекер был невероятно тщателен. Твердо желая выдержать принципы эквILINEарности и эквИРИТМИИ, он постарался воспроизвести даже пятистопный шекспировский ямб, казалось бы, совершенно невозможный в русской поэтической словесности. Однако Кюхельбекер, которому вообще «принадлежал приоритет по введению в русскую поэзию драматического пятистопного белого ямба» [5, с. 54], был настойчив.

Отметим, что таким образом он более чем на столетие опередил переводческий опыт М.А. Кузмина (1872–1936), которого даже в середине XX века не одобряли за подобные новации. Но Кузмин, человек высокой музыкальной культуры, наделенный даром высокой поэтической игры и тонким чувством стиховой формы, – все же выдерживал эквILINEарность и эквИРИТМИЮ. Это стремление сохранить интонационную музыку шекспировского стиха, особенно выразительно представленное в кузминском переводе комедии «Бесплодные усилия любви», явилось серьезным переводческим достижением переводчика [об этом подробнее см.: 11, с. 616–623].

Чтобы воплотить в жизнь свой творческий замысел, Кюхельбекер пошел на смелый лексический эксперимент, сокращая или даже изобретая слова, которые бы вписывались в пятистопную строку. Подчеркну их в своих примерах из переводного «Макбета» Кюхельбекера [12]. «Рой всевозможных скверн над ним парит», – переводит он слова шекспировского Сержанта „The multiplying villainies of nature” из 2 явления I акта трагедии. Там же кюхельбекеровский Ленокс называет норвежского короля („the Norweyan lord”) «Норвежский властель». Чтобы сохранить энергичность звучания последующей его реплики („What a haste looks through his eyes!“), Кюхельбекер дал такую версию: «Какой же спех его очами смотрит!». В 3 явлении акта это же слово произносит и сам Макбет, призывающий соратников: «Вооружимся в мужество и спех!» (в оригинале „Let's briefly put on manly readiness“). Леди Макбет в 3 явлении I акта у Кюхельбекера называет золотую корону („the golden round”), о которой она мечтает для супруга, «бесценный обод», а призывая духов смерти сменить ее пол („unsex me here“), восклицает: «Придите же, меня лишите женства!». Когда в 1 явлении II акта перед убийством Дункана Макбет видит зловещий призрак кинжала, он понимает, что это плод его разгоряченного ума – „Proceeding from the heat-oppressed brain“. В переводе Кюхельбекера

появляется неожиданный архаизированный окказионализм: «Ишлец ты из пылающего мозга». В знаменитом монологе о зарезанном сне герой признает тяжесть своего преступления, поскольку он посягнул на животворную ценность целебного сна – „Balm of hurt minds“. Кюхельбекер опять переводит это выражение с помощью изобретенного им слова – «больных сердец цельба». В следующем, 4 явлении, говоря о стгушающемся мраке, шекспировский Росс скажет, что „dark night strangles the travelling lamp“, а кюхельбекеровский – «...ночь глухая / Тьмит путничий фонарь».

Конечно, подобные эксперименты утяжеляли переводной текст Кюхельбекера, лишая его естественности. Поэт прекрасно понимал это, не переставая редактировать свои переводы. Известно, что за полгода до смерти Кюхельбекер необыкновенно строго оценил свой труд, назвав в продиктованном И.И. Пущину завещании достойными публикации всего лишь три своих работы. Из «Макбета» можно было напечатать три первых акта. По поводу «Генриха IV» поэт распорядился особенно жестко: «Истребить, если не успею переправить» [5, с. 47]. Только «Ричарда III» Кюхельбекер разрешил напечатать полностью, обязательно предварив этот перевод его же статьей «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III» [8].

Перевод «Ричарда III» Кюхельбекер отработывал особенно тщательно. Здесь ему удавалось иногда передать и естественность звучания, сохраняя при этом эмоциональную экспрессию подлинника. Например, в монологе Ричарда, ошеломленного явлением призраков всех убитых им:

Христе, помилуй! Это только сон
 <...> Я один, а Ричард
 Ведь любит Ричарда. – Так! Я ведь я.
 Где здесь убийца? – Что ты? – Я же здесь.
 Беги! Кто это? от себя? Да так:
 Чтоб я не отомстил? Кому? Себе?
 Себя люблю – за что? За добро ли?
 Но оказал ли я себе добро? <...>
 Я изверг – лжешь! Не поноси себя,
 Безумец! Ах! Не льсти себе, безумец!
 Тьма языков у совести моей ... (V, 3) [13].

В «Ричарде III» Кюхельбекер успешнее справлялся даже с игрой слов у Шекспира, полагая, что это «главная особенность его [Шекспира. – Е.П.] диалога, особенно там, где преобладает страсть» [8]. Поэт находил поэтически интересные способы воссоздания шекспировских выражений. Например, в эпизоде, когда лорд Риверс, обратившись к Глостеру „your grace“ («ваша светлость») спрашивает, кому был адресован его гневный монолог. шекспировский Ричард ответит ему: „To thee, that hast nor honesty nor grace“ (I, 3, 55). Кюхельбекер перевел это обращение не буквально точно, но предельно емко и столь же выразительно: «Вам, ваша Мрачность!».

Выработанная Кюхельбекером переводческая манера была достаточно уверенной и сложной. С одной стороны, стремление сохранять непривычные для России стиховые особенности Шекспира можно рассматривать в духе форенизирующих тактик. Вместе с тем, в заметной мере его переводческая рецепция шекспировских хроник была русифицирующей. Тем более что поэта интересовала вовсе не история Англии – о хрониках он говорил как «русский

русским» [9, с. 142]. Неудивительно, ведь политическая тематика хроник – борьба за власть, преступные деяния захватчиков трона, государственные перевороты – воспринималась деятелями декабризма остро актуальной по отношению к собственной стране. Понятно поэтому обращение Кюхельбекера к принципам доместицирующего перевода. Это особенно очевидно по обилию в его «Ричарде III» русизмов, в том числе архаизированных. Глостер, вспоминая пророчество о букве «Г» (у Шекспира „G“, с которой должно начинаться имя убийцы Эдуарда IV, произносит название древнерусской буквы – «глаголь». Надеюсь, что смерть братьев освободит ему влиятельное место в жизни, Глостер рассчитывает, что мир оставит ему место «стряпать в нем» (I, 1). Леди Анна называет свои слезы бальзамом «печальных вежд» (I, 2). В речи персонажей множество слов с характерными суффиксами («душенька», «вдовушка», «сестрица», «простяк») и разговорными частицами («ступай-ко в путь», «ужо узнаешь», «а где бы ж»).

Говоря о Кюхельбекере-переводчике, особенно важно не забывать вывод Ю.Д. Левина о том, что новым в методе перевода Вильгельма Карловича «был научный подход к материалу». Ученый указал, что поэт был в числе тех отечественных авторов, которые начали осуществлять названный метод в конце 1820-х гг.: «Как Гнедич при переводе Гомера и Вронченко при переводе Шекспира, Кюхельбекер считал необходимым глубокое изучение подлинника [5, с. 48]. Рассматривая этот вывод Левина, мы полагаем, что отдельного исследовательского внимания заслуживают некоторые важные, на наш взгляд, акценты в анализе исторических хроник Шекспира, выполненном Кюхельбекером. Наиболее полно поэт изложил эту позицию в уже названном «Рассуждении о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III»². Отмечено, что, несмотря на исторически понятную ограниченность трактовки Кюхельбекером шекспировских хроник, его «Рассуждение» «содержало многосторонний анализ драм Шекспира, глубокое истолкование шекспировских образов, каких не знала еще русская литература» [8].

Нам важно выделить у Кюхельбекера его *систематизирующий взгляд* на шекспировские хроники, которые он называл историческими драмами. Пьесы, анализируемые в «Рассуждении», автор традиционно перечисляет не по времени их создания, а в последовательности происходящих событий – «Ричард II, две части Генри IV-ого, Генри V, три части Генри VI-ого и Ричард III». Однако принятого в настоящее время выделения двух тетралогий – сначала о первых Ланкастерах, а потом о «войне роз» – он не делает. Подчеркнем, что свержение с престола Ричарда II и примирение Алой и Белой роз Кюхельбекер видит не отдельными сюжетами двух разных тетралогий, а началом и завершением *единой тетралогии*. Поэт называет ее великой исторической поэмой Шекспира. Даже «превосходнейшие трагедии древних», считает Кюхельбекер, уступают этому великолепию шекспировской «исполинской» поэмы.

Не будем сейчас комментировать жанровые определения автора, у которого частями его поэмы являются драмы и обрамляющие поэму трагедии (первая из трагедий – «Ричард II», вторая – трагедия характеров «Ричард III»). Нам важна *идея эстетической и композиционной целостности* того, что Кюхельбекер называет поэмой. В ее связующей сюжетной линии злодеяний, творимых королями-узурпаторами, есть завязка. Это свержение и убийство Ричарда II. Завершает шекспировскую поэму кровавая трагедия Ричарда III. Кюхельбекер убежден, что все шекспировской «исполинской» поэмы части составляют «одно целое, и это целое в

² В 1963 г. Ю.Д. Левин напечатал «Рассуждение» Кюхельбекера в сборнике «Международные связи русской литературы», сопроводив памятник своим предисловием и комментариями. Мы цитируем данный материал в электронной публикации издания [8].

высочайшей степени соединяет в себе единство, разнообразие и стройность; а в величии, силе, религиозной таинственности и поэтической ясности, с какой наконец разгадана таинственность, уступают ему даже превосходнейшие трагедии древних». И хотя каждой отдельной пьесе «дан свой отдельный смысл, своя самобытная жизнь <...>, каждой присвоен характер отличный от характера прочих», все они вместе – «одно огромное, прекрасное тело». Шекспир великолепно гармоничен, «все члены его поэмы в прекрасной между собой соразмерности, <...> ни одна другой не противоречит, каждая умножает силу и действие каждой и всех – все они и цель и средство к достижению высшей цели» [8].

Выделяя идею эстетической и композиционной целостности шекспировских исторических драм, воспринимаемых Кюхельбекером единым творением Шекспира, мы подчеркиваем, что данная идея возникла как *результат переводческого осмысления* хроник. Неизвестно, планировал ли Кюхельбекер перевод всех хроник Шекспира, но своеобразие его переводоведческого взгляда на них, продемонстрированное в его «Рассуждении», позволяет предположить, что писатель вполне мог этого желать. Отметим кстати, что и до сих пор подобных намерений системного переводческого охвата хроник в России не наблюдается. Некоторое интересное исключение представляет Евгения Николаевна Бирукова (1899–1987). Переводившая многих авторов с английского, французского, румынского, бенгальского, церковно-славянского языков, из Шекспира она выбирала только хроники: «Генрих V», «Жизнь и смерть короля Джона», «Генрих VI», «Генрих IV».

Итак, наследие В.К. Кюхельбекера – переводчика Шекспира – важный факт в истории его русского бытования, достаточно выразительно демонстрирующий неустанно возрастающую потребность отечественной словесности в освоении творческих уроков великого трагика. Мы могли увидеть, что в сложной ситуации становления основополагающих принципов отечественной переводческой рецепции Шекспира Кюхельбекер занимал именно те передовые позиции, которые определили ее результативное развитие в XIX веке. Но сожалея о том, что современная поэту переводная литература осталась без его влияния, нельзя не увидеть, что его наследие представляет определенный интерес и для современной переводной словесности. Поэт предвосхитил переводческие поиски в области адекватного перевоссоздания ритмико-интонационных и стиховых особенностей шекспировских произведений, предпринятые в первой трети следующего, XX столетия. Некоторые аналитические подходы Кюхельбекера, убежденного в эстетической и композиционной целостности хроник Шекспира, могут предполагаться как возможные перспективы практики его последующего переводческого освоения. Наконец, уроки того нравственного героизма и самоотверженности, которые проявил Вильгельм Карлович Кюхельбекер в открытии и созидании русского Шекспира, бесценны и не имеют границ во времени.

Список литературы

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / ред. и предисл. Н.К. Пиксанова; коммент. И.С. Зильберштейна. М.: Федерация, 1929. 344 с.
2. Белинский В.Г. Шекспир. С английского. Н. Кетчера. ПСС. В 13 т. Т.13. М.: АН СССР, 1959. С. 113–118.
3. Бернштейн Д.И. Кюхельбекер // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 975–979.
4. Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 320 с.

5. Левин Ю.Д. В.К. Кюхельбекер – переводчик Шекспира // Шекспировский сборник. М.: Искусство, 1967. С. 44–59.
6. Левин Ю.Д. Литература декабристского направления // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 129–162.
7. Левин Ю.Д. На путях к реалистическому истолкованию Шекспира // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 316–406.
8. Левин Ю.Д. Рассуждение В.К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира [Электронный ресурс] // Международные связи русской литературы. М., Л.: АН СССР, 1963. С. 288–314. URL: http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0150.shtml. (дата обращения: 12.10.2022).
9. Левин Ю.Д. Пушкинская пора // Шекспир и русская культура. М., Л.: Наука, 1965. С. 129–200.
10. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. 328 с.
11. Первушина Е.А. Русские переводы комедии Шекспира «Love's Labour's Lost» // У. Шекспир. Пустые хлопоты любви. М.: Наука, серия «Литературные памятники». 2019. С. 604–638.
12. Шекспир У. Макбет. Перевод В. Кюхельбекера [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_mcbeth6.txt. (дата обращения: 12.10.2022).
13. Шекспир У. Ричард III. Пер. В. Кюхельбекера // У. Шекспир. Великие трагедии в русских переводах. Ричард III / пер. с англ. А. Дружинина, М. Донского, В. Кюхельбекера. М.: ПРОЗАиК, 2015. С. 369–530.

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 18.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 398.21

ОТРАЖЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРАЗЕ КОТА/КОШКИ ИЗ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ XIX–XX вв.

Мария Сергеевна Киселева¹, Алёна Владимировна Козачёк²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹кандидат филологических наук, доцент, kiseleva.ms@dvfu.ru,

[https:// orcid.org/0000-0003-2846-570X](https://orcid.org/0000-0003-2846-570X)

²бакалавр, kezek@yandex.ru

Аннотация. В статье сопоставляются русские сказки о животных, записанные в XIX и XX вв. Дается характеристика принципов создания образа кота/кошки и отражения древнего комплекса народных представлений об этом животном в текстах из сборника А.Н. Афанасьева. Выявляется степень сохранности древних представлений и принципов создания образа кота/кошки в сказках второй половины XX в., зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке. Определяется тип трикстера, который воплощает рассмотренный образ в сказках разных веков, характеризуется региональный компонент.

Ключевые слова: фольклор, сказки о животных, трикстер, образ кота/кошки, русский фольклор Сибири и Дальнего Востока.

Для цитирования: Киселева М.С., Козачёк А.В. Отражение архаических представлений в образе кота/кошки из русских народных сказок о животных XIX–XX вв. // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 87–94.

Original article

REFLECTION OF ARCHAIC IDEAS IN THE IMAGE OF A CAT FROM RUSSIAN FOLK TALES ABOUT ANIMALS OF THE XIX–XX CENTURIES

Maria S. Kiseleva¹, Alena V. Kozachek²

^{1, 2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, kiseleva.ms@dvfu.ru,

[https:// orcid.org/0000-0003-2846-570X](https://orcid.org/0000-0003-2846-570X)

²Bachelor, kezek@yandex.ru

Abstract. The article compares Russian animal tales recorded in the XIX and XX centuries. The characteristic of the principles of creating the image of a cat and the reflection of the ancient complex of folk ideas about this animal in the texts from the collection of A.N. Afanasyev is given.

The degree of preservation of ancient ideas and principles of creating the image of a cat in fairy tales of the second half of the XX century, recorded in Siberia and the Far East, is revealed. The type of trickster that embodies the considered image in fairy tales of different centuries is determined, the regional component is characterized.

Key words: folklore, animal tales, trickster, the image of a cat, Russian folklore of Siberia and the Far East.

For citation: Kiseleva M.S., Kozachek A.V. Reflection of Archaic Ideas in the Image of a Cat from Russian Folk Tales about Animals of the XIX–XX Centuries // Far Eastern Philological Journal. 2023. T. 1, № 1. P. 87–94. (In Russ.)

В наше время сохраняется устойчивый интерес учёных к образу кота/кошки [2; 4; 5; 13 и др.], который играет важную роль как в традиционной, так и в современной культуре. Мы ставим перед собой цель проанализировать, насколько устойчив комплекс архаических представлений, связанных с данным животным, в русских сказках. Объектом исследования станут сказки о животных из двух сборников: А.Н. Афанасьева (XIX в., 10 текстов [8]: «Кот, петух и лиса» (СУС [12]: 61В) – 3 варианта; «Кот и лиса» (103) – 4 варианта; «Напуганные медведь и волки» (103+125; 130Д+126А*) – 2 варианта; «Медведь, собака и кошка» (101+100+119*) – 1 вариант) и Р.П. Матвеевой и Т.Г. Леоновой (2 половина XX в., 6 текстов [10]: «Дружба собаки и кота» (100+119*), «Про кошечку» (130), «Лиса и кот» (1+103), «Котушка и лиса» (20А+21), «Кот да петушок» (61В), «Кот и лиса» (103)). Новизну работе обеспечивает характеристика принципов отражения архаических представлений о коте/кошке и создания их образов в поздних записях (в сопоставлении с текстами XIX в.), а также выявление регионального (дальневосточного и сибирского) компонента, что комплексно исследователями ещё не осуществлялось.

В основе древних представлений славян о коте/кошке лежит двойственная символика этого животного. Анализ статьи А.В. Гуры позволяет выявить такие смысловые составляющие архаического восприятия кота/кошки, как: 1) воплощение нечистой силы, 2) покровитель домашнего очага, 3) оберег от злых сил и болезней, 4) проводник в потусторонний мир. Кот/кошка предстаёт как неоднозначный персонаж, воспринимаемый и негативно (как демоническое существо, чёрт, ведьма), и позитивно (как символ домашнего уюта и одно из воплощений домового, как животное, способное забрать болезни) [3, с. 637–640].

Двойственность образа отчётливо соотносит кота/кошку с трикстером – универсальным героем для многих культур, способным представлять одновременно в образе обманщика и жертвы, творца и разрушителя, дающего и отвергающего [9, с. 7], героя, который то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, творит то добро, то зло [7]. В статье Ю.Е. Берёзкина есть схема типов трикстера, расположенных в противопоставлении: «свой» – «чужой», «слабый» – «сильный» [1, с. 98]. Кот/кошка по данной классификации является трикстером «своим» (принадлежит к миру людей) и достаточно «сильным» (обладает когтями и клыками, мелкий хищник).

В сказках о животных из сборника А.Н. Афанасьева XIX в. отчётливо прослеживается неоднозначность образа кота/кошки и его соотнесённость с трикстером. Преимущественно в текстах действует кот (кошку встречаем только в сказке «Медведь, собака и кошка»). Его образ создаётся разными способами: имена и обращения, речь, характер (в том числе характеристики от других животных и самохарактеристики), связанные с образом мотивы и принципы взаимодействия с другими персонажами, элементы портретной характеристики.

Кота часто называют уважительно: Кот Котонаевич («Кот, петух и лиса»), Котай Иванович («Кот и лиса»), Котонайло Иванович («Кот и лиса»). Сам он также представляется по имени-отчеству, говорит, что поставлен среди зверей леса бурмистром, претендуя на особое положение («Кот и лиса»).

В тексте «Кот и лиса» [8, с. 53] в речевой характеристике кота проявляется его жадность (поедая быка, рычит: «Мало, мало!»), а также стремление вызвать жалость у встреченной лисы: «Ах, лиса, как мне не плакать? Жил я у старика и старухи, поил-кормил их, стал стар, они и прогнали меня». Наблюдаем типичную для трикстера неоднозначность образа: одновременно и страшный, и жалкий.

Характеристика кота в сказках также противоречива. Он предстаёт и заботливым, и жестоким («Кот, петух и лиса»); и мелким пакостником, и ловким и опасным зверем («Кот и лиса», «Напуганные медведь и волки»). Лесные животные, описывая кота, дают ему характеристику как демоническому существу (голод, вздыбленная шерсть, огромный хвост): «Невелик, да прожорист! ...пожалуй, и до нас доберётся! ... Сам-то кот бурый, шерсть на нём стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится!» («Кот и лиса») [8, с. 53].

В каждой сказке из сборника А.Н. Афанасьева, где присутствует кот/кошка, обозначается связь животного с домом (например, в трёх вариантах сказки «Кот, петух и лиса» кот предстаёт покровителем домашнего очага), в некоторых текстах есть мотив бездомности/изгнания, в других присутствует мотив поиска дома. Так, в сказке «Кот и лиса» кота выгоняют из дома, в других вариантах после скитаний он селится у лисы. Изгнание из дома наблюдается в сказке «Медведь, собака и кошка», в тексте «Напуганные медведь и волки» кот сам покидает дом.

Также в записях XIX в. с образом кота/кошки устойчиво связаны мотивы обмана, смерти и обжорства: кот (но не кошка, в сказке она говорит правду) способен провести диких животных, испытывает сильный голод, присутствует при смерти других персонажей или сам убивает их. Данные характеристики (особенно голод [7]) снова отсылают нас к универсальному для многих культур типу трикстера.

В записях XIX в. кот/кошка взаимодействует с 3 группами персонажей: дикими животными, домашними животными, человеком.

Взаимоотношения с дикими животными складываются по-разному. В текстах «Кот и лиса», «Напуганные медведь и волки» дикие звери боятся кота: «Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи!», «Глаза так и горят! Только посмотрел на меня – и то дрожь проняла...» [8, с. 56]. Для них кот представляет опасность, так как является представителем другого мира, непонятного и несущего угрозу.

Особые отношения возникают у кота с лисицей. В сказке «Кот, петух и лиса» за похищение петушка он убивает лису и её дочерей. В сказке «Кот и лиса» именно лиса подталкивает кота к действиям, при которых раскрывается его образ, именно она пугает котом лесных жителей: «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест!» [8, с. 52]. Лиса, как и кот, является воплощением трикстера [11], поэтому их взаимодействие в сказке такое многоплановое: союз кота и лисы может обернуться смертью для волка, барана, быка или медведя; может закончиться свадьбой; лисица может скрыться от кота или быть убитой им; но никогда их взаимодействие не бывает нейтральным.

Отношения с домашними животными у кота в основном положительные, он часто выступает как их покровитель: в тексте «Кот, петух и лиса» защищает петуха; в сказке

«Напуганные медведь и волки» обманом уводит козла или барана со двора, но всегда может их защитить от волков и медведя.

Взаимодействие кота с человеком строится по-разному. Кот/кошка находится в доме, пока приносит пользу («Кот, петух и лиса», «Медведь, собака и кошка»), и лишается дома при провинности или бесполезности, возникшей в результате старости («Напуганные медведь и волки», «Медведь, собака и кошка»). Поскольку в сознании восточных славян образ кота/кошки постоянно воспринимался двойственно, возможно, в текстах сохранилось стремление избавиться от провинившегося или старого животного, пока оно не принесло несчастье (так, существовала вера, что в семилетнюю кошку вселяется дьявол и она становится нечистой [3, с. 637–640]).

В текстах XIX в. отчётливо прослеживается комплекс древних представлений, связанных с рассмотренными образами: кот/кошка изображается как животное с демонической сущностью (элементы портретной характеристики, связь с мотивами смерти и голода); как покровитель домашнего очага (устойчивое соотнесение с домом); как проводник в потусторонний мир (мотив смерти, путешествие в лес); как оберег от злых сил (выступает защитником домашних животных и петуха).

Согласно типам трикстера, выделенным Ю.Е. Берёзкиным, кот в сказках XIX в. является «своим» для домашних животных и человека, но «чужим» для диких животных (однако в сказке «Кот и лиса» он «свой» для лисы). Рассматриваемый персонаж представляет тип «сильного» трикстера: силен за счёт пугающей внешности (горящие глаза, острые когти, вздыбленная шерсть) и физической силы (способен убить несколько лисиц).

В сказках о животных, записанных в Сибирском и Дальневосточном регионах во второй половине XX в., принципы характеристики кота/кошки во многом совпадают с теми, которые мы выявили в текстах XIX в.

Важную роль при характеристике образа кота/кошки играют имена и обращения. Как и в текстах XIX в. встречаем сказку («Кот и лиса»), где героя зовут Кот Котофеич, остальные персонажи его боятся и уважают, на что и указывает имя. Отношение передаёт и наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов: в тексте «Котушка и лиса» рассказчик любит природную хитрость кота, его способностью с обмануть других персонажей. В сказке «Про кошечку» в имени героини есть уменьшительно-ласкательный суффикс *-ечк-*, который снова указывает на ласковое отношение рассказчика к ней, а звери называют её по отчеству – Котофеевна, что свидетельствует об уважении. В двух текстах («Кот да петушок», «Дружба собаки и кота») имени у кота не обнаружено. В одной сказке («Лиса и кот») его зовут Васька, такой формой подчёркивается обычность кота, и действительно он в сказке лишь помогает лисе запугивать лесных зверей своим внешним видом. В наличии как уважительного, так и пренебрежительного именования наблюдаем сохранение двойственности восприятия образа кота/кошки.

Манера говорить кота в текстах XIX и XX вв. практически идентична. Также в поздней записи («Про кошечку») представлена речь кошки, в которой часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Но, иди, садись к окошечку... Я кошечка, ты у меня зимовал» [10, с. 256]. В сказке XIX в. речь кошки такой особенности не содержала, а в приведённом примере подчёркивается женская природа животного.

Характер кота/кошки в записях XX в. и в сказках XIX в. схож своей неоднозначностью. Например, кот в тексте «Кот да петушок» представлен сильным и смелым защитником петушка. В сказках «Лиса и кот», «Кот и лиса», «Дружба собаки и кота» он уже ленивый

бездельник и эгоист, а в сказке «Котушка и лиса» – пакостник и хитрый обманщик. В единственной сказке, где главным действующим лицом является кошка («Про кошечку»), героиня представлена как добрая, заботливая и слабая по отношению к домашним животным и как храбрая и смертоносная по отношению к диким зверям и ворону, нападавшим на её дом: она смело атакует, вместе с гусем, петухом и бараном убивает зайца, лису, медведя и ворона, что позволяет ей и всем живущим с нею прокормиться зимой.

В записях второй половины XX в. наблюдаем сохранение соотнесения кота/кошки с домом, а также мотивов изгнания и бездомности («Котушка и лиса», «Дружба собаки и кота», «Про кошечку»). Интересно, что в тексте «Котушка и лиса» мотив поиска котом нового дома утрачивается, что является нетипичным для записей XIX в. В сказке «Про кошечку» также находим особенность: подробно описывается, как кошка сама строит себе дом, ранее подобное не встречалось. Вероятно, в данных примерах наблюдается влияние бытовых реалий на поэтику фольклорного текста: от поведения выгнанных животных (кот убегает в лес) до принципов постройки дома (от рубки леса до возведения печи).

Устойчивым является мотив обмана, его обнаруживаем в сказках «Кот да Петушок», «Лиса и кот», «Кот и лиса» и «Дружба собаки и кота». Частотный для записей XIX в. мотив обжорства трансформируется в мотив голода («Дружба собаки и кота», «Про кошечку», «Котушка и лиса», «Кот и лиса»), что также приближает мир сказки к бытовым реалиям. Устойчив и связанный с образом кота/кошки мотив смерти («Дружба собаки и кота», «Про кошечку», «Котушка и лиса», «Кот да петушок», «Кот и лиса»). В сказке «Кот да Петушок» находим новый мотив – торговли шкурами убитых котом лис, что является региональной особенностью более поздних записей, отражением черт сибирского быта [6, с. 46].

Взаимодействия кота/кошки с дикими и домашними животными, а также с человеком в сказках XX в. имеют некоторые различия по сравнению с записями XIX в.

Сохраняется оппозиция дикие/домашние звери. Дикie животные часто боятся кота, его внешность и повадки внушают им страх: «Идёт кот Васька. Дорога-то грязная, кот ноги подергивает, грязь отряхивает. "У, сердитый какой!"» («Лиса и кот» [10, с. 240]); «... Медведь испугался: – До меня дело доходит! Спрыгнул медведь с лесины да бежать» («Кот и лиса» [10, с. 253]). Однако бытовые реалии оказывают влияние на сказку, в другом тексте мы встречаем эпизод, когда дикие животные угрозами заставляют кота взять их с собой: «Возьми, а то съем. Делать нечего – побежали» («Котушка и лиса» [10, с. 242]). У диких животных исчезает страх перед котом, и ему, чтобы избавиться от них, приходится идти на хитрость, заманив зверей в яму. В тексте «Про кошечку» кошка убивает диких зверей и съедает их мясо только при помощи других домашних животных, что изображает её реальные, а не фантастические физические возможности. В данном произведении мы встречаем и приближающие сказку к бытовым реалиям диалектные слова: «ошиньгать» (ощипать, растрепать), «ронжа» (сойка).

Особенные отношения складываются в сказках XX в. у кота и лисы. В тексте «Лиса и кот» лиса сначала зовёт Ваську на именины, но в конце, когда лесные звери пугаются и убегают от кота, она тоже скрывается: «А та и подумала: "Как бы и мне того же не было". Да и пустилась за всеми» [10, с. 240]. Здесь видим, что кот способен напугать лису и их намечающийся былo союз не складывается. В сказке «Котушка и лиса» кот становится причиной падения в яму диких животных, в том числе и лисы. Он способен обмануть лису, а она не может предугадать его хитрого замысла. В сказке «Кот да Петушок» кот убивает лисицу и её четверых лисят. Наблюдаем, что в текстах второй половины XX в. кот часто находится в оппозиции

к лисе, хотя изображение союза этих животных встречается в сказке «Кот и лиса», где брак двух плутов позволяет лисе манипулировать другими дикими животными: «Он у меня сердитый. Кое-кто не по ём – сейчас съес. Приготовь подарки, приходи познакомься» [10, с. 251]. Дикая лиса и домашний кот способны запугать, обмануть, подчинить лесных зверей, которые превосходят лису и кота в размере и количестве.

С домашними животными у кота/кошки в сказках поздних записей отношения неоднозначные. С одной стороны, они хорошие: в тексте «Кот да Петушок» кот защищает петушка, как и в аналогичной сказке XIX в., а в тексте «Дружба собаки и кота» собака является покровителем старого кота. Однако в сказке «Про кошечку» домашние животные относятся к кошке свысока, угрожают разрушить дом, если она не пустит их переждать зиму, а когда наступает весна, расходятся и не хотят общаться с героиней, несмотря на то, что она проявляла заботу о них.

Только в двух текстах («Котушка и лиса» и «Дружба собаки и кота») кот взаимодействует с людьми, и в обеих сказках его избивают и изгоняют из дома. В отличие от более ранних записей, кота не пытаются убить, возможно, это свидетельствует о приближении текста к реальности, об утрате образом некоторых демонических признаков.

В целом и в сказках второй половины XX в. кот и кошка всё так же опасны для диких животных: могут убить; косвенно повлиять на смерть; запугать или даже съесть. Домашние животные по-прежнему остаются под покровительством кота и кошки, но иногда могут их избегать. Отношения с человеком связаны с пользой, которую приносит кот/кошка: в текстах XX в., как и в более ранних записях, подчёркивается, что плохое отношение обусловлено характером кота/кошки или бесполезностью зверя для хозяйства из-за старости.

Архаические представления восточных славян, связанные с образом кота/кошки, более поздние записи, бытующие уже на других территориях, также сохраняют. В частности, благодаря связи с мотивом смерти и страху, внушаемому диким животным, кот/кошка предстаёт воплощением нечистой силы, о чуждой природе свидетельствует и некоторая отстранённость домашних животных от зверя. В сказках «Кот да Петушок» и «Про кошечку» реализуется древнее представление о коте/кошке как покровителе домашнего очага и обереге от злых сил. В тексте «Котушка и лиса» кот выполняет роль проводника-медиатора: лесные звери сами просятся идти вместе с ним. Двойственность натуры кота/кошки просматривается в каждом произведении: кот/кошка и страшный, и жалкий зверь; может и убить, и защитить; способен всё разрушить вокруг себя и построить уютный дом.

Рассмотрев характеристики и изменения в образах исследуемых персонажей в сказках второй половины XX в., мы можем отметить трансформацию типа трикстера, воплощаемого котом/кошкой. Это животное всё так же предстаёт защитником дома и домашних животных, что позволяет соотнести его с типом «своего» трикстера, однако в некоторых текстах происходит отчуждение кота/кошки от домашних животных, поэтому допустимо предположение, что кот/кошка-трикстер смещается в круге значений к типу «чужого» трикстера.

В русских народных сказках о животных, записанных в XX в. в Сибири и на Дальнем Востоке, где присутствует персонаж кот/кошка, сохранились основные приёмы создания его образа (речевая характеристика, характеристика качеств характера, элементы портрета, принципы наименования, комплекс связанных мотивов и способы взаимодействия с дикими и домашними животными, а также с человеком), что свидетельствует о стабильности восприятия данного животного в традиционной русской картине мира. Архаические представления о коте/кошке оказались устойчивыми в сказках и XIX, и XX вв., к их основным смысловым

составляющим относятся: кот/кошка – воплощение нечистой силы, кот/кошка как покровитель домашнего очага, кот/кошка как медиатор между миром людей и миром животных, кот/кошка как оберег от злых сил. Данные представления проявляют себя в основном на уровне мотивов, способов взаимодействия кота/кошки с другими персонажами, описания характера и элементов портретной характеристики. Сохраняется соотнесение кота/кошки с трикстером, однако тип трикстера обнаруживает тенденции к изменению: вместо «своего» и «сильного» трикстера кот/кошка начинает представлять как «сильный» и отчасти «чужой».

В качестве регионального компонента в текстах второй половины XX в. мы можем отметить акцент на сибирской и дальневосточной местности в описании пейзажа («Кот да Петушок»), связь имени одного из персонажей с северным животным («Дружба собаки и кота», пёс Соболь), диалектные слова «ошиньгала» и «ронжа» («Про кошечку») [6]. В сказке «Кот да Петушок» присутствует новый мотив – торговля шкурами, который отражает специфику Дальневосточного и Сибирского регионов [6]. Также в сказке проникает много бытовых реалий, образ кота/кошки изображается реалистичнее, отчасти утрачивает свою демоничность (ненасытная прожорливость сменяется обычным голодом, для победы над крупным врагом нужны помощники). Развитие получает гендерный аспект: кот всё так же остаётся героем большинства текстов, но раскрывается и образ кошки, с которым связывается разнообразная работа по дому, традиционно выполняемая женщиной (прядение, вязание и шитьё, приготовление пищи), а сама героиня предстаёт эмоциональной и нежной (уменьшительно-ласкательные суффиксы).

Список литературы

1. Берёзкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб.: ИДПО, 2003. С. 97–164.
2. Гордеева З.А. Образ кошки в современной культуре // Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 1 (10). С. 112–114.
3. Гура А.В. Кошка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 637–640.
4. Киселева М.С. Кот/кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 107–110.
5. Кондаков И.В. «Кот учёный» в русской и мировой культуре // Эйдос. 2015. С. 125–129.
6. Матвеева Р.П., Леонова Т.Г. Русские сказки Сибири // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных. Новосибирск: Наука, 1993. С. 10–50.
7. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 25–28.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева [Электронный ресурс]: в 3 т. / под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. М.: Наука, 1984. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.htm1> (дата обращения: 10.10.2022).
9. Радин П. Трикстер. Исследования мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1998. 288 с.
10. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.
11. Соколова М.В. Феномен гостеприимства в русских народных сказках [Электронный ресурс] // Сервис в России и за рубежом. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-gostepriimstva-v-russkih-narodnyh-skazkah> (дата обращения: 10.10.2022).

12. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка [Электронный ресурс] / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/sus> (дата обращения: 10.10.2022).

13. *Томова У.А.* Наименование домашних животных и птиц в сказках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья
УДК 821.111

**«НАВЕДУ ЛИ Я В ЗЕМЛЯХ МОИХ ПОРЯДОК?»:
АЛЛЮЗИИ НА ПОЭМУ Т. С. ЭЛИОТА «БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ»
В РОМАНЕ ДЖОНА ФАУЛЗА «ДЭНИЕЛ МАРТИН»**

Дина Юрьевна Червякова

старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
chervyakova.dyu@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме интертекстуальных включений в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин». Рассматриваются аллюзии на поэму Т.С. Элиота «Бесплодная земля». Прослеживается связь элиотовского образа распавшегося мира и лейтмотива руин в романе Фаулза. Выявляются особенности трактовки Фаулзом и Элиотом перспективы обретения человеком целостного восприятия мира.

Ключевые слова: Джон Фаулз, Т.С. Элиот, «Дэниел Мартин», целостность восприятия, мотив руин, аллюзия, английская литература XX века.

Для цитирования: Червякова Д.Ю. «Наведу ли я в землях моих порядок?» Аллюзии на поэму Т.С. Элиота «Бесплодная земля» в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Дальневосточный филологический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 95–108.

Original article

**“SHALL I AT LEAST SET MY LANDS IN ORDER?”:
ALLUSIONS TO T. S. ELIOT’S POEM “THE WASTE LAND”
IN JOHN FOWLES’S NOVEL “DANIEL MARTIN”**

Dina Y. Chervyakova

Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, chervyakova.dyu@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of intertextual inclusions in the John Fowles's novel «Daniel Martin». Allusions to T. S. Eliot's poem «The Waste Land» are considered. There is a connection between Eliot's image of the disintegrated world and the leitmotif of the ruins in Fowles' novel. The peculiarities of the interpretation by Fowles and Eliot of the prospect of a person gaining a holistic perception of the world are revealed.

Key words: John Fowles, T.S. Eliot, “Daniel Martin”, unified sensibility, ruins motif, literary allusion, XXth century English literature

For citation: Chervyakova D.Y. “Shall I at least set my lands in order?”: Allusions to T. S. Eliot's Poem “The Waste Land” in John Fowles's Novel “Daniel Martin” // Far Eastern federal University. 2023. Т. 1, № 1. С. 95–108. (In Russ.)

В произведениях Джона Фаулза читатель неизменно погружается в плотную атмосферу «чужого слова»: явственно или потаенно в них звучат голоса Шекспира и Лоуренса, Конрада и Гарди, Теннисона и Дефо, Дж. Остин, Дж. Элиот, Мередита, Шоу и многих других писателей от античности и до современности [1; 8; 15; 20; 27]. Имя Томаса-Стернза Элиота при анализе интертекстуальных связей романов Фаулза называется при этом нечасто, хотя в романах автора «Дэниела Мартина» неоднократно встречаются прямые цитаты из произведений англо-американского поэта, а огромное воздействие Элиота-критика и Элиота-поэта признавали многие современники Фаулза. Как сказала однажды Айрис Мердок, он «оказал на нас влияние, вся глубина которого еще до конца не выявлена» [6, с. 114], а в англо-американском литературоведении период со второй половины двадцатых и почти до середины шестидесятых годов прошлого столетия иногда называют «веком Элиота» [6, с. 114].

Неудивительно, что Фаулз хорошо знал поэтическое и литературно-критическое наследие своего предшественника: в начале пятидесятых годов он преподавал английскую литературу в Университете Пуатье и впоследствии, в эссе «Что стоит за “Магом”» (1994), иронизировал по поводу своего в те времена «путаного толкования» «Четырех квартетов» [13, с. 95]. Кроме того, – и это представляется еще более существенным – имя Элиота появляется в дневниках Фаулза в контексте размышлений о призвании и секретах писательского ремесла. Рассуждая о своих попытках писать, в октябре 1950 года будущий романист отзывается об Элиоте как о «подлинном» (pure) поэте [23, р. 53], а год спустя признает: «Он как оселок для творчества» [23, р. 99]. При этом творческий гений Элиота оказывается для него своеобразным вызовом, но все же не образцом для подражания, и, восхищаясь логической безупречностью поэтической мысли автора «Бесплодной земли», Фаулз уже в марте 1951 года пишет: «Он не отдавал своего сердца. В литературе он останется холодным каменным изваянием» [23, р. 99]. Элиот стремился к гармонии эмоционального и интеллектуального начал, утверждая в своих литературно-критических работах, что страсти должны быть не отменены, но прояснены «творческим умом». Однако в своих собственных произведениях, полагает Фаулз, Элиот-поэт допустил перевес начала интеллектуального.

И все же этот факт не отменял интереса к предшественнику. Хотя неопровержимость суждений знаменитого поэта почти выводила Фаулза из себя [23, р. 99], он продолжал вести с ним диалог. В том числе и в своих художественных произведениях. Хорошо известен эпизод, в котором герой его знаменитого «Волхва» (1965) Николас Эрфе находит на берегу моря антологию и обращает внимание на четыре отчеркнутые строчки. Они принадлежат последнему из «Четырех квартетов» Элиота «Литтл Гиддинг»:

Мы будем скитаться мыслью
И в конце скитаний придем
Туда, откуда мы вышли,
И увидим свой край впервые [17, с. 211] (перевод А. Сергеева)

Эта прямая отсылка к поэме Элиота играет в романе важнейшую роль, вводя ключевые мотивы и предупреждая, что Николас стоит у входа в лабиринт самопознания. Есть аллюзии на произведения Элиота и в новеллах сборника «Башня из черного дерева» (1974). В частности, Кэрол Барнум видит здесь связи с «Любовной песней Дж. Альфреда Пруфрока» [20, р. 141] и «Бесплодной землей» [20, р. 148].

В романе «Дэниел Мартин» (1977), опубликованном спустя десятилетие после первой редакции «Волхва», интертекстуальные связи с Элиотом довольно многочисленны. Они

проступают не всегда явно, но возникают в ключевых точках повествования. И главную роль здесь играют аллюзии на известнейшую поэму Элиота «Бесплодная земля».

Впервые отголосок этого произведения звучит уже во второй главе романа. Обсуждая с подружкой проблему реальности, способы ее отображения средствами искусства и оценивая свои «успехи» в индустрии кинематографа, Дэниел иронично замечает: «Коль цену хочешь знать осколкам, спроси руины» [11, с. 27]. Герой романа перефразирует здесь известную строку из заключительной строфы «Бесплодной земли»: «Обломками сими подпер я руины мои» [17, с. 82] (перевод С. Степанова). В романном переводе элиотовская аллюзия улавливается не сразу, но в оригинале она заметнее: *“If you want to know what the shored fragments are worth, ask the ruin”* [22, p. 13]. В этом убеждает сравнение с английским текстом поэмы: *“These fragments I have shored against my ruins”* [21]. В ответной реплике Дженни, с легкостью узнавшая текст, быстро подхватывает: «Так я вам это устрою. Иеронимо снова безумен» [11, с. 353] (*“Why then I’ll fit you. Hieronimo’s mad again”* [22, p. 13]). При этом собеседница Дэниела точно цитирует следующую строку поэмы.

Образ руин, акцентированный этими строками, играет в романе важнейшую роль. И прежде всего, он соответствует представлению Дэниела о состоянии его собственного «я». Чуть раньше в диалоге с Дженни ее собеседник уже прибегал к образу рассыпавшегося на части, распавшегося субъекта: «...все королевские пьесы и все королевские сценарии... и ничто в твоём сегодняшнем дне не может тебя, как Шалтая-Болтая, опять воедино собрать» [11, с. 26]. Хотя в оригинале имя персонажа известной английской песенки отсутствует (*“How all the king’s plays and all the king’s scripts... and nothing in your present can ever put you together again”* [22, p. 13]), переводчик помогает читателю не упустить в произнесенной фразе грустно-насмешливого напоминания о печальной судьбе того самого Шалтая-Болтая, которого не могут собрать воедино «вся королевская конница» и «вся королевская рать» (перевод С. Я. Маршак) (*“All the king’s horses, and all the king’s men, / Couldn’t put Humpty together again”* [26]). Англоязычная же аудитория Фаулза, безусловно, эту аллюзию легко замечает. Не исчезает пространственная метафора развалин внутреннего «я» и позже. Дженни, тонко чувствуя состояние любимого ею мужчины, произносит: «Я понимаю, сломалось что-то в душе, руины, осколки» [11, с. 28] (*“I know you’re in ruins somewhere”* [22, p. 13]). А Дэниел следом признательно называет Дженни одним из тех редких скрепляющих «обломков-фрагментов» (fragments), что все еще имеют в его жизни смысл и значение [11, с. 28].

Надо сказать, что не только для героя романа, но и для самого Фаулза фрагментарность – удел современного человека. Лишен целостности и его собственный внутренний мир. Спустя два десятка лет после публикации «Дэниела Мартина», в небольшом ироничном эссе «Клуб «Дж. Р. Фаулз» (1995), входящем в сборник «Кротовые норы», писатель обыгрывает представление о себе как целом «клубе», в котором один «вроде бы ученый, а другой вроде бы поэт» и где царит «поистине невыразимо бестолковый хаос» [13, с. 110].

При этом образ мира и «я» для Фаулза взаимосвязаны: фрагментированный человек не способен адекватно отобразить реальность, придав ей целостность и осмысленность. В предисловии к «Кротовым норам» он заметил, что в противовес известному обесцвечивающему взгляду на существование (*existence*), его самого всю жизнь не отпускал образ мозаики (*the mosaic*): в восприятии Фаулза полотно существования складывается из цветных, ярких, но неспаянных элементов, из отдельных мазков. И одну из своих ранних книг писатель даже собирался назвать «Тессеры» (кусочки мозаики) [13, с. 6]. Этот давний, настойчиво возвращающийся к нему метафорический

образ существования, как предположил сам Фаулз, может объяснить, почему первоначально он собирался дать «Кротовым норам» – сборнику созданных на протяжении нескольких десятилетий эссе – название «Осколки». И сразу же поясняет, что позаимствовал слово из уже цитированной выше строки поэмы Элиота: «Осколками я окаймил свои руины» [13, с. 6].

Неудовлетворенность заглавного героя «Дэниела Мартина» собственными достижениями, горькое чувство бесплодности предпринятых им в кинематографе попыток творческого «отражения реальности» и острая, болезненная потребность это изменить – вот та атмосфера, в которой возникают аллюзии на поэму Элиота. И часть процитированной Дженни элиотовской строки в этом случае получает дополнительное значение. Она звучит как обещание, обещание помощи: “*Why then I’ll fit you*”. Я тебе это устрою. И действительно, Дженни предлагает Дэну выход – написать роман, чтобы «правдиво отобразить реальность» [11, с. 29] (“*make reality honest*” [22, р. 14]). Дженни предлагает и главную тему будущего произведения Дэниела: «История твоей жизни. Как она есть» [11, с. 32] (“*Your real history of you*” [22, р. 16]).

На наш взгляд, образ Дженни типологически близок образам женских персонажей «Бесплодной земли». И не столько тем, что шотландская прабабка Дженни была, подобно мадам Сосострис, ясновидящей [17, с. 336], или тем, что Дженни во время разговора с Дэниелом «играет сивиллу» [11, с. 32] (“*playing sibyl*” [22, р. 16]), напоминая читателю об эпитафии к поэме [17, с. 334], сколько своей близостью к мифологическим образам, которые обнаруживаются и в генезисе элиотовских героинь. Женские образы у обоих писателей связаны с культом воплощающей творческое начало в природе Богини-матери, ипостасями которой являются Артемида-Диана, Деметра, Астарта, Исида, Кибела и целый ряд других женских божеств. Богиня-мать покровительствует плодородию почвы, скота и людей, а потому связана с сексуальной активностью как источником плодovitости и в этом аспекте созидания – с мифом о сезонном возрождении природы и умирающем / воскресающем боге. Включение Богини-матери в круг мифологических представлений о вечном возрождении было причиной того, что она рассматривалась как источник жизненной силы и бессмертия, откуда происходила ее связь с мистериями. В результате Богиня-мать часто считалась покровительницей тайного знания [7, с. 178–180]. Последняя ее функция объясняет связь этого мифологического образа с символической картой Таро. Одна из карт называется здесь «Верховная жрица», и на ней изображена сидящая на троне или в кресле и окутанная покрывалом женщина, на голове которой открытая вверх дуга, часто истолковываемая либо как рога (атрибут Исиды), либо как лунный серп (атрибут Артемиды), в руках же она держит лилию или книгу [5, с. 395; 16, с. 314].

В комментариях к поэме Элиот писал о том, что в ней все женщины сведены в один образ: «Все женщины являются одной женщиной» [18, с. 163]. И сквозь существующую в подтексте поэмы символику легенды о Святом Граале – в значительной степени варианта ритуалы умирающего и воскресающего бога – проступают связи этого единого образа и Богини-матери: «Невозможно возрождение Аттиса / Осириса без его жены / матери» [19, р. 50]. Связан он и с Верховной жрицей колоды Таро: отдельными деталями облика о ней напоминает Белладонна [19, р. 52], с которой комментаторы соотносят героиню второй части поэмы «Игра в шахматы» [17, с. 453].

Она сидела, как на троне, в кресле

<...>

Под гребнем пламенные языки

Её волос в мерцании камина... [17, с. 338–339] (перевод А. Сергеева)

В облике Дженни, на первый взгляд, ничто не выдает родства с обозначенными выше мифологическими образами. Но оно есть, и главным поводом для соотнесения является роль Дженни в создании романа. Эта роль соответствует одной из важнейших функций Богини-матери и состоит в ее участии (как супруги бога-творца) в творении мира. В данном случае, мира художественного. Тем более, что большинство женских персонажей романов Фаулза, ведущих героя по пути самопознания и тем исполняющих функции верховной жрицы мистерий, в целом связаны как с различными ипостасями Богини-матери (Деметра, Артемида, Исида, Астарта), так и с образом Верховной жрицы. При этом положение Дженни по отношению к другим женским образам романа особое: она единственная, кто оказывается как бы вне происходящих событий, единственная, кому даровано повествователем право на «взгляд со стороны» (так называется одна из глав, представляющая собой письмо Дженни Дэниелу). Наконец, имя этой героини – Jenny McNeil (Дженни Макнил) – намекает на её связь с двумя другими персонажами, Jane (Джейн) и Nell (Нелл). Можно сказать, что образ Дженни сочетает в себе оба начала женской природы: «жена» и «мать», сексуальность и мистериальность. Она одновременно Ева и Мария, Цирцея и Исида. У Элиота в отличие от Фаулза эти начала разведены в стороны и представлены несколькими самостоятельными рядами образов: как женщина-искусительница его героя Белладонна, Клеопатра, Мэй, Елизавета I; в своей чистоте и невинности – Гиацинтовая дева, Филомела, Офелия или Изольда; в материнской ипостаси – Исида и Мария [19, p. 56].

Отчаянная попытка Дэниела собрать воедино свое распавшееся «я», облечь в форму романа вдохновенную Дженни «подлинную» историю собственной жизни превращается в своеобразную инициацию этого героя. И весь инициальный путь разворачивается далее под приглушенный аккомпанемент «Бесплодной земли» Элиота, звучащей отголосками-мотивами в повествовании.

Новое вплетение аллюзий на поэму мы находим в главе «Catastasis». Здесь тяжело больной и уже решившийся на самоубийство Энтони, пытаясь объяснить Дэну цель, ради которой он его позвал, – исправить «неудачный проект» – произносит: «Попробуем взять реванш у мадам Сосотрис. С ее зловещей колодой карт» [11, с. 303] (*“A little revenge on Madame Sosotris. And her wicked pack of cards”* [22, p. 184]). Гадалка мадам Сосотрис с её колодой ведьминских карт (*“wicked pack of cards”* [21]) – персонаж, возникающий на страницах первой части «Бесплодной земли». Энтони во время встречи признается Дэниелу: «Перед нашей свадьбой Джейн сказала мне, что вы были близки. Такой вот джокер скрывался в той колоде» [11, с. 304] (*“Before we married, Jane told me that you and she had been to bed together. That was always the joker in the pack”* [22, p. 184]). И Дэну предстоит выполнить его последнюю просьбу, заключающуюся в том, чтобы «вытащить из-под всего наносного ту Джейн, ту ее личность, какой она могла бы быть» [11, с. 311] (*“to help disinter the person Jane might have been from beneath the person she now is”* [22, p. 188]). Вернуться в прошлое, чтобы пройти путь заново, выстроить свои отношения с бывшей возлюбленной теперь уже без Энтони.

Дальнейшие обращения к поэме возникают во второй, египетско-сирийской части романа, в обрамлении описания совместного путешествия Дэниела и Джейн. В главе «Остров Китченера» звучит маркированная повествователем цитата из «Бесплодной земли»: «Читаю много по ночам, зимою к югу уезжаю» [12, с. 360] (*“I read, much of the night, and go south in the winter”* [22, p. 564]). Но важнее, что здесь возвращается сквозной элиотовский мотив руин: цитируя Элиота, Джейн сидит на основании упавшей колонны (*“of the drum of a fallen column”*)

там, где «разрушенная стена облегчает спуск к самой воде» [12, с. 358] (*“a collapsed wall made it easy to clamber down nearer the water”* [22, р. 564]), а затем они с Дэниелом через руины медленно возвращаются на корабль (*“through the ruins”* [22, р. 566]).

К поэме отсылает нас и упоминание в главе «Перелеты» того «призрачного третьего», присутствие которого в своих с Джейн отношениях постоянно ощущает Дэниел: «Думаю, дело в третьем: он всегда с нами. Между нами <...> Давно знакомый совокупный призрак» [12, с. 428] (*“I suppose it’s that third person who’s always with us. Between us. <...> Our familiar compound ghost”* [22, р. 604]). Правомерность такого истолкования подтверждается через несколько страниц: «Слово было произнесено, и то, что стояло между ними, пусть даже это не было его – или Элиота – знакомым совокупным призраком, растаяло» [12, с. 435] (*“It had been said, and something between them, if not his – or Eliot’s – compound familiar ghost, had been removed”* [22, р. 608]). Дэниел вспоминает здесь строки из последней, пятой части поэмы:

Кто он, третий, вечно идущий рядом с тобой?

Когда я считаю, нас двое, лишь ты да я,

Но, когда я гляжу вперед на белеющую дорогу,

Знаю, всегда кто-то третий рядом с тобой,

Неслышный, в плаще, и лицо закутал [17, с. 350] (перевод А. Сергеева)

Характерно, что аллюзии на поэму Элиота возникают в тех эпизодах, где герои не используют возможность преодоления отчужденности. Так, во время последней встречи с Энтони Дэн чувствует с ним особую близость – единение, которого ему «так недоставало в общении с женщиной, оставшейся снаружи» [11, с. 296] (*“had been so lacking with the woman outside”* [22, р. 179]). И при этом он имеет в виду Джейн, решившую не подниматься в палату Энтони. Позже, во время остановки в Ком-Омбо, среди руин храмового комплекса, Дэниел с горечью осознает упущенную возможность «наведения мостов»: «он должен был обвить рукой её плечи, преодолеть разделяющее их пространство... эту нелепую нейтральную полосу, ничейную землю, которой они сами отделили себя друг от друга» [12, с. 363–364] (*“he should have put his arm around her shoulders, at least closed that space... this ludicrous emotional no-man’s-land they had decreed between them”* [22, р. 567]). А обсуждая с Джейн «призрачного третьего», заглавный герой чувствует нарастающее разочарование: нечто, их разделяющее, стоит подобно стене из небьющегося стекла [22, р. 605]. Заметим, что мотив отчужденности звучит в этих эпизодах в пространственном преломлении: «снаружи», «пространство», «ничейная земля» или «стекло» как преграда.

Но с особой силой нарастает голос Элиота в последних, сирийских главах романа – «Край света» и «Сука», – повествующих о пути Дэниела и Джейн в древнюю Пальмиру и о пребывании в ней. Поднимаясь в горы под «тяжелым пологом туч» [12, с. 453] (*“heavy cloud”* [22, р. 619]), все еще чужие друг другу, герои едут вдоль неприятного побережья, разрушенного бесконтрольным строительством, и дорога ведет их всё вверх и вверх «по голым, исхлестанным ветром склонам» [12, с. 454] (*“over bare, wind-scorched slopes”* [22, р. 619]), над «бесплодными и бесцветными болотами» [12, с. 456] (*“a barren and color-drained moor”* [22, р. 621]). Пейзажи пятой части поэмы и сирийских глав романа определенно схожи: над вершинами гор и в поэме [17, с. 351], и в романе сгущаются тучи [12, с. 453]. Мелькнувший в поэме образ хижин, глиняные стены которых растрескались от засухи (*“mudcracked houses”* [21]), отражается сбившейся группой глинобитных лачуг (*“a congregation of domed clay huts”* [22, р. 622]) на горной дороге, ведущей героев английского романиста к Пальмире. Враждебные взгляды (*“hostile eyes”* [22,

р. 619)) встреченных ими по дороге сирийцев напоминают об угрюмых лицах (“*sullen faces*” [21]) людей, выглядывающих из своих хижин в поэме. Пара пастухов, закутанных в плащи с капюшонами, и тем смутно похожих на монахов [22, р. 623], снова приводит на память строку о «призрачном третьем» Элиота [21]. Общую атмосферу этого отрезка пути повествователь выразительно обрисовывает всего в нескольких словах: «холод, ветер и запустение» [12, с. 454] (“*the cold and the wind and the desolation*” [22, р. 620]).

Кроме того, один за другим в этой главе возникают образы, вводящие мотив смерти: замок Крака де Шевалье напоминает Дэниелу массивный и зловещий катафалк (“*a formidable and forbidding catafalque*” [22, р. 619]), а в поле зрения путешественников попадает то убитая птица, то скелет погибшей овцы. Место, где они находятся, вскоре уже явственно напоминает потусторонний мир, и во время последней перед Пальмирой остановки герои чувствуют себя на окраине преисподней: «Все вокруг показалось им похожим на тот край чистилища, что ближе всего к аду» [12, с. 457] (“*But it began... to look more like the end of the limbo nearest to the hell*” [22, р. 621]).

По мере приближения к Пальмире местность становится все пустынное, все мрачнее, и густой туман укрывает простертые вокруг беспредельные пески [22, р. 622]. Чем ближе к древнему городу, тем призрачнее становится пейзаж. «Все кажется совершенно ирреальным» [12, с. 461] (“*Nothing seems real any more*” [22, р. 624]), – говорит Джейн о своих ощущениях. Подчеркивает инфернальную атмосферу мотив тумана. Это явление столь редко для пустыни, что кажется Дэниелу особенно странным. А когда они достигают конечной точки своего путешествия, о загробном мире заставляет вспомнить и косоглазый старик в гостинице Пальмиры, явственно напоминающий Дэну Тиресия [22, р. 634], так звали встреченного в Аиде гомеровским Одиссеем слепого прорицателя, и одновременно то же имя носит сквозной персонаж «Бесплодной земли».

Мотивы смерти, разрушения, пустыни, бесплодия, тумана с каждой страницей звучат все настойчивее, концентрируясь, наконец, в образе «безграничного кладбища мертвого города» [12, с. 462] (“*the huge graveyard of the dead city*” [22, р. 624]), «ирреального окаменелого леса полуразрушенных колоннад, сломанных стен и упавших капителей» [12, с. 462] (“*an unreal petrified forest of broken walls, colonnades, fallen capitals*” [22, р. 624]) и окутавшей все это «абсолютной, мертвой, макабрической в древнейшем (и изначально арабском) значении этого слова, тишины» (“*a profound silence, macabre in the oldest, and appropriately Arabic, sense of the word*” [22, р. 624]).

Тональность этих глав, их лейтмотивы (за двумя, очень важными исключениями, о которых речь пойдет ниже) звучат в унисон последней пятой части поэмы:

Нет здесь воды всюду камень

Камень и нет воды и в песках дорога

Дорога которая вьется все выше в горы

Горы эти из камня и нет в них воды

<...>

Что за город там над горами

Разваливается в лиловом небе

Рушатся башни

Иерусалим Афины Александрия

Вена Лондон

Призрачный [17, с. 349–350] (перевод А. Сергеева)

В ряд древних и современных столиц поэмы Элиота органично встраивается сирийская Пальмира «Дэниела Мартина» – еще один некогда великий и превратившийся в развалины призрачный город, к которому уводит путешественника петляющая посреди песков горная дорога.

В следующей главе («Сука») приглушенно звучат и несколько дальнейших элиотовских строк:

Это пустая часовня, жилище ветра,

Окна разбиты, качается дверь.

Сухие кости кому во вред? [17, с. 351] (перевод А. Сергеева)

Эхом этого разрушенного пристанища ветра отзывается в романе лишенный окон и дверей, насквозь продуваемый храм Баала: Джейн и Дэниел осматривают его во время своей прогулки по Пальмире. Похожие на «стук сухих костей» [12, с. 501] (“dry bones clicking” [22, р. 648]) странные звуки, что издают кружащие над храмом Баала вороны, тоже напоминают об Элиоте. Мертвые, стучащие и трещащие «сухие кости» (“dry bones”) – лейтмотив не только этой поэмы (он возникает также во второй и третьей ее части), но и других произведений Элиота («Рэпсодия ветреной ночи», «Пейзажи», «Пепельная среда»).

Очередной аллюзией к поэме оказывается упоминание собаки, чей лай преследует Дэниела и Джейн в тех же главах. Сразу по приезду в Пальмиру герои слышат, как «где-то в развалинах залаял бродячий пес» [12, с. 466] (“somewhere out in the ruins a pariah began to bark” [22, р. 626]). Затем лай снова раздается во время их разговора [22, р. 633] и повторяется во время прогулки: «Где-то в тумане, справа от них, совсем близко, хоть и неразличимый во тьме, злобным лаем залился учуявший их пес, может быть, тот самый, которого они слышали раньше» [12, с. 484] (“Somewhere in the mist to their right a sharp-eared dog, invisible but seemingly quite close, perhaps the same one they heard earlier, began to bark with intense suspicion. They turned, defeated, menaced by the canine voice. It followed them sporadically, a soul caught between anger and despair, all the way back” [22, р. 637]). Об опасности нападения собаки предостерегает героев и шофер в гостинице, не советуя прогуливаться среди развалин [22, р. 636]. При этом о связи образа пса с поэмой Элиота говорит сам повествователь. В очередной раз услышав лай, Дэн «опять вспомнил Т. С. Элиота – «Подальше Пса держи...» [12, с. 488] (“thought once more of T. S. Eliot: oh keep the Dog far hence...” [22, р. 640]).

Наконец, в главе «Край света» приглушенно, просто как пришедшее на ум слово, в потоке размышлений Дэниела звучит и само название поэмы: «Он думал о Джени, о предательстве, о мостах, о пропастях, о бесплодных землях» [12, с. 486] (“He thought of Jenny, betrayal; bridges, brinks, wastelands” [22, р. 638]). И упоминание о бесплодной земле, пустыне связано в этот момент не столько с окружающим героя безжизненным ландшафтом Пальмиры, сколько с самоощущением, образом собственного «я», потому что чуть раньше, обращаясь к озябшей Джейн и держа её за руки, он предложит: «Все тепло этой бесплодной земли – твое» [12, с. 486] (“Any warmth. In a wasteland” [22, р. 638]).

Приведенные примеры позволяют увидеть, что голос Элиота явственно слышен в романе на протяжении всего повествования. При этом вторая и последняя главы романа образуют своеобразную композиционную рамку основной его части – инициального пути-путешествия Дэниела, сначала в Англию, а потом совместно с Джейн по Египту и Сирии. И именно вторая глава вводит важнейшую для Фаулза элиотовскую тему – тему распада целостности. Аллюзии, возникающие далее в лондонских главах «Дэниела Мартина», переносят нас к

первой части поэмы, «Погребение мертвого», а появляющиеся в сирийских эпизодах – преимущественно к последней, «Что сказал гром». Таким образом, романский сюжет разворачивается почти симметрично движению сюжета поэмы: от ее первой части – к пятой, от смерти к возможности (или невозможности) возрождения.

Интерес обоих авторов к проблеме целостности и способов ее обретения – своеобразная точка пересечения текстов. При этом целостность восприятия мира и личностная целостность неразрывно связаны и для Фаулза, и для Элиота. Подчеркивая сложность перевода на русский язык элиотовского понятия «распад восприятия» (“dissociation of sensibility”), О.И. Половинкина отмечает, что “sensibility” в системе мысли Элиота «предполагает <...> нераздельность чувственного, эмоционального и интеллектуального опыта» [9, с. 305]. В свою очередь распад (dissociation) этого внутреннего единства, единого состояния сознания, влечет за собой распад творимого образа мира: «Если же мы попытаемся вновь придать миру целостность, после того, как разделили его на сознание и объекты, мы обречены на поражение», – писал Элиот [9, с. 307]. Именно это, по мнению англо-американского критика, произошло с современной поэзией, которая лишена присущего произведениям Данте единства мысли, чувства и ощущения. Высказанная Элиотом мысль близка Фаулзу. Английский романист тоже пытается найти пути преодоления раздробленности внутреннего мира человека и фрагментарности его мировосприятия.

Но здесь возникает важное различие в позициях авторов. Заключается оно в следующем. Элиотовская картина мира строится на признании существования «объективной, не зависимой от субъекта реальности» [2, с. 43]. А значит, важнейшая цель человека – «обнаружение и осмысление абсолютных ценностей, изначального смысла бытия» [4, с. 31–32]. Познание внеположенных человеку метафизических ценностей, религиозный опыт, обеспечивает целостность видения мира и способен привести человека к личностной целостности. Тогда как отчуждение человека от этой подлинной реальности, от Бога, влечет распад целостности восприятия. Но в современном мире человек уже не чувствует в основании многообразной реальности единого божественного начала, а следовательно неизбежно утрачивает целостность восприятия.

Для Фаулза же не существует «верха пирамиды» [14, с. 35]. Он пишет в «Аристосе»: «Какую бы симпатию к религиям и какое бы восхищение некоторыми из их последователей я ни испытывал, какую бы историческую и биологическую необходимость и какую бы метафорическую истину я в них ни усматривал, я не могу принять их в качестве вероятных объяснений реальности» [14, с. 52]. Его внимание сосредоточено на человеческом существовании, бытии-в-мире как непосредственном переживании лишенной единого высшего смысла, абсурдной по природе своей, реальности.

В романе Фаулза элиотовское представление о мире ближе Энтони, нежели заглавному герою. Друг студенческих лет Дэниела глубоко религиозен, он всецело принимает идею универсального абсолюта (“*a universal absolute*” [22, р. 189]), но одновременно не отвергает ценности разума, отдавая должное рациональному началу. Элиот также «не считал возможным сводить мистические состояния к религиозной экзальтации, исступлению чувств или интуитивным прозрениям. Он был убежден, что в мистицизме созерцание Бога должно достигаться через “подчинение эмоций и ощущений интеллекту”» [9, с. 312]. Примечательно, что эхо Элиота возникает в письме Энтони, ставшем последней точкой в их с Дэниелом дружеских отношениях. Оно было написано в особый день – в Пепельную Среду (Ash Wednesday) [11, с. 292]. И это упоминание, возможно, отсылает к знаменитой поэме Элиота с тем же названием – «Пепельная Среда» (Ash Wednesday). Обратим внимание еще на одну деталь, также с некоторой

вероятностью напоминающей об Элиоте: в палате умирающего друга Дэниел видит репродукцию картины Мантеньи «Святой Себастьян». Дело в том, что на самом позднем из трех вдохновленных этим религиозным сюжетом полотен итальянского живописца изображена тонкая свеча, обвитая пергаментом. На нем читается латинская надпись: “*Nil nisi divinum stabile est; caetera fumus*”. Элиот же использовал эти слова как часть эпиграфа к своему известному стихотворению «Бурбанк с “Бедеккером”, Бляйштейн с сигарой»: “*Nil nisi divinum stabile est; caetera fumus*” («Ничто, не божественное, не постоянно, все есть дым». Перевод В. Топорова [18, с. 136]). Отметим, однако, что наличие здесь аллюзии не бесспорно. У Мантеньи три картины на этот сюжет. И две ранние (1456–1459 гг. и 1480 г.) воспринимаются визуальной параллелью к предстоящему Дэниелу пути: на полотнах пронзенный стрелами святой изображен на фоне руин храма и поднимающейся к вершине горы дороги за его спиной. Возможно, автору важны именно мотивы руин, ведущей вверх горной дороги, мучительного испытания и ритуальной смерти. В третьей же версии сюжета, где появляется процитированная фраза, образов руин и дороги нет. Фаулз при этом не уточняет, репродукция какого из полотен находится в палате его героя.

В истории самого Дэниела Мартина попытка обретения целостности опирается на иные, чем у Элиота основания. И она – что особенно важно – осуществима. В то время как в мире Элиота любая попытка современного человека вырваться из чреды форм жизни-в-смерти обречена на неудачу по причине его греховности [3, с. 46], в романе на протяжении всего повествования бесплодной земле противостоит образ потаенной, плодородной и зеленой Священной долины (The Sacred Combe), напоминающей об Эдемском саде. В восприятии Элиота чувственная, земная страсть губительна: «Человек предстает как осквернитель, заражающий огнем своей страсти мир, природу, которая также становится воплощением всего чувственного и греховного. Но чувственность мимолетна, она исчерпывает себя, и природа предстает опустошенной, бесплодной, утратившей былую страсть» [4, с. 59]. В поэме «Пепельная среда» современный человек

«... дрожит, перепуган делами своими

И упорствует в мире и отрицает меж скал

В последней пустыне меж голубеющих скал

В пустыне сада, в саду пустыни

Где духота выплевывает изо рта иссохшее, семечко яблока» [17, с. 96] (перевод А. Сергеева)

Яблоко у Элиота – напоминание о первородном грехе, преследующем человека [10, с. 346], и иссохшие семена его («the withered apple-seed») бесплодны. У Фаулза же мотив яблока скорее должен напоминать не о смерти, но о познании. Познании, несущем боль и тяжелейшие испытания, но необходимом: Дэну «вчерашний день представлялся теперь раем – до яблока с древа познания» [12, с. 440] (“*yesterday began to seem like Eden before the apple of knowledge*” [22, p. 612]). Для английского романиста чувственная сторона человеческих отношений – важная ступень на пути постижения себя и мира. Именно через опыт любви человек прорывается к пониманию жизни, и «Дэниел Мартин» – «очередная вариация важнейшей для всего творчества Джона Фаулза темы – достижение зрелости <...> через опыт любви» [28, p. 95] (Перевод наш. – Д. Ч.). Физическая близость героев оказывается в романе необходимым этапом пути, пусть Дэниелу и кажется после их первой после многих лет совместной с Джейн ночи, что ничего не изменилось. Но когда утром он выглянул в окно, оказалось, что туман

рассеялся, и вершины холмов начали высвобождаться из-под серого полога туч, хотя сам Дэниел этого почти не замечает [22, р. 645].

Новая жизнь пробуждается постепенно, незаметно и для героя, и для читателя. Возвращение Дэниела в Англию происходит зимой, и только в середине романа, в Торнкуме, где он наконец решается пригласить Джейн в Египет, впервые звучит мотив весны, дающей о себе знать в легкой прозелени воздуха [22, р. 425]. Небо еще укрыто тяжелой пеленой туч, вновь и вновь моросит дождь, но земля уже пробуждается, и старый Бен с удовольствием показывает Дэну серо-зеленые листья артишоков, среди зимы возвещающих возвращение весны (*"announce spring"*) [22, р. 449]. Образ вновь обретающей плодородную силу земли дает о себе знать и благодаря проступающим в тексте романа пунктирным линиям строк элиотовской поэмы. Следом за строкой из Элиота, что цитирует Джейн, в поэме звучат следующие слова:

Что там за корни в земле, что за ветви растут

Из каменистой почвы? [17, с. 335] (перевод А. Сергеева)

Земля уже не бесплодна, и хотя в этот момент шаг к преодолению разделяющего героев расстояния еще не сделан, взаимопонимание между ними уже наметилось.

В главах, посвященных Пальмире, образ бесплодной земли, на первый взгляд, особенно мрачен, а предельная безжизненность пейзажа вызывает ощущение безысходного погружения в царство смерти. Дэниелу кажется, что они «вернулись назад, к началу, когда не могли коснуться друг друга, не могли говорить, не могли смотреть друг другу в глаза; только теперь стало еще хуже» [12, с. 502] (*"were back, but in a far worse way than before, in this bitter, forsaken place, to not touching, not saying, not looking"* [22, р. 649]). Простертые вокруг «руины без конца и края служили неопровержимым комментарием к самим себе и к тому что пролегло между двумя молчащими» [12, с. 501] (*"the endless ruins, were their own inexorable commentary, as well as one on what lay between two the marchers"* [22, р. 648]).

Но уже в самом начале первой из двух сирийских глав («Край света») вновь возникает предвестие грядущего возрождения, возврата Персефоны (и Эвридики, как однажды называет Джейн Дэниел [22, р. 593]) из преисподней на землю: повествователь упоминает, что зимний воздух Средиземноморья был почти весенним [22, р. 617]. А чуть позже, подъезжая к древнему городу среди холода и темноты, герои романа видят, как в небе наметилось далекое сияние (*"a distant luminescence"* [22, р. 624]).

Кроме того, в сирийских главах романа есть два важнейших мотива, звучащих принципиально иначе, чем в последней части поэмы. Это мотивы воды и тишины. В последней части «Бесплодной земли» не найти тишины: *"There is not even silence in the mountains"* [21]. Скорбный материнский голос разливается высоко в небе, раздается бой башенных часов и рушатся сами башни, поет сухая трава и цикады, предвещает своим криком конец времен петушок на флюгере, наконец, грохочет свое «Да» гром. В романе Фаулза, напротив, голоса гаснут, звуки заглушаются по мере приближения к Пальмире, оборачиваясь той глубинной, абсолютной, мертвой (*a profound*) тишиной, что встречает героев по прибытии. Только время от времени раздающийся лай, да приглушенные разговоры в гостинице нарушают эту тишину. И ничье громовое «Да» не зазвучит с небес. Лишь донесется плач щенков «из глубин земного существования», подсказывающий, что человеку не приходится рассчитывать на помощь свыше. Кроме того, в поэме Элиота растрескавшаяся земля безводна, колодцы иссякли и обмелел Ганг, и даже гром гремит лишь обещанием дождя. Но в романе Фаулза бесплодный, почти безжизненный пейзаж не знает подобной засухи. Направляясь в Пальмиру, Джейн и Дэниел

под аккомпанемент моросящего холодного дождя проезжают мимо сбегающих вниз ручейков (*"slopes, with runnels of water everywhere"* [22, p. 619]), и там, где лежит их путь, должно быть, не так давно прошли обильные дожди (*"a lot of rain recently"* [22, p. 619]), а в замке, где они останавливаются по дороге, со сводов капает вода (*"the roof dripped water"* [22, p. 619]). В самом древнем городе дождь только обещан прогнозом, но воздух пронизывающе сырой (*"a bitter dankness hung in the air"* [22, p. 636]), густой влажный туман змеится в свете фонаря [22, p. 636], а в гостинице, к удивлению Дэниела, есть ванная и холодная вода [22, p. 625]. Вода – необходимое условие жизни и плодородия. И пусть в романе она порою превращает почву в жидкую грязь [22, p. 619], но дает надежду на зелень новой весны.

Стеклянная преграда между героями разбивается, наконец, в следующей главе, где они преодолевают разделяющую их полосу отчуждения. Сам Дэниел ощущает, что происходящее в этой точке пространства и времени особенно важно, что «вся его жизнь вела именно сюда, к этой кульминационной точке, к этому фокусу» [12, с. 504] (*"all his resent life had been leading here: to this potential climax and focus"* [22, p. 650]). И позади ключевой сцены этой главы снова виден мир «Бесплодной земли». Центральным здесь становится уже упомянутый элиотовский образ Собаки: неслучайно глава называется «Сука». В тот момент, когда Дэн с горечью признает невозможность восстановления былых отношений с Джейн, происходит событие, позволяющее ему понять ошибочность своих выводов. Это событие внешне совершенно непримечательно: Дэн и Джейн увидели превратившийся в груды обломков храм, и слышали, как «над песком, откуда-то из развалин, сочился к ним тихий жалобный звук: голос несчастья из глубин земного существования» [12, с. 505] (*"across the sand there seeped a sound from it: a whimpering, an unhappiness from the very beginning of existence"* [22, p. 650]). Это был плач двух крошечных щенков, чуть поодаль от которых стояла их мать [22, p. 651].

Но кажущаяся незначительность обманчива: в этой сцене, наконец, являет себя жизнь, что все же теплится под безжизненными и бесплодными руинами. И увиденное помогает Джейн и Дэниелу шагнуть навстречу друг другу: «двое двуногих превратились в одно» [12, с. 508] (*"the two bipeds as one"* [22, p. 652]). Роман в итоге оказывается историей медленного движения Джейн и Дэниела навстречу друг другу, повествованием о постепенном преодолении разделяющей этих мужчину и женщину полосы отчуждения. Они необходимы друг другу. Только так Джейн возвращается к себе самой после подавляющего «все интуитивные проявления ее натуры» [11, с. 306] брака с Энтони. И только так после inferнальной атмосферы сирийских глав, после инициальной «смерти» оказывается возможным возрождение главного героя: на развалинах Пальмиры, в восстановленном союзе с Джейн, Дэниел обретает надежду на обретение личностной целостности и полноты мировосприятия. Таким образом, для Фаулза преодоление распада восприятия мира и распада «я» оказывается возможным, и осуществляется оно только в любви. Именно любовь позволяет человеку вынести абсурдность существования, выстоять при всем трагизме человеческого удела. И именно любовь Джейн (и к Джейн) позволяет Дэниелу надеяться, что «бесплодная земля» вновь созреет жатвой – его романом.

Обобщая сказанное выше, отметим, что аллюзии на поэму «Бесплодная земля» возникают в контексте одной из центральных тем романа «Дэниел Мартин» – темы возрождения главного героя, возвращения ему творческой силы.

Подлинное творчество требует целостного отражения реальности. Но последнее невозможно без единства глядящего на этот мир «я». Дэниел же в исходной повествовательной точке отчетливо сознает собственную фрагментарность. Руины и бесплодная земля – емкое образное

отражение и его самого, и открывающейся ему картины мира. Поэтому во второй главе романа не просто звучит цитата из «Бесплодной земли» Элиота, но заглавный герой романа перефразирует слова лирического героя: элиотовская тема «проросла» в сознании Дэниела, стала его собственной. Однако мотивом распада мировосприятия не ограничивается связь между произведениями. С необходимостью за ним следует вопрос о возможности преодоления этого состояния, о возможности вернуть плодоносные силы безжизненно иссохшему, рассыпавшемуся на осколки-обломки миру. И если вопрос лирического героя поэмы Элиота, сумеет ли он навести в землях своих порядок, остается без ответа, то в романе Фаулза бесплодная земля оживает, давая художнику шанс на обильную «жатву».

Список литературы

1. *Аминева Е.С.* Традиция викторианской литературы в творчестве Джона Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Екатеринбург, 2011. 25 с.
2. *Аствацатуров А.А.* Т. С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля». СПб, 2000. 240 с.
3. *Аствацатуров А.А.* Проблема смерти в поэтической системе Т. С. Элиота // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 34–50.
4. *Аствацатуров А.А.* Феноменология текста: Игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 288 с.
5. *Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* Энциклопедия символов. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. 504 с.
6. *Красавченко Т.Н.* Реальность, традиции, вымысел в современном английском романе // Современный роман. Опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 127–154.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. Энциклопедия, 1994. Т. 2. 719 с.
8. *Папкина Д.С.* Шекспировские аллюзии в прозе Джона Фаулза: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Великий Новгород, 2004. 161 с.
9. *Половинкина О. И.* Метафизическая поэзия в американской литературной традиции: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03. Москва, 2006. 490 с.
10. *Ушакова О.М.* Европейская культурная традиция в творчестве Т. С. Элиота: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03. Москва, 2007. 472 с.
11. *Фаулз Дж.* Дэниел Мартин: Роман: В 2 т.: Т. I / пер. с англ. И. М. Бессмертной. М.: Махаон, 2000. 608 с.
12. *Фаулз Дж.* Дэниел Мартин: Роман: В 2 т.: Т. II / пер. с англ. И. М. Бессмертной. М.: Махаон, 2001. 560 с.
13. *Фаулз Дж.* Кротовые норы / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. М.: Махаон, 2002. 640 с.
14. *Фаулз Дж.* Аристос / пер. с англ. В. Нугатова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 432 с.
15. *Циглер Е.М.* Литературные заимствования в постмодернистской прозе Великобритании (Дж. Фаулз, Э. Берджесс, А. Картер, А.С. Байатт). Автореф. Минск, 1999. 20 с.
16. *Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2001. 591 с.
17. *Элиот Т.С.* Полые люди. Санкт-Петербург: Кристалл, 2000. 464 с.
18. *Элиот Т.С.* Поэзия и драма / пер. с англ. И. Полуяхтова. М.: ИП Галин А. В., 2012. 496 с.

19. *Abdoo Sh.* Woman as Grail in T.S. Eliot's *The Waste Land* // *The Centennial review*. 1984, Vol. XXVIII, № 1. P. 48–60.
20. *Barnum C.M.* Theme and Variations // *Critical essays on John Fowles*. – Boston, Massachusetts. 1986. P. 133-155.
21. *Eliot T.S.* *The Waste Land*. [Электронный ресурс] // Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1321/pg1321-images.html> (дата обращения: 30.11.2022).
22. *Fowles J.* *Daniel Martin*. New York. A Signet book, 1978. 673 p.
23. *Fowles J.* *The Journals*. Vol.1: 1949-1965. New York: Alfred A. Knopf, Publisher 2005. 668 p.
24. *Fowles J.* *The Magus*. New York, Boston, London: Little, Brown and Company, 2001. 656 p.
25. *Fowles J.* *Wormholes*. London: Vintage, 1999. 484 p.
26. Humpty Dumpty [Электронный ресурс] // Lit2Go. The Collection of Children's Literature. URL: <https://etc.usf.edu/lit2go/74/nursery-rhymes-and-traditional-poems/5181/humpty-dumpty> (дата обращения: 30.11.2022).
27. *Palmer W.J.* *The Fiction of John Fowles: Tradition, Art, and the Loneliness of Selfhood*. Columbia Univ. of Missouri press, 1974. 113 p.
28. *Onega S.* *Form and Meaning in the Novels of John Fowles*. UMI Research Press. Ann Arbor/London, 1989. 207 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 811.521

АНТОЛОГИЯ ТАКАМУРА КОТАРО И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Татьяна Иосифовна Бреславец¹, Илья Александрович Красюченко²,
Марина Васильевна Пантелеева³

^{1, 2, 3}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹кандидат филологических наук, профессор, breslavets.ti@dvfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

²студент пятого курса, krsiuchenko.ia@students.dvfu.ru

³кандидат политических наук, доцент, panteleeva.mv@dvfu.ru

Аннотация. Обсуждается антология японского поэта Такамура Котаро (1883–1956) «Стихи о Тизэко» («Тизэкошэ:», 1912–1941). Выявляются экстралингвистические факторы её создания, лингвокультурные составляющие текста. Анализируются критерии перевода в соответствии с требованиями переводческой деятельности. Иллюстрацией служат переводы на русский и английский языки стихотворения «Пробуждение зимним утром» («Фую но аса но мэдзамэ», 1912). Перевод на английский точно передаёт все аспекты оригинала, перевод на русский выполнен в свободной манере. Высоко оценивается их адекватность и художественность.

Ключевые слова: японская поэзия, Такамура Котаро, критерии перевода.

Для цитирования: Бреславец Т.И., Красюченко И.А., Пантелеева М.В. Антология Такамура Котаро и проблемы перевода // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 109–120.

Original article

ANTHOLOGY BY TAKAMURA KOTARO AND PROBLEMS OF TRANSLATION

Tatiana I. Breslavets¹, Ilya A. Krsiuchenko², Marina V. Panteleeva³

^{1, 2, 3}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹Candidate of Philological Sciences, Professor, breslavets.ti@dvfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

²Fifth Year Student, krsiuchenko.ia@students.dvfu.ru

³Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, panteleeva.mv@dvfu.ru

Abstract. The article discusses the anthology of the Japanese poet Takamura Kotaro (1883–1956) “Poems about Chieko” (“Chiekosho”, 1912–1952). The linguacultural components of the text, extralinguistic factors of its creation are revealed. Translation criteria are evaluated. The study is illustrated by the translations into Russian and English of the poem “Awakening on a Winter Morning” (“Fuyu no Asa no Mezame”, 1912). In translation into English, the equivalence of texts is

achieved and the author's style is observed. The Russian translation is made in the free manner of an adequate translation.

Keywords: Japanese poetry, Takamura Kotaro, translation criteria.

For citation: Breslavets T.I., Krasiuchenko I.A., Panteleeva M.V. Anthology by Takamura Kotaro and Problems of Translation // Far Eastern Philological Journal. 2023. T. 1, № 1. P. 109–120. (In Russ.)

Введение

Член Японской академии искусств Такамур Котаро (高村 光太郎, 1883–1956) более всего известен как автор антологии «Стихи о Тиэко» (「智恵子抄」, «Тиэкося», 1912–1941) [23], заслужившей внимание переводчиков и учёных в Японии и за рубежом. В статье ставится цель раскрыть особенности творчества поэта как представителя литературы символизма в Японии, оценить критерии перевода и результат. В круг задач входит осмысление лингвокультурной составляющей текста, раскрытие экстралингвистических факторов, повлиявших на его создание, изучение соответствия перевода конвенциональным требованиям переводческой деятельности.

Иллюстрацией исследования служат переводы на русский и английский языки стихотворения «Пробуждение зимним утром» («Фую но аса но мэдзамэ», 1912) из антологии Такамур Котаро, не изучавшегося ранее с позиций переводоведения.

Анализ осуществляется на основе сравнительно-сопоставительного метода, с привлечением положений теории перевода, изложенным В. Н. Комиссаровым, и «модели ограничений», представленной в статье Эрико Сато и Лесли Клопер. Исследование ведется также с опорой на концепцию фоновых знаний, разработанную Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым.

Для изучения творчества Такамур Котаро обращено внимание на работы А. А. Долина, статьи О. А. Мельничук и Е. С. Руфовой, Джеймса О'Брайена, Эрико Сато, Тории Маюми. Переводчиками выступили Д. В. Коваленин и Фурута Соити.

Скульптор и поэт

Творчество Такамур Котаро (рис. 1) невозможно рассматривать в отрыве от его жизни, личной трагедии или успеха. Эти факторы важны для корректного восприятия и перевода его произведений.

Антологию «Стихи о Тиэко» поэт посвятил жене (рис. 2), включив в собрание стихи, писавшиеся в течение многих лет.

Художница и поэтесса, Наганума Тиэко (長沼智恵子, 1886–1938) родилась в семье преуспевающего производителя сакэ в г. Адати (ныне – г. Нихоммацу, преф. Фукусима). После окончания школы она продолжила образование в Японском женском университете в Токио (1903–1907). Тиэко проявляла интерес к искусству Запада и, став художницей, писала маслом. Она участвовала в деятельности феминистского журнала «Сэйто» (「青踏」, «Синий чулок», 1911–1916) и оформила обложку его первого выпуска (рис. 3).

С Такамур Котаро она познакомилась в 1911 г., вышла за него замуж в 1914 г. Вскоре после свадьбы Тиэко заболела туберкулёзом и в июне 1932 г. совершила попытку самоубийства, потеряв рассудок. У нее диагностировали шизофрению, и она была помещена в одну из психиатрических клиник г. Токио, где скончалась от туберкулеза в 1938 г. Неземной облик Тиэко поэт воплотил в своих творениях.

Рис. 1. Такамура Котаро.
Автопортрет

Рис. 2. Наганума Тиэко

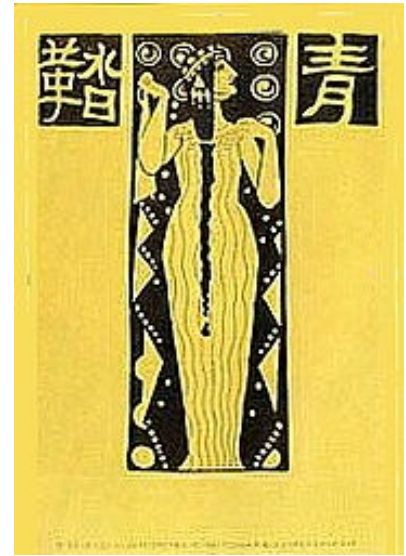

Рис. 3. Обложка журнала
«Сэйто», вып. 1

В Японии «Стихи о Тиэко» получили большое признание. На основе антологии было создано два романа, шесть пьес, семь музыкальных произведений – среди них две оперы и сборники песен. Антология отражена в трёх телевизионных драмах, радиодраме и двух кинофильмах.

Известны пьесы традиционного театра Но, написанные современным языком (新才能, синсакуно). Первой такой пьесой была увидевшая свет в 1958 г. музыкальная драма «Стихи о Тиэко». В ней представлено семь стихотворений Такамура Котаро, в том числе элегия «Лимон» (「レモン哀歌」, «Рэмон айка», 1939). Режиссером выступил Такэти Тэцудзи (武智鉄二, 1912–1988), музыку к текстам подобрал актёр Кандзэ Хисао (1925–1978), сыгравший главную роль. Спектакль прошёл успешно. Эта экспериментальная постановка имела большое значение, так как показала, что пьесы Но могут звучать и на современном языке [5, с. 24].

Кинофильм 1967 г. рассказывает о жизни поэта и поэтессы. Кроме произведений Такамура Котаро, в основу сценария был положен «Роман “Стихи о Тиэко”» (「小説智恵子抄」, «Сё:сэцу Тиэкосё:», 1962) писателя-модерниста Сато Харуо (1892–1964). Стремясь утвердиться в искусстве живописи и поэзии, Тиэко истощила свои силы, и поняла, что ей не достичь того высокого мастерства, каким обладает её муж. Возможно, эти душевные переживания привели её к длительной и глубокой депрессии, вылившейся в психическое заболевание.

Такамура Котаро был прежде всего скульптором. В эссе «Моё отношение к поэзии» (「私と詩の関係」, «Ватаси то си но канкэй», 1940) он пишет: «Что бы я ни делал, я всё равно скульптор. Это у меня в крови. Хорошие я делаю скульптуры или плохие – моя судьба неизменна. Однако этот скульптор пишет стихи» [21]. Важно отметить, что в стихотворную палитру автор перенёс навыки ваяния – чёткость изложения, фактурность образа. Такамура Котаро был сыном известного японского скульптора Такамура Коун (高村 光雲, 1852–1934) и продолжил семейную традицию.

Тории Маюми приводит следующие факты из биографии Такамура, ссылаясь на дневники поэта [25]. Он обучался в Токийской школе изящных искусств (1897–1902), где изучал

скульптуру и масляную живопись. Затем он учился в Нью-Йорке (1906), Лондоне (1907), Париже (1908), познакомился с такими известными мастерами, как Бернард Лич (1887–1979), «отец британской школы гончарного дела», Дж. Г. Борглум (1867–1941), учитель Такамура, создатель Рашморского мемориала. В 1909 г. он возвратился в Японию. Художественный стиль Такамура-скульптора был новаторским, отличался от традиционного японского искусства, свидетельствовал о влиянии западной скульптуры. Например, его работа «Рука» (рис. 4) отсылает к многочисленным изображениям рук О. Родена (1840–1917).

Рис. 4. Рука (бронза, 1918)

Необходимо отметить особо внимательное отношение мастера к природе, являющейся для него идеалом чистоты, источником вдохновения [25]. В эссе «Снег в горах» (「山の雪」, «Яма но юки», 1957), опубликованном после смерти Такамура, он раскрыл свои наблюдения над природой и настроение умиротворённости от общения с ней: «Возникает желание повстречать, если не человека, то какое-нибудь живое существо», «Наблюдая, как дятлы усердно стучат по каштану, стоящему перед моим домом, я замечал много зелёных дятлов с красным пятнышком на голове, были и другие – с белыми полосками, чёрными перьями и красным брюшком», «Ещё хорошо слышно, как в далёком болоте крикают утки» [22].

Поэтическое творчество Такамура Котаро восходит к школе символизма – одному из направлений в литературе и искусстве Японии начала XX в. А. А. Долин относит его к ведущим поэтам зрелого символизма [14, с. 306–338]. В 1909 г. молодые представители неоромантизма (新ロマン主義, синромансюги) создали творческое объединение под названием «Общество Пана» (「パンの会」, «Пан но кай») в честь древнегреческого божества, известного пристрастием к вину и веселью.

Такамура вспоминал, что в «Обществе Пана» преобладала непринуждённая атмосфера, и молодёжь, собираясь в кафе на набережной реки Сумида, «воображала себя на берегах Сены». Поэт называл этот кружок «фейерверком юности». В нём «умели выпить и

повеселиться, интересовались поэзией, изобразительным искусством, музыкой, верили в исключительное значение культуры, её способность перевернуть мир» [9, с. 80].

Хагивара Сакутаро, поэт-модернист, «отец современной японской поэзии», в работе «Истоки поэзии» (「詩の原理」, «Си но гэнри», 1928) рассуждает о поэзии символизма и о символе как явлении. «Понятие символа давно пришло в нашу страну, но, несмотря на широкое распространение в поэтических кругах, быстро вышло из употребления, так и оставшись непонятым», – заключает автор. Хагивара утверждает, что изначально символ использовался для обозначения «вещей метафизических», не относящихся к реальному миру, а главная чувственная составляющая поэтического духа как ничто другое совпадала с сущностью религиозного чувства. Поэт приходит к выводу, что символизм в действительности существует уже многие века [26]. Закономерно, что новая поэзия Японии несла в себе как национальные традиции поэтической символики, так и западные веяния.

Такамура Котаро писал танка (短歌) и хайку (俳句) – стихи традиционных жанров японской лирики, ограничивающих количество слогов в строке, но затем обратился к верлибру (自由詩, дзю:си) – свободному стиху, не свойственному японской поэзии. Утверждение верлибра в японской литературе наблюдается начиная с 1906 г. Философия верлибра была ясно изложена французским писателем Роменом Ролланом (1866–1944): «Поэзия заключается не в ритмическом сочетании слов-погремушек, но в духе, который охватывает широкие горизонты и видит дальше и глубже, чем глаза человека» [7]. Открытие горизонтов вдохновляло японских поэтов.

Антология «Стихи о Тиэко» насыщена символическими образами. В ней читатель открывает не только любовь Такамура Котаро, которой посвящены стихи, но вместе с поэтом размышляет о природе и месте в ней человека, о тайнах бытия и смысле существования.

Такамура Котаро известен первым поэтическим сборником «Дорожная даль», (「道程」, «До:тэй», 1914), а также последним «Классическая форма» (「典型」, «Тэнкэй», 1950). В творчестве поэта был и период стихов о животных – «Бестиарий» (「猛獣篇」, «Мо:дзю:хэн», 1925–1938). Он написал 14 произведений, составивших цикл бестиария, в том числе «Невинность» (「清廉」, «Сэйрэн», 1925) и «Разбивающий волны кит» (「潮を吹く鯨」, «Сио о фуку кудзира», 1938). Он создавал произведения, воодушевляющие читателей. Например, в стихотворении «Целомудрие» (「純潔」, «Дзюнкэцу», 1940) поэт писал, обращаясь к молодому поколению: «Береги целомудрие, юноша – / юноша, которому нет двадцати! / Как подарок небес, / Береги целомудрие, юноша! / Не загрязняй своё юное тело, / отбрось всё наносное, тёмное / и радость познай в красоте!» [24]. Потеряв Тиэко, поэт находил вдохновение, воспевая юность, жизнь и природу.

Проблемы перевода

На переводчике лежит большая ответственность по передаче художественного своеобразия текстов поэта-символиста на переводящий язык. Для выполнения поставленной задачи необходимы фоновые знания, поскольку судьба Такамура Котаро неотделима от его художественных произведений, в них он непосредственно и свободно изливает переполняющие его чувства. Особенность его идиостиля заключается в этой слитности автора и лирического героя.

По словам Такамура, он мало внимания уделяет изображению объектов, но предпочитает выражать ощущения и желания. Поэт также утверждает, что его лирику «поэтический мир должен принять и сделать гумусом современной поэзии» [21]. «Стихи о Тиэко» отличает эмоциональная экспрессивность и глубина имплицитного содержания. Исследователь японской поэзии Джеймс О'Брайен разделяет сборник на тематические части: влюбленность (1912), брак (1914), болезнь (1931) и смерть (1938) [16]. Такамура на протяжении всей истории отношений с Тиэко пишет стихи, и читатель способен проследить, как внутреннее состояние поэта меняется и находит отражение в его произведениях.

В русскоязычном переводоведении для оценки качества перевода выдвинуты понятия «эквивалентность» и «адекватность», получившие широкое распространение благодаря работам В. Н. Комиссарова. Эквивалентность определяется как максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала [8, с. 70]. При этом необходимо учитывать недоступность полной эквивалентности между исходным языком (ИЯ) и переводящим языком (ПЯ). Адекватным называется перевод, который «обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности» [8, с. 233].

В соответствии с теорией оптимальности в лингвистике, разработанной П. Смоленским, А. Принсом и Дж. Маккарти в 90-е годы, а также предложенной Эрико Сато и Лесли Клопер на ее основе «модели ограничений», в переводческой работе необходимо следовать определенным требованиям [19]. Авторами модели предлагается максимально увеличить степень свободы переводчика, чтобы повысить языковую эквивалентность. Вместо конкретного набора действий выдвигаются общие правила. Они представлены в иерархическом порядке.

Требования формы: между ИЯ и ПЯ должно соблюдаться тождество формы – естественности изложения.

Смысловые (семантические) требования: между ИЯ и ПЯ должно сохраняться максимальное семантическое тождество.

Требования полезности (прагматические требования): между ИЯ и ПЯ должно наблюдаться тождество в их прагматических значениях.

Функциональные требования: элементы ИЯ должны быть наиболее оптимально переданы на ПЯ.

Фонологические, морфологические, лексические, синтаксические изменения текста неизбежны. Однако они должны быть оправданы стремлением увеличить гармоничность высказывания на ПЯ. В анализируемой статье рассматриваются строки из стихотворения «Дорожная даль» (「道程」, «До:тэй», 1914) Такамура Котаро, их перевод на английский язык.

僕の前の道はない／僕の後ろに道はできる

Before me, no road. / Behind me, a road.

В обоих предложениях присутствует подлежащее 道 (мити, дорога), за которым следует は (ва) – тематический показатель. Сказуемое в первом предложении выражено лексемой ない (най, не существует), во втором – глаголом できる (дэкиру, создать, сделать). Критикуется перевод на английский за его двусмысленность, за неиспользование более подходящих языковых средств для передачи семантики оригинала, предлагается лучший вариант: «In front

of me, there is no road. Behind me, there will be a road created». А.А. Долин представил японские стихи иначе:

Нет дорог впереди – / Позади пролегла дорога [12].

できる обозначено глаголом «пролегла», формой прошедшего времени глагола «пролечь», выполняющим роль стилистического синонима «быть сделанным». Переводы согласуются с «моделью ограничений» – учитывают языковую контрастивность и полисемию японского глагола, смысловое содержание произведения.

Приведённые варианты перевода японских строк соответствуют критериям адекватности, хотя они не в полной мере выполняют требование эквивалентности. Однако такое сочетание при переводе поэзии предпочтительно. Приведём фрагменты стихотворения Такамура Котаро как пример переводческой работы в описанных выше ограничениях, с соблюдением необходимых требований.

Анализ перевода

Переводы стихотворения «Пробуждение зимним утром» выполнены Д.В. Ковалениным («Пробуждение») [13] и Фурута Соити («Winter Morning Awakening») [20, с. 10]. Стихотворение является образцом символизма в японской поэзии. Оно относится к раннему периоду в творчестве Такамура Котаро, который отличается ярко выраженной чувственностью и гедонистической радостью.

冬の朝なれば / ヨルダンの川も薄く氷りたる可し

Когда наступит зимнее утро, / река Иордан покроется корочкой льда.

It is a winter morning / So the river Jordan must be thinly frozen.

Автором для передачи эмоций используются различные художественные образы, в том числе и заимствованные из христианской истории. Он пишет о любви и страсти, о природе и единении с ней человека. Неожиданно в первых строках поэт использует прецедентное имя собственное – топоним «река Иордан», мысленно перенося читателя из Японии на Ближний Восток. Иордан – символ величия природных сил: река играет роль границы, протекая посередине плодородной долины.

Прецедентные имена собственные, широко известные онимы, используются в тексте не столько для обозначения конкретных явлений, сколько в качестве культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб. Реку Иордан следует отнести к сакральным топонимам, отмеченным религиозным смыслом, поскольку «для религиозной коммуникации характерно символическое употребление некоторых наименований, которые становятся прецедентными» [2, с. 16]. Река Иордан является местом крещения Иисуса Христа [6, с. 1054].

Прецедентные имена обладают обширной семантикой, используются в качестве метафор и сравнений [11]. При переводе необходимо решить, нужно ли пытаться их адаптировать. В большинстве случаев переводчику приходится рассчитывать на среднестатистического реципиента, знакомого с тем или иным культурно-историческим явлением, например, с библейской историей из «Нового завета» [6, с. 1061–1062]. При переводе географические названия трансформируются в соответствии с фонологическими и орфографическими нормами ПЯ, при этом учитываются и требования традиции [18]. Эти правила распространяются и на другие онимы.

Иордан не замерзает зимой, но автор вводит поэтический троп и заставляет задуматься о причинах его появления в стихотворении. Опираясь на знание культурных реалий, можно

предположить, что через образ замёрзшего Иордана поэт передаёт ощущение пронизывающего холода, царящего в японском доме зимним утром. Совмещение сакрального и профанного придаёт тексту юмористический оттенок.

われは白き毛布に包まれて我が寢室の内にあり / 基督に施すヨハネの心を / ヨハネの首を抱きたるサロオメの心を / 我はわがこころの中に求めむとす

Я сяду в спальне, / закутавшись в плед белой шерсти – / И сердце моё уж не тронут / поход Иоанна-крестителя в обетованные земли / и дикая страсть Саломеи, мечтавшей отсечь ему голову.

Shrouded in a white blanket, I am in my bedroom / I seek in my mind / The mind of John baptizing Christ / The mind of Salome holding the head of John.

Конструирование зимнего пейзажа сопровождается описанием спальни с присутствием колоратива «белый» [10, с. 103]. 白き毛布 (сироки мо:фу) – «белое шерстяное одеяло» стилистически не является эквивалентом ксенонима «плед» в русском языке, а на английский переведено буквально: white blanket.

Автор вспоминает библейский сюжет – пишет о Христе, Иоанне Крестителе и Саломее. Эти антропонимы заключают в себе раннехристианскую историю человечества. Иоанн символизирует добро, а Саломея – коварство и зло. Для понимания стихотворения нужно обратиться к фоновым знаниям, концепцию которых обосновали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [3, с. 85–86]. Фоновые знания рассматриваются как «общие для участников коммуникативного акта знания». Это информация трех видов: общечеловеческая, региональная и страноведческая, обеспечивающая взаимопонимание при общении. Для восприятия данного стихотворения достаточно общечеловеческих знаний.

Строка Д.В. Коваленина «сердце моё уж не тронут» звучит своеобразно. В японском тексте лирический герой заглянул в свой внутренний мир, пытаясь понять, что двигало Иоанном и Саломеей, т. е. совершил активное действие, для описания которого поэт использует выражение 求めむとす (мотомэму то су, стремлюсь найти). В русском переводе лирический герой, напротив, отказывается от этого действия. В английском варианте смысл передан точно с помощью глагола «seek» (искать).

В приведённых строках переводчику нет необходимости объяснять читателю прецедентные имена: автор сам это сделал. Так, в японском тексте читаем: «Иоанн, который крестил Христа» (基督に洗礼を施すヨハネ). Если речь идет о «походе Иоанна в обетованные земли», то это не соответствует оригиналу. Саломея буквально «держит голову Иоанна» (ヨハネの首を抱きたる). Переводчик поясняет: «мечтала отсечь ему голову». В данном случае он ориентируется на незнакомого с библейской ситуацией читателя. Однако само описание поэтом Иоанна и Саломеи даёт представление об их роли в истории, поэтому пояснений в переводе не требуется.

Перевод на английский, выполненный Фурута Соити, лишён переосмыслений, дополнений: «John baptizing Christ» (Иоанн, крестивший Христа), «Salome holding the head of John» (Саломея, держащая голову Иоанна).

冬^{ちまた}の朝なれば 街より / つつましくからころと下駄の音も響くなり

Когда наступит зимнее утро / с улицы шумной / услышу смиренный стук гэта.

It is a winter morning, so from the streets / you'll hear the modest clatter of wooden clogs.

Прилагательное «шумный» отсутствует в оригинале и в переводе выполняет дополнительную художественную функцию. Прямое значение слова つつまし (цуцумаси) – «скромный», «тихий», однако переводчик подбирает стилистический синоним «смиренный», не искажающий смысла оригинала, но затрудняющий его понимание в силу лексической несовместимости, выдвигаемой русским языком. В японском тексте присутствует оноματοпозэтическое слово からこゝろ (кара-коро), переведённое как «стук». В русском языке существует эквивалентная лексема «тук-тук», но она обладает более широкой семантикой и не использована в переводе.

В английском варианте стук гэта (деревянных сандалий) передан существительным «clatter», имеющим звукоподражательную природу, как и слово «стук» в русском языке. Прилагательное つつまし переведено стилистически нейтральным «modest» (умеренный, скромный). Поэтическое слово «смиренный» в русском языке не употребляется в сочетании со словом «стук» и использовано переводчиком в качестве метафоры. В то время как «modest» часто относится к звуку, музыке: «When the violinist finally emerged for the Ravel Sonata, the balances were skewed and his own more modest sound was routinely covered by the throbbing piano» [15]; «it's programmed dance-pop, stacking modest sounds into slyly intricate tracks» [17].

Необходимо отметить, что в переводе Д.В. Коваленина повествование ведётся от первого лица, а в переводе Фурута Соити используется местоимение второго лица «you» (ты), которое, наряду с «one» и «they», часто выполняет функцию безличного местоимения [4]. Думается, что оба варианта правомерны, поскольку в японском тексте «стук раздаётся» (音も響く), а переводчики трансформируют это выражение, прибегая к глаголу «слышать».

冬ふゆの朝あさなれば / 郊外こうがいの家いへにも / ひよどり つと
鶇つと は 夙ふし に来き鳴なく可べし

Когда наступит зимнее утро, / с рассветом / должны закричать будут птицы.

It is a winter morning / So a bulbul will come early to your suburban home singing.

Поэтом использован орнитологизм (хиёдори), обозначающий рыжеухого бюльбюля (*Hypsipetes amaurotis*) – певчую птицу, относящую к семейству бюльбюлевых, которых также называют короткопалыми дроздами. Таким образом, перевод «дрозд» или «thrush» (цугуми) – это генерализация, один из видов переводческих трансформаций. Перед переводчиком стоит выбор: точность или простота. Вне зависимости от перевода, поющая птица символизирует радость и счастье. Культурно-ориентированный вариант перевода требует сохранить орнитологизм, что и сделано в английском тексте. Переводчик на русский обратился к генерализации, и бюльбюль оказался «птицей».

夙ふしに (цутони, рано утром) Д.В. Коваленин переводит как «с рассветом», передавая смысл данной лексемы и усиливая художественную выразительность текста, поскольку «рассвет» часто используется в поэзии в качестве тропа. В отличие от английского варианта, переводчик не опустил формант 可べし (бэси, должный, вероятный) – показатель долженствовательно-потенциального наклонения [1, 120–125]. 鳴なく (наку) в японском языке обладает множеством значений – лаять, визжать, мычать, кричать, чирикать, петь и т. д., эта лексема переводится в соответствии со смыслом оригинала. 夙ふしに на английский передано адекватно –

«early» (рано). 郊外の家 (ко:гай но из, загородный дом) Д.В. Коваленин оставил без перевода, но Фурута Соити сделал эквивалентный перевод – «suburban home».

ポインタアの吠ゆる声とほく ^{きた}来れば

Во дворе залает ушастый мой пойнтер.

Far away a pointer's barking.

«Пойнтер» – ксеноним в японском и русском языках, обозначающий породу собак, вы-

веденную в Англии, где охота с ними – культурная традиция. 声とほく ^{きた}来れば (коэ то:ку китарэба) – фразеологическое словосочетание, требующее совершить лексическую трансформацию: «лай донёсся» или «лай раздался». В переводе на русский произведена синтаксическая замена. «Лай», подлежащее в оригинале, становится сказуемым, выраженным глаголом совершенного вида «залает».

В переводе на английский сокращение pointer's может означать притяжательную форму существительного «пойнтер». Таким образом, в строке отсутствует сказуемое, а «barking» – это подлежащее в назывном предложении. Так осуществились синтаксические трансформации.

В английском тексте корректнее представлена лексема とほく (то:ку, вдалеке): «far away». В переводе на русский «во дворе» не отражает язык оригинала, но позволяет проследить логику его содержания. Если автор знает, что лай собаки принадлежит пойнтеру, то очевидно, что это его собака («мой пойнтер»), и находиться она может только во дворе дома хозяина. Дополнительно дано и описание собаки – «ушастый», что отражает чуткое отношение поэта к животным.

Таким образом, перевод на английский точно передаёт все аспекты оригинала, а перевод на русский выполнен в более свободной манере – сохраняется основной смысл, но отводится место и для творчества переводчика.

Заключение

Такамура Котаро оставил значительный след в истории литературы и искусства Японии. Судьба его жены Тиэко, изложенная им в стихах антологии, обрела широкую известность, привлекла драматургов, писателей, кинорежиссёров, переводчиков.

В теории перевода выделяются ограничения, которыми переводчик руководствуется при определении стратегии своей деятельности. Примеры рассмотренных переводческих трансформаций, показали, что переводчикам удалось перенести на переводящий язык, а что осталось за границами перевода. Кроме того, эквивалентность и адекватность рассмотренных переводов можно оценить как высокие.

Очевидно, что Фурута Соити стремился достичь эквивалентности, сохранить форму оригинального произведения, и в его работе соблюдена авторская стилистика. Перевод Д.В. Коваленина объединён с оригиналом идеей и темой. Прибегая к приёмам художественной выразительности, он старается заинтересовать читателя творчеством поэта, поскольку в русскоязычном пространстве имя Такамура Котаро малоизвестно. Качество художественного перевода на русском языке достигается благодаря глубокому пониманию содержания оригинала и хорошему владению русским литературным языком.

Список литературы

1. *Бреславец Т.И.* Старописьменный язык традиционной японской литературы. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015. 260 с.
2. *Бугаева И.В.* Фоновая семантика топонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология, 2007. Вып. 4. С. 13–16.
3. *Верецагин Е.М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973. 251 с.
4. *Грамматика английского языка / Местоимение / “One”, “you” и “they” в качестве безличных местоимений.* URL: <http://anglais.ru/2012/11/one-you-i-they-v-kachestve-bezlichnyx-mestoimenij/index.html> (дата обращения: 13.06.2022).
5. *Гришелёва Л.Д.* Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 155 с.
6. *Евангелие от Марка* // Библия. М.: Российское библейское общество, 2004. 1376 с.
7. *История зарубежной литературы XX века: 1917–1945.* Ромен Роллан. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/izl-1917-1945/romen-rollan.htm> (дата обращения: 30.05.2022).
8. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
9. *Краткая история литературы Японии.* Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 117 с.
10. *Мельничук О.А., Руфова Е. С.* Символика цветового эпитета «белый» в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамура Котаро и Ивана Гоголева) // Вестник СВФУ, 2019. № 5. С. 101–108.
11. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
12. *Такамура Котаро.* Из книги «Дорожная даль» / пер. А. А. Долина. URL: <https://litvek.com/br/426491?p=52> (дата обращения: 02.08.2022).
13. *Такамура Котаро.* Стихи о Тиэко / Пер. Д. В. Коваленина. URL: <https://susi.ru/takamura.html> (дата обращения: 02.08.2022).
14. *Dolin A.* The Bronze Age of Japanese Poetry. Akita: Akita University Press, 2013. 515 p.
15. *Eichler J.* CRITIC’S NOTEBOOK; 4 Violinists Take 4 Roads to Try to Stand Out. – URL: <https://www.nytimes.com/2004/01/20/arts/critic-s-notebook-4-violinists-take-4-roads-to-try-to-stand-out.html?smid=url-share> (дата обращения: 08.06.2022).
16. *O’Brien J.* On Teaching the Chieko shō of Takamura Kōtarō // The Journal of the Association of Teachers of Japanese. Vol. 18, No. 2 (Nov., 1983), pp. 167–173.
17. *Pareles J.* ‘Likkul’ Bit of Sweden and a Touch of Nigeria, Too. URL: <https://www.nytimes.com/2008/05/18/arts/music/18play.html?smid=url-share> (дата обращения: 08.06.2022).
18. *Sato Eriko.* Proper Names in Translational Contexts // Theory and Practice in Language Studies, Vol. 6, No. 1, pp. 1-3, January 2016. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0601.01>.
19. *Sato Eriko, Cloper Leslie.* Constraint-Based Approach to Translation Studies // Lingua et Linguistica, 1.2. 2007, pp. 215–232. URL: <https://books.google.ru/books?id=72wo1wtuWtUC&pg=PA215&lpg=PA215&dq=#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 18.05.2022).
20. *Takamura Kotaro.* Chieko’s Sky / Translated by Soichi Furuta. Tokyo: Kodansha, 1978. 71 p.
21. 高村光太郎。自分と詩との関係。= *Такамура Котаро.* Моё отношение к поэзии. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001168/files/46373_25626.html (дата обращения: 18.05.2022).

22. 高村光太郎。山の雪。= *Такамура Котаро*. Снег в горах. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001168/files/43784_25643.html (дата обращения: 30.05.2022).
23. 高村光太郎。智恵子抄。= *Такамура Котаро*. Стихи о Тиэко. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001168/files/46669_25695.html (дата обращения: 09.08.2021).
24. 高村光太郎。純潔。= *Такамура Котаро*. Целомудрие. URL: <https://familyforum.jp/2012111313064> (дата обращения: 30.05.2022).
25. 鳥居 万由実、高村光太郎における動物表象—自己と他者の相克をめぐって。= *Тории Маюми*. Изображение животных в поэзии Такамура Котаро, конфликт личности и окружающего мира. URL: <https://core.ac.uk/reader/43546160> (дата обращения: 30.05.2022)
26. 萩原朔太郎。詩の原理。= *Хагивара Сакутаро*. Истоки поэзии. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000067/files/2843_26253.html (дата обращения: 31.05.2022).

Статья поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Перевод и комментарии
УДК 93

**«ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЛАДИВОСТОК»:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕТРА УНТЕРБЕРГЕРА
(Перевод с немецкого языка с комментариями переводчика)**

Людмила Евгеньевна Корнилова

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, kornilova.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

Аннотация. Здание по адресу ул. Светланская, 52, и имя военного губернатора генерал-майора Павла Федоровича Унтербергера хорошо известно жителям города Владивостока. Этот дом был резиденцией военного губернатора и об этом доме с теплотой вспоминает его старший сын Петр Унтербергер. Он оставил своим потомкам мемуары «Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера (1881–1960)». Первые 700 страниц мемуаров о детстве, отрочестве и юности вышли в издательстве «ЛИТ» в 2021 году. Вниманию читателя предлагается перевод отдельных эпизодов из второй части мемуаров.

Ключевые слова: история, Владивосток, владивостокская крепость, Петр Унтербергер

Для цитирования: Корнилова Л.Е. Возвращение во Владивосток: из воспоминаний Петра Унтербергера. (Перевод с немецкого языка) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1 № 1. С. 121–125.

Translation with translator's comments

**“RETURN TO VLADIVOSTOK”:
FROM THE MEMOIRS OF PETER UNTERBERGER
(Translation from German with Translator's Comments)**

Ludmila E. Kornilova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, kornilova.le@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6913-0899>

Abstract. The building at Svetlanskaya Street 52 and the name of the military governor, Major-General Pavel Fedorovich Unterberger, is well known to Vladivostok residents. This house was the military governor's residence, and his eldest son Peter Unterberger remembers it fondly. Peter Unterberger left his memoirs «Between Two Chairs. Observations, Thoughts and Memoirs of Peter Unterberger (1881–1960)», which his granddaughter Erika Georgievna Unterberger, who lives in Gmunden, Austria, kindly made available to us. The first 700 pages of the memoirs from his childhood, youth and adolescence were published by LIT. We invite you to enjoy the translation of selected episodes from the second part of the memoirs.

Keywords: history, Vladivostok, Vladivostok Fortress, Peter Unterberger

For citation: Kornilova L.E. "Return to Vladivostok" (from the Memoirs of Peter Unterberger) (Translated from German) // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. Р. 121–125. (In Russ.)

В 2021 году в издательстве «ЛИТ» вышла первая часть воспоминаний Петра Павловича Унтербергера [4], военного инженера, полковника русской армии, французского майора и подданного Пруссии. Еще до выхода книги читатели смогли познакомиться с некоторыми главами мемуаров в «Известиях Восточного Института» [2; 3]. Мемуары Петра Унтербергера «Между двух культур. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера (1881–1960)» любезно предоставила нам его внучка Эрика Георгиевна Унтербергер, проживающая в г. Гмундене (Австрия). К сожалению, часть мемуаров утеряна, но нужно сказать, что сохранившиеся воспоминания расположились подробнейшим образом на 1645 страницах и представляют собой интересную и ценную информацию как для историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей нашей страны и нашего города. Воспоминания написаны автором на немецком языке, поскольку предназначались для детей и внуков, которым Петр Павлович хотел рассказать, какой замечательной страной была навсегда ушедшая старая Россия, чтобы предостеречь их от не критического восприятия европейских предрассудков, касающихся земли, на которой выросли несколько поколений их предков. Петр Унтербергер был сыном выдающегося русского государственного деятеля инженер-генерала Павла Федоровича Унтербергера, большая часть его службы прошла на Дальнем Востоке России, в том числе и в нашем городе Владивостоке. За всё время, пока Павел Фёдорович был военным губернатором в Приморской области, он успел реализовать множество проектов. При нём была построена Уссурийская железная дорога. В городе были возведены доки и торговый порт. Развивалась хозяйственная деятельность в области. Первая часть мемуаров заканчивается словами: «В первые дни декабря 1908 года я выехал, Петербург как место проживания был оставлен навсегда». На этом заканчивается его детство, отрочество и юность и начинается его первый период взросления. Так он назвал 18 главу своих воспоминаний. Завершив с отличием учебу в Николаевской инженерной академии в Санкт-Петербурге, Петр Унтербергер стал высококлассным специалистом, военным инженером, всесторонне подготовленным к главному делу своей жизни – проектированию и строительству форта № 2 Владивостокской крепости.

Вторая часть мемуаров начинается с рассказа о его переезде из Санкт-Петербурга во Владивосток. В конце 1908 года можно было доехать до Владивостока быстро и с большим комфортом, если вы выбрали Сибирский экспресс Петербург–Иркутск. «Это было действительно чудо своего времени. Вагоны экспресса имели гордые накладные надписи: «Прямое сибирское сообщение», «Сибирский поезд № 1» (было несколько составов таких поездов, и каждый нумеровался по-своему). В этом поезде были вагоны только I и II классов с водяным отоплением, с электроосвещением от собственной поездной электростанции. С 1896 года впервые в России в поездах такого класса появились вагоны-рестораны – изобретение американца Джорджа Пульмана, создателя дальнего комфортабельного пассажирского сообщения. В Сибирском экспрессе имелись также библиотека, пианино, гостиная с роскошными канделябрами, гардинами, скатертями, барометром и часами, бильярд; можно было за отдельную плату заказать горячую ванну и даже... позаниматься в

тренажерном зале (да-да, имелся здесь и такой!). В вагонах (также впервые в России) подавался чай в купе, и через каждые три дня менялось постельное белье» [1].

Вот как пишет об этом Петр Унтербергер: «На этот раз для переезда к новому месту службы я выбрал экспресс. В то время он отходил не из Петербурга, а из Москвы. Так как экспресс был скорым поездом, то я имел право воспользоваться этим же билетом для поездки на скором поезде из Петербурга в Москву. Экспресс назывался «Скорый поезд № 1» и имел вагоны 1-го и 2-го классов. В Москве мне пришлось провести весь день, так как мой экспресс отходил только вечером. В Иркутске была пересадка. Я выбрал так называемый «государственный экспресс», а не «международный вагон Lits», который был дороже и роскошнее обустроен, но на практике едва ли отличался комфортом от первого. Для иностранцев этот вагон имел бесспорное преимущество, так как обслуживающий персонал говорил на иностранных языках, в основном на английском и немецком. Когда Северная дорога через Вологду и Пермь была готова, Сибирский экспресс стал ходить из Петербурга».

Жители и гости Владивостока хорошо знакомы с Владивостокской крепостью – комплексом уникальных оборонительных сооружений, поражающих своей прочностью и продуманностью. Каждый форт Владивостокской крепости уникален. О том, как шла стройка фортов, подробно рассказывает Петр Унтербергер в своих мемуарах. И об этом читатель сможет прочесть после выхода в печать второй части. Возводили же эту уникальную крепость не просто профессионалы, а люди, увлеченные своим делом и отдающие себя без остатка любимому делу.

Петр Унтербергер так описывает процесс работы над проектами будущих фортов: «Вскоре все помещения стали похожи на чертежную мастерскую: повсюду стояли чертежные столы и доски; лежали карандаши, тушь, готовальни, треугольники и книги, так, что едва можно было передвигаться, но это, однако, не нарушало ни полного взаимопонимания, ни блестящего настроения всей компании. Мы принялись за работу с безграничным энтузиазмом, чертили и рассчитывали целыми днями, не считая часов. На протяжении всей моей службы во Владивостоке я не встретил ни одного инженера, который бы на объекте работал начальником строительных работ и считал бы часы. Мы работали по 10–12 часов ежедневно, позже, и все 24, когда начались большие бетонные работы, и необходимо было постоянное наблюдение. И мы были там и душой, и сердцем».

Чтобы строители крепости могли отдаваться своей работе, Алексей Петрович Шошин, начальник инженеров крепости, отдал распоряжение о постройке домов для инженеров и строителей рядом со стройкой.

Петр Унтербергер пишет: «Среди первых построек, которые мы возвели, были наши собственные жилые дома, которые, конечно же, должны были располагаться на соответствующих строительных участках. Здесь мы узнали нашего непосредственного начальника, полковника Шошина с новой стороны. Он придерживался мнения, что образованный человек, вынужденный жить более чем в часе езды от города, практически один в дикой местности, может претендовать на больший комфорт и удобства для себя и своей семьи, чем тот, кто живет в городе в обществе людей. Он наотрез отказался признать за нами нормы офицерского жилья и уполномочил Костю Кудрявцева разработать проект нашего дома по его персональным указаниям. Костя с энтузиазмом взялся за работу, и в итоге у нас получилась настоящая маленькая усадьба».

С чувством юмора Петр Унтербергер пишет о быте, о некоторых проблемах и о том, как они решали их:

«Наше безмятежное существование между работой, едой и сном было бы вполне идеальным, если бы в нашу жизнь не вкрался осложняющий фактор в виде колонии уток, принадлежавших нашему практичному соседу, капитану Егикову, занимавшему вторую квартиру в том же доме. Он держал не только уток, но и кур, гусей и свиней. Только гусей было не так много, и они лишь изредка издавали пронзительные звуки. Куры были безобидным народом, который разбегался по всей округе и время от времени кудахтал и клохтал; а свиньи сидели отдельно в свином хлеву, их совсем не было слышно!

Утки же представляли собой тесно сплоченное, многочисленное и организованное сообщество, все они без исключения слонялись с непрерывным, пронзительным криком и обычно останавливались у наших окон, где после каждого дождя образовывалась лужа, которую эти типы считали местом купания и сбора. Назойливость и настойчивость этой живности чем дальше, тем больше начинала действовать на нас на нервы. Мы решили максимально затруднить их пребывание под нашими окнами, для чего обзавелись парой мощных рогаток с достаточным запасом дроби. Первая утка ничего не подозревала и поэтому, громко крикая, спокойно шла вперевалочку. На нее и пришелся первый выстрел прямо в середину спины. Утка издала только одно пронзительное и возмущенное «кря», затем ее лапы разъехались в разные стороны, и она уселась плашмя на брюхо. Затем утка осознала ситуацию. Опираясь на обе лапы и оба крыла, она с протяжным криком взвилась в воздух и стрелой помчалась вперед по местности, пока не въехала клювом в противоположный склон холма. Затем она остановилась, яростно затрясла хвостом и огляделась вокруг. Вслед за этим между ней и остальными утками на другой стороне, которые, очевидно, с большим удивлением наблюдали за происходящим, началось громкое обсуждение.

В результате еще одна утка, особенно жирная, двинулась вперевалочку мимо нашего окна. Мы дождались, пока она окажется на расстоянии выстрела, натянули резину до ушей и одновременно выстрелили... Как ужаленная, она подпрыгнула всеми конечностями в воздух и издала жалобный крик, от которого заложило уши... затем с взъерошенными перьями она помчалась к другой. Они стояли и крикали друг другу. Остальные утки созвали собрание. Они стояли в кругу и все одновременно крикали. Наконец они, похоже, пришли к какому-то решению, потому что разбежались в разные стороны, а затем выстроились в две шеренги... Еще одно короткое оживленное криканье, а затем, как по команде, вся банда, в полном составе, пронеслась мимо нашего окна на другую сторону, словно монгольский кавалерийский эскадрон, с пронзительным визгом, криканьем и рёвом, хлопая крыльями так, что грохотали камни, где немедленно было созвано победоносное совещание, которое продолжалось 15 минут. Мы едва успели подстрелить ещё парочку из них. Подавляющее большинство ушло невредимыми! Но мы не сдавались, и упорная блокада нашего окна, в конце концов, принесла желаемый успех: пернатые существа избегали приближаться к нашему окну. Однако Егиков, с кислым выражением лица, утверждал, что его утки от волнения и горя теряют в весе, но мы ответили, что это лучше, чем если бы мы сами худели от постоянного беспокойства и отсутствия отдыха из-за его проклятых водоплавающих птиц и в результате чего нарушался бы ход важных государственных работ!... Так он, ворча, удалился, и наши отношения отныне приняли характер ледяной вежливости до тех пор, пока все постепенно не успокоилось».

Список литературы

1. Вульфов А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/164213> (дата обращения: 1.11.2022).
2. Корнилова Л.Е. Пребывание Престолонаследника Цесаревича Николая Александровича во Владивостоке (из воспоминаний Петра Унтербергера // Известия Восточного Института. 2016. № 1(29). С. 115–123.
3. Корнилова Л.Е. Реликвия семьи Унтербергер (из воспоминаний Петра Унтербергера) // Известия Восточного Института. 2019. № 2(42). С. 105–111.
4. Унтербергер П.П. Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера. Ч.1. «Детство, отрочество, юность» / перевод с немецкого Л.Е. Корнилова; ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин. Владивосток: ЛИТ, 2021. 400 с. ил.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 23.01.2023.